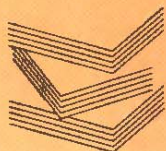
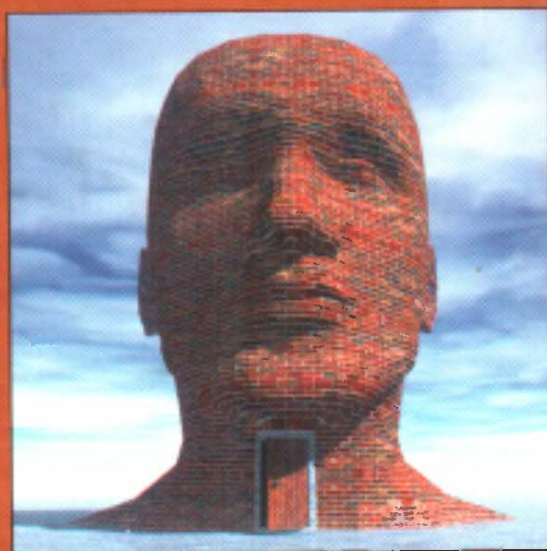

3332273

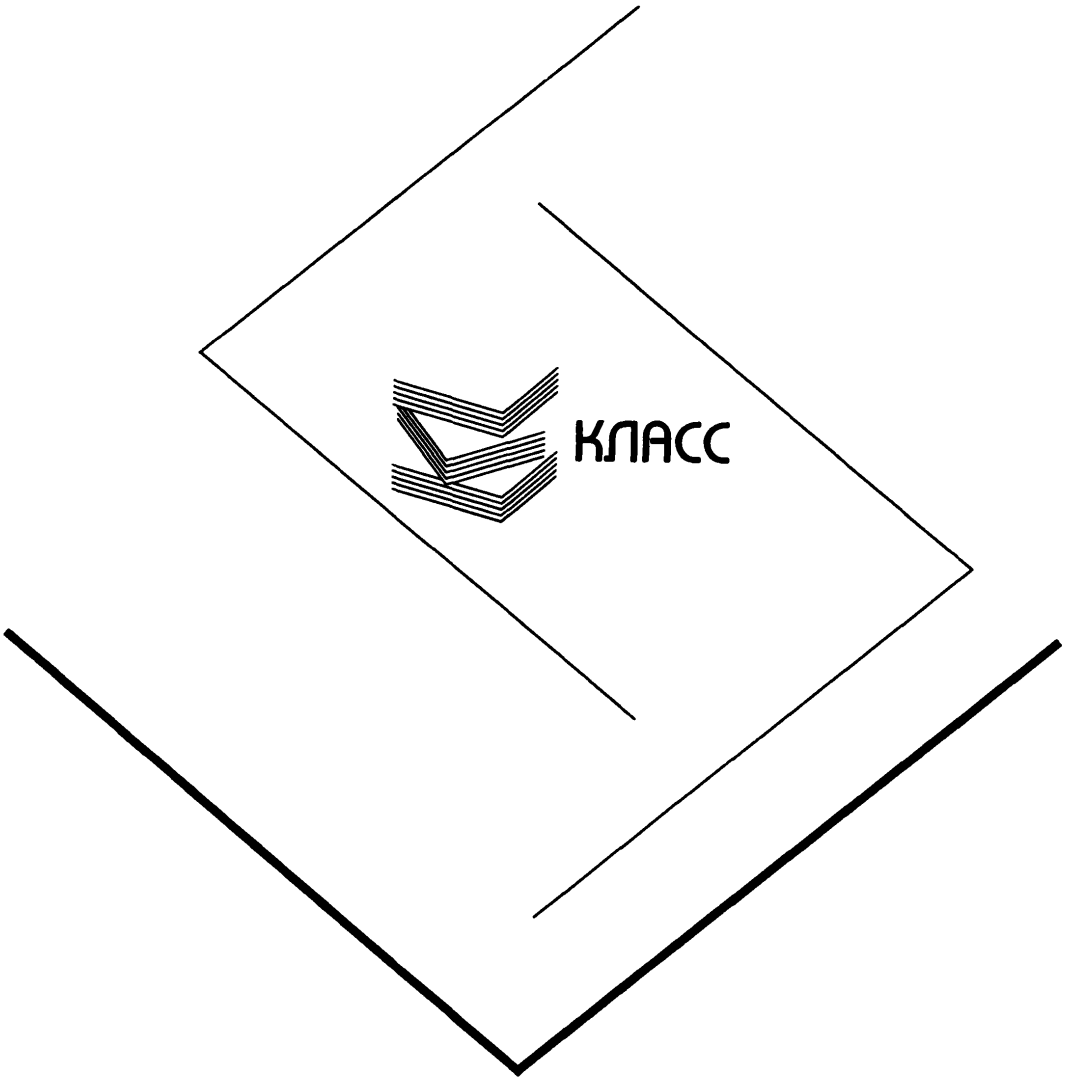
библиотека психологии и психотерапии

Дэвид Шапиро

АВТОНОМИЯ И РИГИДНАЯ ЛИЧНОСТЬ

КЛАСС

David Shapiro

Autonomy and Rigid Character

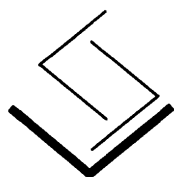
Basic Books
A Member of the Perseus Books Group

Дэвид Шапиро

Автономия и ригидная личность

Перевод с английского
В. Мершавки и А. Телицыной

Москва
Независимая фирма «Класс»
2009

УДК 615.851

ББК 53.57

Ш 23

Шапиро Д.

Ш 23 Автономия и ригидная личность / пер. с англ. В. Мершавки, А. Телицыной. М. : Независимая фирма «Класс», 2009. – 160 с. – (Библиотека психологии и психотерапии). ISBN 978-5-86375-158-0

В книге подробно рассмотрены общая психология автономии человека и развитие патологии ригидной личности. Рассматривается характерологическая шкала невротической ригидности: навязчивая одержимость, садизм и мазохизм и паранойяльная ригидность. Особый интерес вызывает блестящая критика автором известной концепции Фрейда о существующей связи гомосексуализма и паранойи, созданной на основе известного клинического случая Шребера.

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*
Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

ISBN 978-5-86375-158-0

© 1981 Basic Books, Inc.

© 2009 В. Мершавка, перевод на русский язык

© 2009 Независимая фирма «Класс»

© 2009 Н.Г. Зотова, дизайн обложки

Отдельные экземпляры книг серии можно приобрести в магазинах:
Москва: Дом книги «Арбат», торговые дома «Библио-Глобус» и «Молодая гвардия»,
магазин «Медицинская книга». Санкт-Петербург: Дом книги.

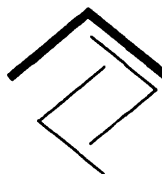
Посвящается Джулии и Бенджамину

Я хочу выразить благодарность
своему другу Джозефу О. Чесселю из Стокбриджа,
штат Массачусетс, за его внимательное чтение рукописи
и за многочисленные полезные замечания и предложения.

Кроме того, я хочу поблагодарить Фёбе Хосс
и Джо-Анн Миллер (издательство *Basic Books*)
за их исключительно ценную помощь
в редактировании книги при подготовке ее к изданию.

Я нахожусь в неоплатном долгу перед Маргарет Томпсон
за ее искусную, вдумчивую работу секретаря.

Мой друг, доктор медицины Вейкко Тэхкэ
из Куопио, Финляндия, также оказал мне
неоценимую помощь, и я приношу ему свою
искреннюю благодарность. И наконец, я благодарен
своей жене Джерри за ее критические замечания
по самым разным вопросам в процессе написания
этой книги.

Введение

В этой книге мы сосредоточим свое внимание на двух основных проблемах, причем одна из них следует из другой. Одна проблема – это общая психология автономии, или самоуправления, человека: в первой главе мы рассмотрим проблему автономии с теоретических позиций – так, как она рассматривается в психиатрии, а во второй главе рассмотрим развитие автономии. Другой проблеме – развитию патологии автономии ригидного характера – посвящена оставшаяся часть книги.

Изначальный интерес к невротическим стилям (стилю мышления, сознательным установкам и особенностям действия, характерным для разных невротических состояний) вызвал у меня интерес к автономии личности, ее субъективному ощущению и ее патологии. Мне думается, при введении понятия автономии полезно сказать несколько слов о ее связи с невротическими стилями, которые заинтересовали меня с самого начала.

По существу, эта связь прямая и совсем простая. Постепенно становится ясно, что взгляд на симптоматическое поведение человека как на отражение характерного для него образа мышления и восприятия не только во многом отличается, а даже прямо противоположен традиционному динамическому представлению. Возможность понимать специфическую форму симптоматического поведения (например, постоянное сомнение, беспокойство или сожаление, присущие людям, страдающим одержимостью¹) как

---

¹ В литературе по психологии и по психиатрии этот стиль личности также называется *обсессивно-компульсивным* (буквально с английского: *obsessive* – навязчивый и *compulsive* – одержимый). Но эта книга по психологии, а не по психиатрии, хотя она будет очень полезна и психиатрам тоже. Поэтому невроз в данном случае относится к норме, а не к заболеванию. В связи с этим я отказался от психиатрического термина «обсессивно-компульсивный», т.к. он соответствует симптому заболевания, и ввел его аналог, то есть буквальный перевод на русский язык. Но в данном случае он уже является не психиатрическим, а психологическим симптомом, присущим большому количеству невротиков, то есть нормальных людей. И в этом я вижу существенную разницу. – *Примеч. пер.*

следствие характерного стиля и образа мышления позволяет раскрыть некие фундаментальные аспекты природы такого поведения, и, так сказать, связанную с ним ответственность. Тогда оказывается, что между симптоматическим и несимптоматическим волевым поведением нет резких различий; что даже симптоматическим поведением управляют не только внутренние силы и потребности в соответствии со своими «целями» – как считается в традиционной теории психодинамики. Ими управляет сама невротическая личность в соответствии со своими целями, своим образом мышления и своей точкой зрения. И каким бы странным ни казалось поведение невротической личности ни нам, ни даже ей самой, это поведение в каком-то смысле должно казаться ей естественным. То, что невротичные люди (а тем более люди, страдающие шизофренией) могут ощущать свои действия менее автономными – не как действия, которые они совершают по своему желанию или выбору, а скорее как результат воздействия «навязчивости» или неуправляемого внутреннего импульса, не меняет эту общую картину, а только усложняет ее и делает ее еще более интересной. Действительно, это обстоятельство указывает на существование целой области психопатологии – патологии автономии.

Разумеется, представление о человеческой личности, включая невротическую личность, как о волевой, самоуправляемой и в этом смысле автономной совершенно не ново; при этом оно никогда не было включено в психиатрию. Психоанализ исторически был связан с теорией поведения, обусловленного влечением (*need-driven conception of behavior*), в особенности – симптоматического поведения. Это значит, что вообще не было большой потребности в развитии теории процесса действия, и в психоанализе такой теории практически не было, что повредило и развитию самой психоаналитической теории, и психоаналитической терапии. Только совсем недавно динамическая концепция поведения – поведения, обусловленного влечениями, – стала предметом тщательного критического рассмотрения с точки зрения психоанализа, о чем я вкратце расскажу.

Только признав существование процесса автономного, или волевого, управления поведением, можно выявить его нарушения и его приспособления (*compromises*) в психопатологии. Я попытаюсь показать, что ослабление автономии присуще любой психопатологии.

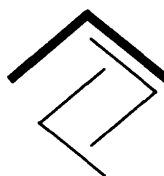
тологии. Любое психопатологическое состояние характеризуется определенными типами действия, которые так или иначе вступают в компромисс с нормальными волевыми процессами или искажают их.

С моей точки зрения, самые поразительные искажения этих процессов и субъективного ощущения автономии происходят при ригидном самоуправлении поведением одержимо-навязчивых (*obsessive compulsive*) и паранойяльных личностей. Здесь я употребляю понятие «ригидный характер» в особом смысле. По причинам (о которых я скажу позже) искажения процесса и субъективного ощущения автономии являются главными для понимания симптоматики людей, страдающих такими невротами, и близко связанной с ней симптоматикой садизма и мазохизма. Действительно, есть веская причина рассматривать такие состояния ригидной личности прежде всего как патологию автономии и предположить, что некоторые тенденции в самом развитии автономии являются главными для их этиологии.

Наверное, вполне очевидно, что в случае невроза навязчивой одержимости главным является нарушение автономии, то есть ригидность самоуправления человека. Я покажу, что и форма паранойяльных симптомов, включая паранойяльное стремление к защите и паранойяльную проекцию, является прямым следствием ригидности, но в данном случае в более серьезной форме. Думается, такое понимание паранойи поможет прояснить открытую Фрейдом поразительную связь между паранойяльными симптомами и бессознательной мужской гомосексуальностью. (Почему отвержение гомосексуальности принимает особую форму паранойи? Для начала – а почему у таких людей может возникать такое отвержение гомосексуальности?) В этой связи мы под совершенно иным углом зрения рассмотрим известный случай паранойяльного шизофреника Шребера, записи которого о его «нервной болезни» использовал Фрейд для развития своей теории. Эти записи остаются до сих пор ценным документом.

В пятой и шестой главах мы увидим, как можно в садизме и мазохизме (и в сексуальной, и в несексуальной форме) увидеть проявление ригидного характера. В психологии автономии существует интересная концепция, крайне важная для понимания как паранойяльного состояния, так и садизма и мазохизма. Она заключается в том, что ригидная личность часто придает особое зна-

чение отношениям между человеком более высокого социального статуса и человеком более низкого статуса – в таких состояниях отношения доминирования-подчинения имеют особую важность. Садизм и мазохизм я буду обсуждать между главой, посвященной ригидной навязчивой одержимости, и главой, посвященной паранойальной ригидности: так будет легче понять эту книгу, поэтому я рекомендую читать ее последовательно.

Проблема индивидуальной автономии

Проблему, которую мы рассмотрим в этой книге, с уверенностью можно назвать одной из главных в психиатрии. Она проявляется при объяснении человеческого поведения (в особенности симптоматического поведения невротической личности) на языке «динамики» традиционного психоанализа – то есть с точки зрения действующих внутренних сил, влечений и их производных, защитных механизмов и т.п. Как я уже отмечал во введении к этой книге, эта проблема связана с созданием концепции человеческого действия, которое вызывается внутренним побуждением и управляется внутренними силами согласно заложенным в них тенденциям, их интенсивности и их «целям», – в отличие от действия, которым человек управляет в соответствии со своими целями и намерениями, своим свободным выбором, своей точкой зрения и образом мышления. В частности, эту проблему можно показать на конкретном примере, спросив, кого следует называть алкоголиком – того человека, который не может перестать употреблять алкоголь в больших количествах или который не может *захотеть* бросить пить в той мере, в которой, по его мнению, он должен это сделать.

В последнее время некоторые психоаналитики и психологи, включая меня самого, занимались разными аспектами этой основной проблемы. Одни психологи, склоняющиеся к психоанализу, занимались ее базовой теорией мотивации, ее концепцией влечения как некой внутренней силы, связанными с ней проблемами, а также создаваемым ею представлением о личности как в сущности пассивной психической структуры. Эта структура получает энергию при воздействии импульса, обусловленного влечениями или их производными². Другие психологи полагали, что источник

---

² См.: Robert R. Holt, «Drive or Wish: A Reconsideration of the Psychoanalytic Theory of Motivation», *Psychological Issues*, vol. IX/4, Monograph 36, p. 158–197; George S. Klein, *Psychoanalytic Theory An Explanation of Essentials* (New York: International University Press, 1976). См. также: R. W. White, «Ego and Reality in Psychoanalytic Theory: A Proposal Regarding Independent Ego Energies», *Psychological Issues* (1963). – *Здесь и далее, если не указано иначе, примечание автора.*

проблемы связан с психоаналитическим разделением личности на отдельные психологические области³ или с отсутствием четкого представления об индивидуальной воле⁴. С моей точки зрения, для решения этой проблемы прежде всего необходима приемлемая концепция волевого действия, сознательного самоуправления и индивидуальной автономии человека⁵.

Эта проблема в корне меняет наше представление о личности, но особенно остро – наше понимание симптоматического поведения. В психиатрии существует множество идей и концепций симптоматического поведения, в которых, несмотря на их широкое применение, содержится много неоднозначных или даже просто неоправданных допущений о природе и механизме человеческого действия. В частности, существует представление об «импульсивном невротике» как о человеке, управляемом непреодолимыми влечениями или импульсами или неспособном «контролировать» свои импульсы; понятие «отыгрывания», концепция навязчивого поведения как навязчивых ритуальных действий, совершаемых под воздействием сил Супер-Эго; концепция навязчивых повторений или возобновления навязчивых воспоминаний и, по существу, общая концепция бессознательно мотивированного поведения (объясняющая симптоматическое поведение), – все эти понятия, идеи, теории и концепции, по крайней мере, на поверхностном уровне подразумевают наличие особых импульсов или бессознательных сил, создающих достаточно сильное побуждение и управляющих действием – в тех случаях, когда их энергии хватает, чтобы вызвать это действие. Безусловно, психоанализ никогда не забывал о требованиях сознания. Считалось, что в конечном счете движение зависит от сознания, за исключением кратковременных или особых пауз. Управляемое импульсом действие в основном считалось «эго-синтонным», а в присутствии неврозу симптоматическом поведении находили по крайней мере некую внешнюю оболочку осознанной цели, созданную рационализации-

---

³ Rollo May, «The Problem of Will and Intentionality in Psychoanalysis», *Contemporary Psychoanalysis* (1966), 3: 55–70.

⁴ Allen B. Wheels, «Will and Psychoanalysis», *Journal of the American Psychoanalytic Association* (1956) 4: 285–303; Leslie H. Faber, *The Ways of the Will* (New York, Basic Books, 1966).

⁵ См. мои более ранние работы на эту тему: David Shapiro, «Motivation and Action in Psychoanalytic Psychiatry», *Psychiatry* (1970) 33 (3): 329–343; David Shapiro, «Dynamic and Holistic Ideas of Neurosis and Psychotherapy», *Psychiatry* (1975) 38 (3): 218–226.

ями, символическими и метафорическими представлениями и т.п. Тем не менее, с точки зрения динамической концепции, сознанию в симптоматическом поведении отводится весьма мягкая и безобидная роль, поэтому такое поведение в психиатрии часто называется иррациональным или неуместным, и такая роль сознания не дает возможности получить истинную картину действия взрослого человека.

У взрослого человека даже сильные импульсы могут вызывать сильные побуждения; сами по себе не вызывающие действие. Действие включает в себя более сложные процессы. Людям присуще воображение и образное мышление, а потому они не могут действовать без сознательного (пусть неполного) предвидения и намерения. Любое отдельное чувство или побуждение не может вызвать действие произвольной интенсивности, а может лишь породить осознание возможностей действия и дать начало развитию некой форме осознанного намерения. Таким образом, действие будет в себя включать сознательные установки, характерные точки зрения и способы мышления, формирующие внутренний мир человека. В этом смысле именно эта форма ощущения мотивации и значения любого предполагаемого действия в конечном счете и определяют действие. Если действие считать результатом не только воздействия импульсов, но и способов мышления, точек зрения, установок сознания, то, как я попытаюсь показать далее, даже симптоматическое поведение перестанет казаться иррациональным или неуместным. Такое поведение станет понятным не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения актуальных потребностей субъекта. По существу, оно станет понятным, даже если сам человек лишь смутно осознает свои собственные установки и взгляды, не признавая их результатами своих желаний и намерений.

Согласно традиционной динамической концепции, поведение человека не управляется воздействием побуждающего импульса, имеющего свои собственные «цели», а является самоуправляемым, и даже в случае симптоматического поведения оно не ощущается таковым в полной мере. В этом проявляется серьезный недостаток динамической концепции – в той мере, в которой она касается психотерапии. Снижая роль сознательных установок и процессов мышления, которые в конечном счете определяют действие, традиционное динамическое представление оставляет неясным сам факт и природу авторства человека в формировании сво-

их действий, тогда как, по существу, цель психотерапии заключается в осознании человеком этого авторства и в усилении у него ощущения этого авторства⁶. (Подобный пробел в динамической теории не позволяет, опираясь на нее, полностью понять специфическую форму невротических симптомов, т.е. так называемую проблему «выбора невроза». Понять предрасположенность человека к определенным симптомам можно, лишь поняв его реальные сознательные установки и способы мышления.)

Динамическая концепция возникла в результате исследований Фрейдом психических процессов, которые можно было бы считать симптоматическим поведением, в особенности его разновидности, не обусловленной четко сформулированными «рациональными» намерениями или «желаниями». В этом смысле данная концепция стала результатом отношения Фрейда к мельчайшим и очень специфичным иррациональным проявлениям этих симптомов и его постоянной убежденности в их важности. Фрейд раскрыл причины этих симптомов в непонятных ранее бессознательных процессах: сначала – в вытесненных аффектах, несколько позже – во влечениях и связанных с ними внутренних конфликтах, проявлявшихся в симптомах и принимавших самые разнообразные замаскированные и вторичные, деривативные (*derivative*) формы. Цель Фрейда заключалась в поиске скрытых причин человеческого поведения: сначала – в его замаскированном проявлении в симптомах, затем – в подтверждении наличия этих причин как общих человеческих склонностей в разных сферах жизни. Такая программа исследований оказалась очень успешной. Но сам ее успех в выявлении таких скрытых процессов, а в особенности их проявлений в очень кратковременных или очень специфичных поведенческих эпизодах, вызвал некоторое пренебрежение и недооценку других аспектов личности, исказив общую концепцию поведения. При анализе причин поведения не применялось ни одной теории действия.

До сих пор нет ни одной приемлемой теории действия, прежде всего – симптоматического или бессознательно мотиви-

---

⁶ Чтобы яснее понять эту цель психотерапии, см.: Hellmuth Kaiser, «The Problem of Responsibility in Psychotherapy», *Psychiatry* (1955) 18: 205–211; см. также в кн.: L.B. Ferman (ed.) *Effective Psychotherapy: The Contribution of Hellmuth Kaiser* (New York, Free Press, 1963). К проблеме психоаналитической терапии также обращался Шафер, см.: Roy Shafer, «Language and Insight» (New Heaven Yale University Press, 1978).

рованного действия. Конечно, психоанализу присуща далеко не простая теория поведения, обусловленного влечениями (*driven-activated behavior*); уже после Фрейда были разработаны концепции регуляции и адаптации («приручения») влечений⁷. Но этих концепций оказалось недостаточно для объяснения проблемы волевого действия, пока не определили, что представляет собой побуждающий импульс – влечение или потребность, «прирученная» или нет, в особенности бессознательное влечение или бессознательная потребность⁸. По существу, эти концепции мало повлияли на динамическое представление о сущности симптоматического действия.

Не приходится сомневаться, что психологию действия, то есть психологию волевого поведения, настойчиво стремились исследовать в контексте ряда философских и логических проблем. Прежде всего речь идет о виталистической концепции воли, трансцендентной психологической причине, объяснению и предсказуемости, а также о старой философской проблеме противопоставления свободной воли детерминизму – то есть проблеме согласования волевого ощущения с предположением о закономерной, понятной и предсказуемой вселенной. Психологи, включая Фрейда, предполагали, что феномены субъективного ощущения в конечном счете следует объяснять несубъективными (или, по крайней мере не только субъективными) процессами. А потому было принято считать, что это предположение, в свою очередь, требует, чтобы субъективное ощущение волевого акта объяснялось только субъективным воздействием какого-то несубъективного побуждения, например влечения. Тогда остается выбор: либо

---

⁷ См.: David Rapaport, «The Conceptual Model of Psychoanalysis» (p. 405–431); David Rapaport, «Some Metapsychological Considerations Concerning Activity and Passivity» (p. 530–568), а также работы в сб.: *The Collected Papers of David Rapaport*, Merton M. Gill, ed. (New York, Basic Books, 1967).

⁸ Более подробное обсуждение связи психоаналитических концепций регуляции влечения с волевым действием см.: Shapiro, «Motivation and Action in Psychoanalytic Psychiatry» (см. подробно в примеч. 5). Вкратце цель концепции возрастающей модуляции и адаптивного «приручения» – структурами Эго – влечений и потребностей заключается в объяснении развития из состояния беспомощности мгновенной моторной разрядки до появления реалистичного, эффективного, целенаправленного действия. «Прирученная», адаптированная к реальности потребность, импульсивное действие координируются посредством когнитивных процессов, способствующих выбору направления или средства действия, позволяющего получить удовлетворение. Следовательно, такая концепция согласуется с динамической точкой зрения. См. ниже, примеч. 9.

принять это объяснение, либо встать на позицию витализма и принять его идею – концепцию свободной воли. Но данное предположение, как и противопоставление детерминизма свободной воле, сталкивает нас с ложными альтернативами. Оно отождествляет требования, предъявляемые к научному объяснению, с требованиями к тому, что, по существу, можно назвать только специфической формой научного объяснения. Это такое научное объяснение, которое фактически не может объяснить субъективное ощущение волевого акта или свободного выбора, ибо не признает реальных внутренних волевых процессов, которые лежат в их основе⁹.

По-моему, динамическое осознание поведения или осознание поведения, вызываемое побуждением, нельзя считать волевым ощущением или заключающим в себе волевое действие, главным образом, потому, что оно недооценивает мотивационное значение человеческого воображения. Такое понимание признает только инструментальную функцию предвидения и воображения, их функцию в поиске источника удовлетворения первичной потребности или побуждения, тогда как фактически воображение или предвидение определяют конечную форму и даже наличие воздействующего импульса. К такому же выводу пришли психологи-психоаналитики, предложившие заменить понятие желания понятием влечения¹⁰. Желание – это мотивация, которая может включать в себя предвидение действия и которая формируется из воображаемого воздействия человека на внешний мир. Но, наверное, следует пойти дальше простой замены одного понятия другим. Если мотивация человека включает в себя предвидение действия и представление о нем, то ее вид будет зависеть от природы его ког-

---

⁹ Роберт Найт (Robert P. Knight) подошел к проблеме волевого ощущения с точки зрения динамических и структурных идей психоанализа и, возможно, в этом решении зашел так далеко, насколько ему позволила такая точка зрения: он попытался объяснить субъективное ощущение свободного выбора с точки зрения спокойного Эго и эффективной регуляции мотивационного импульса, но в конечном счете ему пришлось доказывать, что такое ощущение достигается лишь в гармонии с внутренней необходимостью. («Determinism, «Freedom» and Psychotherapy», R. P. Knight, C.R. Friedman [eds.], *Psychoanalytic Psychiatry and Psychology, Clinical and Theoretical Papers, Austen Riggs Center*, vol. I [New York: International University Press, 1954]).

¹⁰ Holt, «Drive or Wish» (см. подробно в примеч. 2), Klein, «Psychoanalytic Theory» (см. подробно в примеч. 2). См. также: George S. Klein, «Perception, Motives and Personality» (New York: Alfred A. Knopf, 1970).

нитивного отношения к миру, а это значит, что следует говорить о разных формах мотивации. Например, нельзя всерьез говорить о желании есть голодного новорожденного ребенка. Более того, недостаточно объяснять ощущение волевого акта только наличием желания. (В особенности понятие бессознательного желания так и не дает никакого решения проблемы симптоматического поведения, пока отношение такого желания к сознательному намерению остается неоднозначным.) Поэтому нам требуется более полная и подробная картина процесса воображения такого действия, то есть картина, в которой эти процессы послужили бы контекстом для ощущения желания, потребности и, может быть, даже влечения. Короче говоря, это должно быть представление не только о природе мотиваций, а прежде всего о процессах, которые содержатся в человеческом действии¹¹.

Такие понятия, как «воля» и «волевой акт», имеют неоднозначный смысл; пока лучше просто говорить о самоуправлении человека своим поведением. Нет никаких причин считать такое самоуправление внутренне противоречивым или философски неубедительным. Мы признаем существование разных форм саморегуляции – не только в живых организмах и биологических системах, но и в некоторых сложных механизмах, организациях и даже в политических партиях. Например, функции организма или жизнедеятельность организма в целом регулируются процессами, протекающими у него внутри. Эти процессы обладают определенной степенью автономии, независимостью от внешних условий и окружающей среды, формируя у организма определенный уровень адаптивности. При этом мы рассматриваем эту самоорганизацию, не опираясь на витализм, не используя ни одной категории, отно-

---

¹¹ Шафер (Schafer, «Language and Insight», [см. подробно в примеч. 6]) предлагает «язык действий», чтобы в психологических описаниях и в психотерапии заменить язык динамики (силы, влечения, защитные механизмы и т.д.). Называя действия поведенческими, мотивационными и другими психологическими процессами, он пытается признать личность, – а не, например, влечение и не Супер-Эго – как автора или «субъекта» действия. По-моему, Шафер приводит хорошую идею, у которой есть будущее. Очевидно, что она представляет ценность и теоретически, и терапевтически, позволяя определить намерение и действие в симптоматическом поведении или в некоторых психологических процессах, где их не могли выявить раньше (H.Kaiser, «Problem of Responsibility» [см. подробно в примеч. 6]), см. также мои замечания о Кайзере в примеч. 18, 20); но невнятно описывать действия психологических процессов и условий, таких как эмоции и убеждения, просто неубедительно и похоже на доктринерство. Такая программа может запутать смысл действия.

сящейся к свободной воле, и не делая никаких исключений в действии законов природы или в отношении предопределенности¹². Чем более организм автономен и независим от того, что в данный момент его окружает, и чем больше диапазон и уровень его адаптивности, тем, наверное, сложнее предсказать его поведение.

Вероятно, следует отличать саморегуляцию от ее особой и развитой формы, которую можно было бы назвать «самоуправлением», хотя вряд ли это отличие может быть слишком явным. Например, инстинктивное поведение животных обуславливает некоторую форму саморегуляции и некоторый уровень автономии. Животное, которое испытывает жажду, ищет воду и на нее реагирует; дефицит или дисбаланс воды в организме, обращенном к окружающей среде, устраняется в результате сложного процесса активного поиска животным воды вследствие этого дисбаланса или доступности объекта, удовлетворяющего потребность. Но ограничения такой автономии и ограниченный смысл, в котором такое поведение можно назвать самоуправляемым (если можно назвать вообще), становятся очевидными по сравнению с возможностью человека предвидеть и планировать поддержание своей жизни и удовлетворение своих потребностей. Инстинктивное самосохранение животного определяется внутренними биологическими процессами. При этом нельзя с уверенностью сказать, что животное управляет этим процессом; напротив, можно сказать обратное, как и о животном, которое испытывает жажду.

Инстинктивное поведение грудных младенцев в какой-то степени можно сравнить с поведением животного. Элементарные потребности или ощущение дискомфорта вызывают определенные виды действий: плач, поиск материнской груди, сосательные движения, которые служат сигналом окружению, что младенцу требуется внимание и забота. Нет никаких сомнений, что в таком поведении младенца, как и вообще в природе, есть элементы, которые могут показаться намеренными или целенаправленными, но по существу являются только рефлекторными или инстинктивными реакциями на определенные ощущения.

Но в процессе развития ребенка диапазон и разнообразие паттернов поведения стремительно возрастает, и достигается но-

---

¹² Здесь главная точка зрения состоит в согласии с моделью самоуправляемого организма, которое подчеркивал Роберт Холт в своем труде, см.: Robert R. Holt, «On Freedom, Autonomy and the Redirection of Psychoanalytic Theory: A Rejoinder», *International Journal of Psychiatry* (1967) 3: 524–536.

вый уровень автономии. Развивается самоосознание и осознание (способность к воображению) возможностей воздействия на внешний мир, имеющие громадные последствия в отношении ребенка к внешнему миру. Это отношение быстро становится все более и более активным. Поведение, которое раньше было только реактивным, сменяется намеренными действиями. Все реже и реже поведение вызывается какими-то отдельными потребностями и все меньше и меньше определяется инстинктивными склонностями или склонностями, свойственными этим потребностям. Поведение становится детерминированным благодаря гораздо более сложным интегративным процессам, включающим в себя воображение и замещающим воздействие отдельных сиюминутных потребностей или воздействие окружающей среды. Появляется новый вид саморегуляции в виде все больше и больше формулируемых осознанных целей, а вместе с ними – и новый тип поведения: намеренного, планируемого действия – самоуправляемого действия в полном смысле слова.

Различие между инстинктивным поведением и действием, обусловленным осознанной целью, можно сравнить с разницей между социальным движением в толпе или в обществе, у которого нет ни сознательного плана организации, ни плана социальных изменений. В обществе, в котором отсутствует такой план, происходят и социальные изменения, и социальные движения, но общество в целом изменяется вследствие деятельности отдельных групп или отдельных людей, преследующих собственные цели. Нельзя с уверенностью сказать, что общество в целом имеет свои цели или что оно является самоуправляемым, хотя определенно могут присутствовать некоторые тенденции в направлении его развития и даже явно выраженная целенаправленность. В плановом, организованном обществе такие локальные напряжения заменяются другой, по-видимому, интегральной динамикой, которая в целом не зависит от каждой из этих групп и моментально не реагирует на каждое внутреннее воздействие, но может иметь план развития всего общества в целом. (Такое историческое развитие было мечтой марксистов. В наступлении социализма Маркс видел не только появление другой, более прогрессивной стадии общественного развития, но и новую веху в развитии человеческой автономии, социальной автономии, при которой общество уже не будет слепо следовать экономическим тенденциям, а станет целенаправленно развиваться в соответ-

ствии с общечеловеческими ценностями. Тогда, по выражению Маркса, будет происходить движение общества из «царства необходимости в царство свободы».)

В поведении взрослого человека ни одно внешнее действие не является простой неотложной реакцией на какую-то конкретную потребность или возможность. Практически все действия в той или иной мере являются запланированными и самоуправляемыми. Взрослый человек не может действовать немедленно и неосмотрительно, даже если очень захочет, не представляя и в той или иной мере не осознавая самого действия, разве что за исключением очень серьезных патологических случаев. Потребности, интересы, желания, возможности вместо «включения» реакций порождают заинтересованность в возможности действовать, как это происходит у младенца. В более осознанных ситуациях представление о возможностях действия развивается в решительное желание действовать или в намерение делать выбор или принимать решение. Этот процесс, который происходит быстро, непрерывно и в основном остается незамеченным, по существу, и приводит к действию; его результат, побуждение к действию, появляется, только если процесс развивается в намерение. Намерение становится побуждением к действию. Это не побуждение, вызванное потребностями или влечениями к объекту; это побуждение к действию человека, осознающего возможности действия, который видит эти возможности через призму своих установок, способов мышления и прочих своих интересов. Именно поэтому качество действия (импульсивного или произвольного) будет характерным для данного человека в той мере, в которой оно станет отражением интенсивности его определенной потребности или конкретного желания.

Именно такие действия мы называем «волевыми»; именно такое сознательное намерение в его самой произвольной форме, когда оно оказывается столь сильным, что позволяет преодолеть препятствия или более произвольные влечения, мы называем «волей». Способность к такому действию является основой не просто относительной независимости от непосредственного окружения, но и активного владения ситуацией. Она также становится основой для ощущения человеком своей автономии. Ощущение процесса воображения, исследования возможностей с кульминацией в побуждении к действию, в намерении – это ощущение ситуации выбора, свободы действия и состояние человека, который является хозяином самому себе.

Сказать, что человеческое действие всегда в какой-то степени является волевым и определяется осознанными целями, – не значит утверждать, что все действия совершаются абсолютно намеренно или что каждый фрагмент поведения является запланированным и осознанно целенаправленным. Это не значит, что цели действия обязательно полностью и четко сформулированы или самостоятельны. Намеренность и способность к волевым действиям развивается постепенно, проходя некоторую последовательность стадий развития и в детстве, и во взрослом возрасте, принимая множество самых разнообразных форм. У разных людей есть разные характерные склонности и способности в формулировке цели, в степени намеренности и в стиле действия и соответствующие различия в ощущении волевого акта.

Две невротические разновидности волевого действия могут послужить примерами многочисленных форм осознанного самоуправления: с одной стороны, действия истерических, импульсивных и некоторых пассивных, «слабых» людей, а с другой – действия ригидных людей. В первом случае зачастую замыслы и цели оказываются слишком смутными, а намерения – с трудом сформулированными и не полностью осознанными. Такой человек может *чувствовать*, что практически не имеет собственных целей, что его все действия полностью зависят от внешних обстоятельств, от ожиданий других людей и что они представляют собой рефлекторную реакцию на внешнюю ситуацию, которой они не могут сопротивляться. Такой человек может сказать: «Я ничего не имел в виду, а делал это просто так» или «Я этого не хотел, но он (она, они) меня попросили». Такие отказы от осознанных намерений не вызывают полного доверия, но не стоит сомневаться, что в данном случае степень осознания намерения, взвешенность и преднамеренность сведены к минимуму; вместе с тем существует тенденция к быстрому и относительно ситуативному действию¹³. С другой стороны, для ригидного характера характерен слишком высокий уровень формулирования и осознания замыслов и целей, мучительное осознание выбора

---

¹³ Более полное описание установок и типов действий истерических и импульсивных личностей можно найти в моей кн.: David Shapiro, «Neurotic Styles» (New York, Basic Books, 1999).

и принятия решения и высокая степень преднамеренности действия.

Кроме того, становится ясно, что волевое управление поведением осуществляется иерархически, т.е. ему присущи разные уровни проявления спонтанности и разные скорости реакции. В качестве примера можно привести несколько вариантов привычного или квазиавтоматического поведения: вождение машины, машинопись или речь, – эта и подобная деятельность вызвана и в основном управляется сознательно, даже если технические операции составляют некий автоматический паттерн. При таком поведении (которое может включать аспекты всего поведения в целом) в определенных рамках сознательно допускаются привычные или автоматические реакции. То, что при таком поведении имеет место некое допустимое осознание общих целей, становится очевидным при достижении неких допустимых пределов. Тогда осознание действия усиливается, и оно становится более взвешенным и намеренным. Может показаться, что человек ведет машину совершенно автоматически, беседуя с другими людьми или думая о посторонних вещах, но, приближаясь к пункту назначения или к препятствию на дороге, он становится более внимательным, а его действия – более точными. То же самое во многом относится к спонтанному поведению и к прямой неотложной реакции на ситуацию. Остроумный человек бережет свои шутки для подходящих ситуаций; человек в плохом настроении успокаивается при появлении соседа, и, как бы он ни был раздражен, все равно он скорее выразит свое раздражение дома, чем на работе. В определенный период времени волевое управление и волевой контроль поведения в основном остаются незаметными и по существу могут в себя включать позитивное поверхностное или периферийное осознание деятельности человека в определенных границах, определяемых основной целью или установкой.

Наверное, почти все поведение человека является таковым, то есть относительно спонтанным, а зачастую – даже не имеющим четко сформулированной цели, но в конечном счете управляемым интересами и установками, которые формулируются и осознаются только время от времени, и то не полностью. Разумеется, существуют поразительные характерные индивидуальные различия в стиле такого иерархического самоуправления и в уровне и типе проявления такой допустимой спонтанности.

НЕВРОЗ И ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНО МОТИВИРОВАННОГО ДЕЙСТВИЯ

Самая сложная проблема с точки зрения теории сознательно управляемого волевого действия – это проблема проявления в неврозе бессознательной мотивации. Наверное, это самая сложная проблема в «холистической» психологии или в любой другой психологической теории с более или менее унифицированной концепцией «Я». Ее причина заключается не в самом наличии бессознательных чувств или мотиваций. Например, нетрудно предположить, что бессознательные чувства или мотивации могут влиять на осознанные цели волевого действия. Но если речь идет о неврозе, вся ситуация существенно усложняется. Невроз сталкивает нас с картиной конфликта и расщепления личности, которая совсем не обязательно проявляется в сознательно сформулированной мотивации и намерении. Мы сталкиваемся с поведением, которое может не соответствовать этим сформулированным мотивациям и намерениям и, возможно, не объясняется ими. Или же мы сталкиваемся с симптоматическим поведением, мотивацию которого вообще нельзя осознать, и эта мотивация даже может противоречить сознательным интересам и установкам. Проявление такого симптоматического поведения, по существу, подкрепляет представление о поведении, обусловленном бессознательными потребностями или импульсами.

Именно такие объяснения бессознательно мотивированного поведения постоянно встречаются в психиатрии. Про игрока, который проигрывает, и преступника, которого поймали, говорят, что они бессознательно предчувствовали такой конец и бессознательно к нему стремились.

Успешный бизнесмен, обвиненный в подделке ценных бумаг на крупную сумму, объяснял свой поступок причинами, которые вполне можно услышать в кабинете психотерапевта: «На меня что-то нашло и заставило это сделать, и я совершенно не понимал, что со мной происходит», добавив, что его профессиональная успешность «заставила его таким образом себя наказать»¹⁴.

Подобное объяснение действия в лучшем случае является неясным и неполным, а еще точнее – его вообще нельзя назвать

---

¹⁴ Статья в *Los Angeles Times*, 12 July, 1979.

приемлемым объяснением действия человека, ибо оно подразумевает, что действия совершенно сознательного человека можно объяснить бессознательными мотивами. При этом практически совершенно не учитываются состояние его сознания и сознательные установки, – то есть все то, что побудило его совершить это действие. Концепция, предполагающая достаточным объяснением действия влияние бессознательных потребностей или желаний, не принимая во внимание сознательные установки и состояние сознания, может считать приемлемыми даже самые натянутые объяснения поведения. Даже допустив наличие потребностей или желаний подобных тем, о которых только что шла речь, оказывается, что они сами по себе не могут правильно объяснить такое действие. Из всех успешных бизнесменов, которые осознанно или бессознательно чувствуют себя виноватыми, лишь единицы подделывают ценные бумаги.

В этом контексте утверждение, что любое действие человека является следствием особенности его личности, кажется слишком банальным. Но это именно так, ибо любое действие, особенно если оно интенсивное, включает в себя гораздо больше, чем просто побуждение, обусловленное потребностью. Действие происходит «в личности» человека, так как оно является конечным результатом процесса его воображения, сознательных установок, ограничений его мышления и представлений, которые придают этому действию «отпечаток» характера. Именно поэтому даже самое странное симптоматическое поведение невротической личности отражает характерные для нее установки, образ мышления и ограничения сознания¹⁵. Невротическая личность, совершающая навязчивые ритуальные действия (которые кажутся странными и неестественными даже самому этому человеку), будет и в других сферах жизни характеризоваться ригидным поведением: возможно, будет покорно исполнять установленные поведенческие правила и нормы. Фактически, только понимая характерные установки, способы мышления и точки зрения, которые формируют сознание, можно понять субъективную необходимость такого странного поведения. Только благодаря такому пониманию в симптоматическом поведении можно увидеть не только результат иррационального воздействия прошлых переживаний или бессознательного, но и результат актуального состояния психики.

---

¹⁵ См.: Shapiro, «Neurotic Styles» (New York, Basic Books, 1999).

В этом суть проблемы. С одной стороны, симптоматическое поведение невротической личности заложено «в ее характере»: то есть оно отражает установки и образ мышления, которые, как правило, характеризуют сознание и управляют действиями человека. С другой стороны, оказывается, человек все же не полностью узнает себя в таком поведении: он может считать свое поведение странным или особенным, словно он не хотел или даже не намеревался так себя вести, как например, это бывает в состоянии «навязчивости» или при воздействии «неуправляемого импульса». То есть мы сталкиваемся с поведением, которое в каком-то смысле управляется сознанием, а в каком-то смысле – нет.

Например, молодая женщина, бывшая «королева красоты», рассказывая о вчерашнем свидании, с сожалением призналась своему терапевту: «Вчера вечером мне опять пришлось исполнять “свой номер”. Обычно у меня три свидания в неделю с тремя разными мужчинами. При этом я каждому из них говорю: “Милый, я никогда раньше не встречала такого мужчину, как ты”». И всякий раз ее слова оказывали на мужчин одинаковое воздействие: польщенный мужчина сразу становился ее истовым поклонником. Но у нее сразу пропадал к нему всякий интерес, причем настолько, что исчезало желание снова с ним встречаться. «Так почему же так происходит?» – спрашивает она. Заранее у нее нет никаких подобных намерений. Такое поведение не приносит ей никакой пользы. Эта черта ее характера не нравится даже ей самой. Она знает, что «манипулирует» мужчинами, но с какой целью? Единственный результат – она видит, как мужчины превращаются в болванов.

Но в процессе дальнейшей беседы выясняется, что ее «номер» не ограничивается немногими явно импульсивными, «ненамеренными» замечаниями. Для таких встреч она готовила декорации, планировала вечер, тщательно подбирала себе наряд. А потом она, смеясь, вспомнила, что, встречая мужчину, она всегда к нему примеряется: насколько это будет «легкий» или, наоборот, «трудный» случай. Разумеется, второй вариант для нее намного интереснее.

Невозможно поверить, что «номер» этой женщины, согласно описанию ею собственного поведения, никак не отражает ее

сознательного намерения; по существу, она подтверждает наличие у нее такого намерения, вспоминая о нем при конкретном описании свиданий (не только в приведенных выше случаях, но и в других). Но при этом ясно, что ее поведение не управлялось сознанием в полном смысле этого слова. Оно диктовалось осознаваемой целью, но не было полностью отрефлектировано сознанием. Его цель была осознаваемой, но не осознанно сформулированной.

Чтобы лучше понять этот феномен, нужно внимательно рассмотреть определенные аспекты природы невроза или невротической личности. Невроз так или иначе ограничивает субъективное ощущение. Невротические установки и образ мышления, развившись в реакции избегания или самозащиты по отношению к определенным видам конфликта или дискомфорта, затем создают препятствия полному осознанному ощущению некоторых видов эмоций и мотиваций, связанных с конфликтом или дискомфортом. Подавляется не только осознанное ощущение конкретных воспоминаний, чувств или желаний, но и целые области субъективных ощущений, вступающие в конфликт с этими установками. Таким образом, осторожные и защитные установки ригидного характера препятствуют полному осознанному развитию некоторых видов эмоционального ощущения. Например, появление у такой личности чувства симпатии и восхищения другим человеком может сразу вызвать ощущение слабости и уступчивости; и в свою очередь это ощущение приведет к реактивному усилению осторожности и снижению интенсивности начальной эмоции. В этом отношении невротические установки и способы мышления выполняют функции, которые психоанализ традиционно относил к разным защитным механизмам. Вызывающее дискомфорт переживание некоторых чувств и мотиваций, конфликтных по отношению к установкам невротической личности, вызывает связанные с этими установками компенсаторные реакции, которые снижают интенсивность вызывающего дискомфорт ощущения или устраняют его вообще. Функция защиты при неврозе включает в себя способы сохранения стабильного состояния уже сформировавшегося невротического характера.

Но такой процесс не обязательно завершается. Вполне возможно, что он никогда не будет завершенным. Он может снизить интенсивность полностью осознанного развития чувства или его

затормозить, возможно, даже вообще исключить его любое дальнейшее осознание, но этот процесс вряд ли сможет полностью уничтожить интерес или чувство. Позвольте привести один пример, позволяющий прояснить сказанное.

Человек, страдающий неврозом навязчивости с явно выраженными установками беспокойства и аккуратности, может посчитать полным безрассудством или безответственностью необычный энтузиазм или соблазн что-то предпринять, например отправиться в путешествие, отличающееся от его обычного рутинного исполнения повседневных обязанностей. Эта тревожность постепенно возрастает, усиливая его беспокойство и заставляя его предварительно искать возможности риска или появления проблем. Эти поиски не могут закончиться, пока он не найдет какую-то возможность риска или какие-то проблемы, которые, по крайней мере, имеют видимость правдоподобия. В этот момент искушение, вызывающее у него дискомфорт, или, по крайней мере, его сознательный энтузиазм в отношении этого путешествия резко снижается. И все же вполне возможно, что он отправится в путешествие, но при этом будет испытывать сильную тревогу.

Такой человек может сказать: «Я это делаю (отправляюсь в путешествие, покупаю машину, может быть, даже женюсь), но на самом деле я не хочу этого делать», или «Я уверен в том, что это плохо кончится», или «Я знаю, что это ошибка» и т.п.

Узнав о столь мрачных предчувствиях человека, которые слишком явно идут вразрез с его поведением, можно подумать, что, по существу, он сам в них не верит и что уж точно у него нет полной уверенности в том, что он говорит, и, появившись у него возможность, он поступит как-то иначе. Вместе с тем, не приходится сомневаться: он убежден в том, что он говорит. Иными словами, возникает разрыв между тем, что человек думает, что он чувствует, и тем, что он действительно чувствует и как себя ведет. Это не разрыв между сознанием и бессознательными чувствами. Это разрыв, а точнее – неполное соответствие между его осознанием того, что он признает, идентифицирует или называет своими чувствами, и реальной, хотя и нераспознаваемой и неопределенной сущ-

ностью его эмоционального ощущения, – то есть между реальным содержанием его желаний, реальным направлением его внимания и заинтересованности, реальным образом его мышления, т.е. всего, что имеет отношение к его действиям¹⁶.

У невротической личности такие разрывы присутствуют в более или менее стабильной форме. Невротический процесс создал такую формулирующую функцию сознания, которая не выражает, а фактически искажает реальные чувства, желания, интересы, намерения, актуальное состояние субъективного ощущения. Следовательно, люди, страдающие неврозом, часто думают, что они чего-то хотят или что им что-то интересно, хотя в действительности они только верят, что они *должны* этого хотеть или этим интересоваться. Они лишь воображают, что раздражены, но в своем поведении проявляют гораздо больше или гораздо меньше раздражения. Они уверены в том, что намереваются что-то сделать, хотя по существу такие намерения отсутствуют. Они уверены, что чувствуют симпатию к другому человеку, хотя на самом деле их не столько интересует человек, сколько они сами: то, насколько они добры и симпатичны. Они думают, что чувствуют смирение, хотя на самом деле гордятся своим унижением. Они убеждены, что проявляют доверие, и пытаются вести себя соответственно, однако их реальное субъективное ощущение, тон их голоса и их взгляд выражают все, кроме доверия.

Например, молодой человек, говоря о своем недавно принятом решении согласиться занять определенную должность, проникновенно произносит: «Я уверен, что поступаю правильно!.. Наверное, это действительно так».

Иногда такой разрыв между вербализованными чувствами и намерениями и тем, что невротическая личность действительно чувствует или собирается делать, выражается в заметной разнице между этими вербализованными чувствами и реальным поведением (как в случае с человеком, который говорит: «На самом деле я не хочу это делать» – и делает). Но часто этот разрыв выражается

---

¹⁶ Я думал над тем, насколько этот тип субъективного ощущения мог бы соответствовать психоаналитическому термину «предсознание», но при этом не считаю, что такое описание является точным. Во всяком случае, то, что под этим подразумевается, данный термин отражает недостаточно емко.

лишь в определенной степени искажения или неточности и неискренности того, что невротическая личность говорит или делает, или даже в том, как она говорит или делает. Поведение таких людей часто кажется вынужденным, демонстративным и в какой-то мере искусственным. Это проявляется и в приведенном выше случае с мужчиной, когда он слишком уверенно говорит: «Я убежден, что поступаю правильно!» Насколько мне известно, Хельмут Кайзер был первым, кто обратил внимание на этот феномен. По его мнению, невротическая личность сама не слишком полагается на то, что делает или говорит¹⁷.

Так, например, молодой человек проявляет заботу о здоровье пожилого человека, но его поведение кажется неестественным, слишком внимательным и даже покровительственным.

В поведении женщины смирение и почтительность выражены настолько демонстративно, что приводят в сильное смущение человека, к которому они обращены, и заставляют его усомниться в искренности их проявления.

Молодой человек говорит с озабоченностью, которая в чем-то кажется искусственной: «Я должен научиться владеть собой!» Эта озабоченность относится к его эмоциональным отношениям с женой. Но при описании этих отношений в несколько театральной манере – своих жутких, «неуправляемых» эмоциональных взрывов, заставляющих жену в испуге ежиться и сжиматься в комок, – его губы невольно расплываются в улыбке. Когда терапевт указывает мужчине на эту улыбку, тот раздраженно прогоняет с лица эту «дурацкую» ухмылку и старается принять более грустный и печальный вид.

Очевидно, такое поведение в чем-то искусственно; оно представляет в ложном свете (даже самому человеку) его чувства и намерения. Вместе с тем при всей своей искусственности такое поведение в какой-то мере должно быть результатом подлинных чувств и намерений. В представлении заботливого молодого человека его внимание и забота мотивированы чуткостью и добротой, но фактически он сосредоточен на том, чтобы вести себя

---

¹⁷ Kaiser, «Problem of Responsibility» (см. подробно в примеч. 6).

правильно и выражать соответствующие чувства. Именно на это он прежде всего обращает внимание, именно на это в первую очередь направлены все его усилия, а периодическое непроизвольное проявление противоположных чувств заставляет его удваивать свои усилия. Но он не замечает и не может заметить этот процесс, ибо полностью поглощен достижением желаемого результата. Почтительная женщина считает себя скромной и смиренной; именно так она будет о себе говорить, но фактически смирение не является ее субъективным ощущением. Она горделиво и даже обидчиво осознает свое униженное положение и заявляет о нем и связанном с ним моральном превосходстве, обращаясь и к самой себе, и к любому другому человеку – ведь это ее «смирение». Мужчина, который считает, что озабочен своим взрывным «характером», в действительности доволен, что такое выражение его маскулинности и силы пугает жену. Его невольная улыбка отражает его субъективное ощущение – удовлетворенность явным воздействием своей силы. Он осознает это удовольствие, но не замечает этого и не осознает этого ощущения сознательного удовольствия.

Симптоматическое поведение таких невротических личностей не управляется и не вызывается побуждением, вызванным бессознательным импульсом или желанием. Оно появляется в результате неосознаваемого и нераспознаваемого образа мышления, установок, чувств и намерений, которые присутствуют в сознательном ощущении и характеризуют его. Но несомненно, что такие невыявленные и несформулированные чувства и намерения осознаются только в ограниченном смысле. В той мере, в которой эти интересы и намерения не сформулированы и не осознаны (а они в какой-то мере присутствуют всегда), – в той же мере уменьшается вероятность воображаемого, планируемого, гибкого действия. Фактически так описывается поведение невротической личности: она стремится быть либо ригидной, либо импульсивной, либо стремится строго соблюдать жесткие, заранее заданные, но четко не сформулированные в ее сознании нормы и правила, либо ее поведение становится относительно нерефлексивным, непредсказуемым и ситуативным.

Ослабление процессов самоуправления, или автономии, которое проявляется в таких действиях, отражается и в соответствующем ослаблении субъективного ощущения свободы действия, свободы выбора или в ослаблении намерения и выбора делать то,

что человек хотел и решил делать¹⁸. (Кайзер называет такое ослабление утратой чувства «ответственности» за свои действия¹⁹.)

Невротическая личность может, с одной стороны, сравнивать себя с поездом, движущимся по заранее заданному маршруту и расписанию, а с другой – с листком дерева, плывущим по течению. Такой человек может сказать: «Я собираюсь этим заняться, но, если честно, мне не хочется это делать», «Я не хочу это делать, но я должен», «Я хочу это делать, но не могу», «Я не этого хотел, но не смог с собой справиться» и т.д.

То, что невроз включает в себя такую утрату автономии, помогает объяснить определенные воздействия психотерапии. Формулировка терапевтом не распознаваемых ранее мотиваций и намерений пациента, например, в связи с его недавними поступками, может иметь два последствия, которые можно легко посчитать парадоксальными. С одной стороны, если раньше пациент считал свое поведение только неуместным, нежелательным, неприемлемым, навязчивым, слабым или безвольным (например: «Я очень хочу бросить пить, но у меня не хватает сил»), то теперь он его ощущает как результат собственного выбора и собственного намерения. Он признает, что при определенных обстоятельствах ему казалось, что он мог поступить только так – и если не получил пользы, то хотя бы избежал потерь; если не получил удовольствия, то хотя бы получил необходимое облегчение. И что он не хотел сделать ничего другого и что не мог захотеть сделать ничего другого, хотя кто-то другой это мог, захотел и сделал. Он в состоянии осознать, что у него в любой момент может появиться намерение снова это сделать.

В то же время и по той же причине это расширение субъективного ощущения или расширенное осознание этого ощущения приносит усиление ощущения свободы и актуальности выбора. Осознавать свое намерение и свою цель – значит ощущать себя

---

¹⁸ В случае шизофрении можно отметить, что реальное ослабление волевых процессов приводит к ригидному и стереотипному поведению или же импульсивности и соответствующему ослаблению или искажению субъективного ощущения автономии; и то и другое наблюдается в клинической практике. См.: Kurt Goldstein, «Methodological Approach to the Study of Schizophrenic Thought Disorder», в книге: J.S. Kasanin (ed.), *Language and Thought in Schizophrenia* (New York, W. W. Norton, 1964).

¹⁹ Kaiser, «Problem of Responsibility» (см. подробно в примеч. 6).

хозяином положения и ответственным за свои действия и в прошлом, и в будущем. Иначе говоря, это значит, что человек формирует более активное отношение к своей объектной цели. Если же он снова будет совершать подобные действия, то теперь ему придется их спланировать. Таким образом, и реальное возрастание автономии, и усиление ощущения автономии автоматически воздействуют на человека в процессе осознанного формулирования своего намерения и своей цели. Такая формулировка делает неизбежным то, что раньше было невозможным: объективное представление об альтернативах и, следовательно, возрастающую реальность возможного выбора²⁰.

ЗНАЧЕНИЕ АВТОНОМИИ ДЛЯ РИГИДНОЙ ЛИЧНОСТИ

Теперь скажем несколько слов о том, чему посвящена оставшаяся часть книги, то есть о связи автономии, о которой мы уже получили представление, с проблемой ригидного характера. Психология индивидуальной автономии, или самоуправления, с точки зрения психиатрии имеет двойное значение. Первое и главное значение мы уже обсуждали: она дает общий взгляд на человеческое действие и симптоматическое поведение, а также позволяет сделать общие выводы относительно психопатологии. Поскольку любая психопатология включает в себе внутренний конфликт и некоторое отчуждение от мотивации и намерения, она будет включать в себя и некоторую потерю автономии; причем вполне вероятно, что чем серьезнее патология, тем больше потеря. Кроме того, что автономия, или самоуправление, имеет основное значение для психопатологии, ей присуще собственное развитие, в процессе которого она сама может стать источником и причиной конфликта и подвергнуться определенным искажениям в своем развитии. Иными словами, главным и независимым источником любой психопатологии является не только ослабление автономии, которое может проявляться в симптоме, но и абсолютно все конфликты,

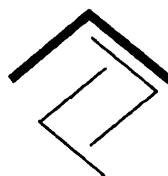
---

²⁰ Кайзер (Kaiser, «Problem of Responsibility» [см. подробно в примеч. 6]) считает это терапевтическое воздействие, по крайней мере с точки зрения субъективного аспекта повышенного чувства ответственности пациента за свои действия, основным терапевтическим эффектом. Шафер (Schafer, «Language and Insight» [см. подробно в примеч. 6]) тоже выделяет этот терапевтический эффект, который он описывает как ощущение пациентом себя как субъекта своего действия и, согласно Шаферу, – очевидно, что и как субъекта своих чувств.

связанные с развитием, а также вызванные этими конфликтами нарушения и искажения автономии. Это справедливо в отношении разных типов ригидного характера, изучением которых мы займемся в этой книге.

В таких случаях произошло развитие такой формы самоуправления личности и волевого действия – если угодно, формы «воли», – при которой сохраняются многие черты отношения ребенка к внешнему авторитету взрослого и установленным взрослыми авторитетным нормам и правилам поведения. Это воля, которая внутреннее амбивалентна и внутренне ригидна. У таких людей сама ригидность самоуправления (или, точнее, установки и образ мышления, которые включает в себя эта ригидность) становится существенной причиной невротического самоотчуждения. В этом особенном смысле оказывается, что такие состояния ригидного характера являются патологией автономии.

Развитие автономии

В этой главе мы рассмотрим основные аспекты развития самоуправления и индивидуальной автономии, используя важные результаты исследований в области психологии развития, в особенности исследования Пиаже. При этом мы поставим перед собой несколько целей. Мы постараемся понять суть развития намерения в раннем детстве, природу так называемого «доволевого самоуправления», чтобы лучше осознать процессы целенаправленного и намеренного действия, цели которого еще не сформулированы сознательно. Кроме того, я хочу показать важную связь между развитием автономии и развитием объективной установки по отношению к внешнему миру. Эта связь мне кажется самой важной для понимания автономии. Несомненно, она также поможет нам прояснить серьезную потерю реальности, присущую параноидальному состоянию. Но главная моя цель – просто тщательно исследовать смысл автономии с точки зрения ее общего значения в психиатрии и ее особого значения для ригидного характера. С этой целью я рассмотрю разные формы ее развития, начиная с намеренного действия в раннем детстве, затем – способности к подлинному волевому действию и развитию воли – и вплоть до самоутверждения и укрепления индивидуального авторитета в подростковом возрасте.

Как известно, основной побудительной силой развития ребенка является его возрастающая независимость от прямого воздействия окружения²¹. В психоаналитической психологии процессы интериоризации – то есть процессы внутреннего представления внешней реальности – считаются основными в этом аспекте развития. Есть две разновидности интериоризации. Одна из них присутствует, например, в развитии внутренней системы сигнала-

---

²¹ Heinz Hartmann, «Essays on Ego Psychology» (New York: International University Press, 1965), p. 41.

лов, в ответ на появление опасности; подобная внутренняя система регулирует также определенное поведение, на которое распространяются запреты или наказания. Но в общем развитие внутренних сигналов и регуляции имеет гораздо меньше значения для развития независимости ребенка от его непосредственного окружения, чем развитие воображения и мысли, которые интериорируют внешнюю реальность в другом смысле. Эта вторая разновидность – интериоризация посредством воображения и мышления – порождает более широкое осознание мира, чем его непосредственное восприятие. Таким образом, она не только «смягчает» прямое воздействие реальности, но и открывает возможность действовать за ее рамками.

Давайте рассмотрим этот процесс в биологическом контексте. Ребенок гораздо более беспомощен по отношению к своему окружению, чем детеныш любого млекопитающего, причем он остается беспомощным долгое время. Специфические адаптивные инстинктивные рефлекторные паттерны у младенцев развиты довольно слабо по сравнению с низшими животными, у которых они появляются вскоре после рождения. Животное, не умеющее плавать, скорее всего, имеет инстинктивное отвращение к воде, зато не умеющему плавать ребенку вода кажется вполне привлекательной. Животное никогда не утрачивает свою зависимость от окружающей среды. Оно никогда не теряет своих прямых, рефлекторных или инстинктивных, реакций на ключевые сигналы окружающей среды или своей зависимости от этих сигналов. От реакций на них зависит его выживание. С другой стороны, отсутствие у человека устойчивой координации, обусловленной наличием инстинктивных рефлекторных паттернов на специфические особенности окружающей среды, становится определяющим условием появления гораздо более высокой гибкости в его адаптации. Причем более пластичными и способными к развитию оказываются не только реакции человека на окружающую среду, которые сначала бывают весьма расплывчатыми и неопределенными, но и все его поведение в процессе длительного и сложного развития приобретает устойчивые характерные черты в основном благодаря воздействиям, не связанным с рефлекторными реакциями на условия окружающей среды. Развитие мышления, воображения и объективной установки по отношению к внешнему миру освобождает его от ситуативного воздействия окружения и совершенно изменяет его общее отношение к внешнему миру. Он освобождается от

пассивной и непосредственной, неотложной реактивности на окружающую среду благодаря появлению все более и более выраженных целей, распространяющихся за пределы существующего окружения. Эту явную реактивность постепенно заменяет преследование осознанных целей – преднамеренное, заранее предусмотренное и осознанное действие. Именно в этом состоит причина – ключ к гибкости человеческого поведения.

Развитие – более протяженный процесс, чем может показаться на первый взгляд. Можно убедиться в том, насколько сходство с ребенком в поведении любого человека в той или иной мере отражает ограничения его самоуправления в детстве. Я говорю об обычной детской спонтанности, неотложности реакции и в каком-то смысле безответственности, отвлекаемости, неустойчивости внимания, открытости впечатлениям, отсутствию самосознания. Вполне нормально, что еще до окончания подросткового возраста планирование, включая планирование жизни, и ощущение индивидуальной значимости, которая делает такое планирование серьезным, развивается полностью и что достижение такой психологической автономии означает конец подросткового возраста в самом прямом смысле.

Конечно, эти факторы отличаются от факторов, влияющих на развитие автономии; самые явные из них – физический рост и развитие мышц, а также развитие моторики и способностей. Существуют ключевые признаки физического развития, как, например, контроль за деятельностью кишечника, которые вместе с тем являются ключевыми факторами в развитии автономии. Но развитие автономии, или самоуправления, нельзя отождествлять с одной короткой стадией детского развития, такой как, например, развитие контроля за деятельностью кишечника.

Не приходится сомневаться, что навык контроля за деятельностью кишечника являет собой существенный прогресс в развитии воли и в умении ребенка владеть собой. На этом этапе развитие автономии достигается на уровне «ощущения автономии свободного выбора» (по выражению Эриксона)²², которое проявляется в развитии преднамеренности ребенка и является весьма значительным для будущего развития личности. Но отождествление успехов ребенка на этой стадии его развития с общим развитием

---

²² Erik H. Erikson, «Childhood and Society» (New York: W.W. Norton, 1950), p. 222.

автономии, или самоуправления, было бы слишком узким и ограниченным, ибо в основном смысле достижение индивидуальной автономии – это вовсе не одна стадия развития ребенка, а процесс, который проходит через все развитие и сам имеет несколько стадий. (В принципе эта точка зрения согласуется с концепцией Эриксона. В своей хорошо известной классификации, описывающей восемь стадий развития²³, Эриксон ясно указывает на то, что следует учитывать склонности, присутствующие «изначально», и способности, предшествующие волевому действию; по существу, он рассматривает каждую стадию не только как прототип, а как основу для дальнейшего развития.)²⁴

Далее мы постараемся убедиться в том, что в основном развитие автономии отражает развитие мышления (т.е. «интеллекта» в том общем смысле, который придавал ему Пиаже), а также изменение отношения ребенка к внешнему миру, которое является частью этого развития. Кроме всего прочего, такое развитие объясняет самоуправление человека в любой его форме на любой стадии развития.

В отсутствие способности к абстрактному мышлению не бывает полностью волевого действия или подлинного самоуправления. Эта способность включает в себя определенное отчуждение от данной конкретной ситуации (*the immediate present*) и способность переключать внимание на разные ее аспекты. Иными словами, это способность представлять себе возможности изменения окружающей обстановки. Возможности выбора, принятия решения, полностью осмысленного и волевого действия и вообще самоуправления трудно себе представить, не обладая способностью к воображению. Будет упрощением, но вряд ли преувеличением сказать, что развитие самоуправления и индивидуальной автономии – это вместе с тем развитие способности к абстрактному мышлению.

Одно из наиболее ярких свидетельств такой связи получили, исследуя жертв несчастных случаев. Речь идет о внешнем воздействии на психологические функции головного мозга. Например, в наблюдениях Гольдштейна и Шреера (*Goldstein and Schreer*)²⁵ за

---

²³ Ibid., p. 234.

²⁴ См. также: Эриксон Э. Детство и общество. – М.: Речь, 2002. – *Примеч. пер.*

²⁵ K. Goldstein, M. Schreer, «Abstract and Concrete Behavior, An Experimental Study and Special Tests», *Psychological Monographs* (1941), 53:2.

пациентами, получившими травмы головного мозга, ясно показали, что серьезное ослабление абстрактного мышления одновременно вызывает распад волевого процесса. Поведение таких пациентов считается «без-вольным» (*will-less*), т.е. сводится к рефлекторным реакциям на текущую конкретную, понятную им ситуацию.

Например, пациенты Гольдштейна не могли нарисовать план своей палаты, но могли закончить уже начатый рисунок. Один пациент не мог установить стрелки на часах на заданный час, но мог определять время, когда ему показывали часы. Другой пациент мог продолжать считать или писать буквы, если эта последовательность уже была начата, но сам не мог начать это делать спонтанно, то есть не был в состоянии начать действовать по собственной воле...²⁶

Такие пациенты утратили способность отвлекать свое внимание от того, что находится прямо перед ними. Поэтому они не могли планировать, управлять, начинать и доводить до конца действие, которое следует себе представлять. Они оставались «привязанными к стимулу» (*stimulus bound*). Гольдштейн и Шреер приходят к следующему выводу:

Исследования нормальных и патологических случаев позволяют утверждать, что нет никаких сомнений в существовании состояний, соответствующих или осознанной воле, или ее утрате. Нам не нужно выходить за рамки этого описательного исследования о природе психологической «силы», которую могло бы представлять осознанное волевое действие. Вполне достаточно того, что этот вид действия относится к деятельности *нормальной* личности на уровне абстрактного поведения и что его присутствие или отсутствие совпадает с присутствием или отсутствием абстрактной установки.²⁷

Гольдштейн периодически отмечает, что способность к абстракции не следует рассматривать только как способность, присущую мышлению, или только интеллектуальную способность. Он настаивает, что это «установка», «общий уровень способностей

---

²⁶ Ibid., p. 5.

²⁷ Ibid., p. 9–10.

личности в целом». Все значение этого различия не так-то легко уловить. Я уверен, что для этого следует понимать, что абстрактное мышление и его противоположность – привязанное к стимулу или конкретное мышление, в действительности, включают в себя множество разных отношений между человеком и внешним миром или, точнее говоря, между человеком и (обычно внешним) объектом, вызывающим у него интерес. Например, у пациентов с травмой головного мозга явно отсутствует некая отстраненность от объекта, с которым они взаимодействуют. Они *видят* объекты, но не могут их *исследовать*. Они *реагируют* на объекты (привычно и автоматически), но не могут о них *думать*.

Другой пациент мог хорошо пользоваться столовыми приборами во время еды, но, получив эти предметы в другое время, просто свалил их в кучу и бессмысленно перемещал²⁸.

Установку таких пациентов по отношению к внешнему миру нельзя назвать объективной. В каком-то смысле, пока она не будет включать в себя ощущение отдельности от объектного мира, пациенты вообще не будут иметь этой установки *по отношению к миру*. Эта установка для них не объективирована.

Отсутствие объектного ощущения внешнего мира не позволяет человеку осуществлять воображаемые манипуляции условиями и проецировать свои возможности, что позволяет сформировать цели и планы. Следовательно, «конкретная установка» не может привести к формированию осознанного, целенаправленного волевого действия, а позволяет осуществлять лишь ситуативные, пассивные или привычные реакции. Невозможно себе представить самоуправление или волевое действие без объектного отношения к миру.

И, напротив, «абстрактная установка» – способность смотреть на предмет или объект концептуально, как на представителя какого-то класса или нескольких разных классов, и рассматривать его с разных точек зрения, независимо от изначального контекста, – такая установка включает в себя отстраненность от этого предмета или объекта и существование по отношению к нему объективной установки. Такая установка по отношению к внешнему объекту также включает в себя ощущение отдельной от него са-

---

²⁸ Ibid., p. 5.

мости человека, а значит, и объективное ощущение самости. Такое объектное ощущение мира позволяет человеку представить вещи в ином контексте, отличающемся от существующего, и представить себя самого в иных, а не в данных конкретных условиях. Она включает в себя ощущение возможностей, и в конечном счете – возможностей действия.

Я уверен, что в этом смысле объективация мира – это больше, чем условие самоуправления: она делает самоуправляемое действие неизбежным. Всякий прогресс в развитии объективации внешнего мира связан с соответствующим прогрессом в самоуправлении и индивидуальной автономии. Фактически, оказывается, что уровень объективации мира, с одной стороны, и уровень самоуправления, или автономии, личности, с другой, – это разные аспекты отношения человека к внешнему миру в данное время.

МЛАДЕНЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ НАМЕРЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Новорожденный младенец никогда не делает выбора и даже никогда не совершает действие в истинном смысле этого слова. Он просто реагирует: рефлексивно, инстинктивно, даже рассеянно, как выразился Хайнц Вернер, на «глобальную жизненную ситуацию»²⁹. Вот как Вернер описывает непосредственность, неотложность (*immediacy*) этого самого раннего типа реакции:

Для примитивного действия не существует истинно индивидуальных мотивов. Примитивное действие происходит, с одной стороны, под воздействием жизненных влечений, а с другой – под воздействием конкретных сигналов среды... [Младенец] совершает движения не под влиянием какого-то вдохновения, а потому, что его побуждают к движению жизненные силы...³⁰

Изначально у младенец не ощущает себя отдельно от внешнего мира. У него нет ни ощущения внешнего объективного мира (тем более представления о нем), ни ощущения собственных дей-

---

²⁹ Heinz Werner, «Comparative Psychology of Mental Development» (Chicago: Follett, 1948), p. 194–195

³⁰ Ibid.

ствий или потребностей³¹. Шпитц³² сравнивает качество такого недифференцированного субъективного и сенсорного ощущения с самым первым визуальным ощущением взрослых людей, которые долгое время страдали слепотой. Такие люди сначала чувствуют себя ослепленными и совершенно не могут отличить видимые формы от ослепляющего сенсорного ощущения. Один такой пациент сначала даже не осознавал, что он получает эти ощущения через зрительный канал.

Пиаже отмечает, что даже новое явное узнавание младенцем объекта – это недостаточное основание для вывода, что у него действительно есть ощущение внешнего объекта:

Одного узнавания сенсорного образа, когда он появляется снова, недостаточно, чтобы он сам собой стал образом внешнего объекта. Любое субъективное состояние можно распознать, не объясняя его воздействием объектов, не зависящих от Эго. Новорожденный младенец при кормлении узнает материнский сосок благодаря сочетанию рефлексов сосания и глотания, не ощущая его как внешний объект. Точно так же месячный младенец может распознать некоторые визуальные образы безо всякой их внешней экстерииоризации.³³

Так, Пиаже полагает, что улыбка младенца, которая впоследствии становится социальным откликом, – изначально просто реакция удовольствия, возникающего при получении приятного и известного ощущения.

Согласно Пиаже, в основном поведение младенцев может внешне напоминать намеренные действия, но на самом деле их действия не имеют этой составляющей.

Когда ребенок хватается за объект, чтобы его сосать, на него смотреть и так далее, кажется, что он различает цели и средства, а значит, ставит перед собой какую-то цель. Однако нет ника-

---

³¹ Хайнц Кохут называл это состояние «объект самости» (*self-object*). – *Примеч. пер.*

³² Rene A. Spitz, «The First Year of Life» (New York: International University Press, 1965), p. 53. См. также: M. von Senden, «Space and Sight: The Perception of the Space and Shape in Congenitally Blind Before and after Operation» (London, Methuen, 1960).

³³ Piaget, цит. по: J.H. Flavell, «The Developmental Psychology of Jean Piaget» (Princeton, N.J: Van Nostrand, 1963), p. 96.

ких серьезных оснований приписывать это различие его сознанию. Хватать, чтобы сосать, – это единичное действие, соединяющее в себе цели и средства.

...Поэтому сторонний наблюдатель не вправе делать подобных выводов [о целесообразности поведения ребенка в это время].³⁴

Нельзя говорить о подлинной преднамеренности действий, пока младенец не ощущает себя отдельно от внешнего мира, свои действия – отдельными от действий объекта и не отделяет свое ощущение объекта от самого объекта. Младенец по-прежнему только рефлекторен или инстинктивно-реактивен. Его «действие» неотложно и не опосредовано, у него отсутствует намерение и в этом смысле оно пассивно.

Появление преднамеренности (действия с осознанной целью) из совершенно пассивной, неотложной реактивности происходит слишком постепенно, чтобы его можно было зафиксировать с какой-то точностью. Согласно Пиаже, рефлексы постепенно и незаметно изменяются и как бы «обучаются». В качестве примера такого процесса можно привести период, когда ребенок узнает, как сосать палец. Изначально неотложные реакции, благодаря ощущению ребенком разных воздействий со стороны его окружения, теперь, похоже, приобретают характер или «ощущение» действия, хотя все еще без ясно представляемой цели. Например, ребенок, который развивает визуально-хватательную координацию, учится хватать погремушку, когда (и только в этом случае) она находится в обозримой близости от его руки. Или же ребенка заинтересовывает продолжение или повторение звуков погремушки, но этот интерес можно переключить (способ, в чем-то напоминающий метод работы Гольдштейна и Шреера со своими пациентами), предусмотрительно вложив погремушку в руку ребенка.

Такое действие отражает едва заметный прогресс в развитии преднамеренности действия по сравнению с рефлекторной реакцией на стимул. И если мы постараемся воспроизвести содержание внутреннего процесса, то даже такое еле заметное намеренное действие подразумевает узнавание того, что в нем уже было и еще остается. Правда, действие не будет в себя включать никаких ясно выраженных мыслей о «чем-то» внешнем. Вместе с тем не прихо-

---

³⁴ Ibid., p. 111.

дится сомневаться, что само действие становится выражением ощущения мира, которого, по крайней мере, достаточно, чтобы вызывать некое чувство узнавания погремушки-в-руке. Ибо только такое узнавание может возбудить интерес, которого раньше не было, и таким образом положить начало самоуправлению.

Ребенок начинает узнавать, как только он, сначала пассивно, накапливает в себе ощущение окружающего мира через повторяющееся ощущение своих случайных действий и действий других людей по отношению к нему, в частности проявления материнской заботы. Такое узнавание сопряжено с формированием новых интересов, новых ожиданий, даже если они не связаны с каким-то внутренним или воображаемым представлением о цели. Узнавание погремушки порождает интерес к погремушке как к объекту, тогда как раньше погремушка вызывала лишь интерес к получаемому ощущению. Таким образом, погремушка становится привлекательным объектом, объектом, который можно схватить. Это начало объективации не столько изменяет установку ребенка по отношению к внешнему миру, сколько создает эту установку. Его точка зрения не столько изменяется, сколько создается и формируется.

Подобный процесс может существовать и в начальной стадии внешнего выражения визуального восприятия внешнего мира, то есть в развитии активного зрения. Уже упоминавшиеся ранее исследования Зендена прозревших слепых людей³⁵ показали, что испытуемые сначала не могли воспринимать даже простейшие формы и достигали результата только в результате напряженного обучения зрительному восприятию элементарных визуальных форм. После многократных повторений визуального ряда этих элементарных форм люди начинали уверенно описывать свое восприятие внешнего мира. Но Зенден обнаружил, что, как только испытуемые достигали этого уровня, очень быстро наступал дальнейший прогресс в «обучении зрению», а изначальные затруднения и сопротивление обучающихся, с которыми приходилось сталкиваться учителям, полностью исчезали. Такой прогресс иногда называли «обучением учиться». Иными словами, после трудоемкого научения человека элементарному выражению визуального восприятия кардинально изменялось его отношение к видимому внешне-

---

³⁵ См.: von Senden, «Space and Sight» (см. подробно в примеч. 32).

му миру. Если сформировалось такое элементарное узнавание, появляются новые визуальные интересы. Тогда овладение элементами формы восприятия делает не только возможным, но и неизбежным появление нового и более активного взгляда на внешний мир, ибо создаются новые разновидности объектов, интересных для зрителя.

В конце первого года жизни у ребенка формируется, по выражению Хайнца Вернера³⁶, «полярность в отношении между объектом и субъектом»: установка заинтересованности и ожидания по отношению к внешнему миру, установка «Я это хочу» или «Я хочу это получить». К этому времени также у него четко проявляется преднамеренность в виде операциональных действий. Теперь ребенок может (сначала при условии видимой цели своих действий) отталкивать препятствие или искать возможность достичь своей цели. С этим связаны два аспекта развития. Возможность совершать такие пошаговые операциональные и опосредованные действия ясно свидетельствует о том, что у ребенка существует цель, которая, по выражению Флейвелла, «предшествует завершающей реакции (*consummatory reaction*)»³⁷.

Способность использовать действие таким образом, то есть в качестве средства получить что-то еще, зависит от степени разделения средства и цели, а также от того, насколько поставленная цель отделена от ожидаемого достижения, насколько оно реально в ближайшем будущем и насколько необходимой оказывается ее постоянное визуальное присутствие, поддерживающее к ней интерес. По мнению Флейвелла, это значит, что и средства, и цель как бы получили «ощутимую свободу от их изначального контекста»³⁸. Благодаря последующему опыту у ребенка развивается некоторое осознание «объектности» предметов внешнего мира, самого их существования и наличия у них собственных качеств, не зависящих от их присутствия только здесь-и-теперь, от их функции и от их отношения к нему. Вместе с тем, как считает Вернер, у ребенка развивается некое отчуждение и ощущение отдельности от внешних предметов, он «освобождается от доминирующей вокруг него конкретности»³⁹.

---

³⁶ Heinz Werner, «Comparative Psychology» (см. подробно в примеч. 29).

³⁷ Flavell, «Psychology of Piaget» (см. подробно в примеч. 33), p. 111.

³⁸ Ibid.

³⁹ Werner, «Comparative Psychology» (см. подробно в примеч. 29), p. 192.

Таким образом, начало объективации внешнего мира изменило отношение ребенка к его окружению, природу его интересов к этому окружению и его поведение по отношению к окружению. Иметь цель, предшествующую действию, – значит смотреть на окружающую обстановку с совершенно новым интересом, с точки зрения достижения этой цели. А значит, именно интерес составляет основу действия. Короче говоря, объективация мира, привнося внешние цели в жизнь ребенка, превращает его в активную, целеустремленную личность.

По той же причине ограничения в объективации внешнего мира младенца определяют формальные ограничения в его действии. Пока объект остается в поле зрения ребенка и возбуждает его интерес и целенаправленное действие, ребенок способен совершать только простое, прямое и ограниченное действие. Появление объектной цели создает у ребенка новое побуждение к достижению этой цели и даже новый интерес к простейшим операциональным действиям. Но если эта цель вызывает лишь слабое и нестабильное внутреннее побуждение, которое по сути зависит от внешнего присутствия объекта, вызванная им неотложная импульсивная реакция оказывается весьма негибкой и как бы содержит мало свободной энергии⁴⁰.

---

⁴⁰ Это обстоятельство имеет отношение к важным положениям психоаналитической теории. Согласно этой теории развитие инфантильной неотложной реакции в целенаправленное, адаптивное действие зависит от развития внутренних возможностей «задержки» разрядки напряжения. Именно из-за появления внутренних структур, управляющих напряжением, которые сами являются рефлексивными и в некотором смысле представляющими собой внешние условия, – произошло постепенное «приручение» (понятие, введенное Дэвидом Рапапортом) и развитие адаптивных форм мотивационного напряжения («The Conceptual Model of Psychoanalysis», in *The Collected Papers of David Rapaport*, Merton M. Gill, ed. [New York, Basic Books, 1967], p. 405–431). Однако истинная природа этих внутренних процессов, управляющих напряжением и задерживающих его разрядку, так и не стала совершенно ясной. С другой стороны, анализ, который я привожу здесь, предполагает, что эту вторичную (*derivative*), более адаптивную мотивацию порождает не интериоризированная способность задержки разрядки напряжения, а некий другой, окольный процесс: именно новая форма мотивации, постепенное формулирование цели и постепенно проясняющееся ее предчувствие, обусловленное объективацией внешнего мира, задерживает разрядку напряжения. В той мере, в которой это напряжение мотивации принимает форму сознательной цели и направлено непосредственно на ожидаемую цель, задержка разрядки напряжения, управлением им и толерантность к фрустрации становятся просто аспектами процесса предчувствия цели, планирования и целенаправленного действия. С другой стороны, в той мере, в которой такая сознательная цель отсутствует и в мотивации присутствует только невыражаемая потребность или склонность, задержка разрядки напряжения и управление им становятся бессмысленными и невозможными. См. также: Shapiro, «Neurotic Styles» (New York, Basic Books, 1999, p. 189).

Существенное условие дальнейшего важного продвижения в развитии волевого действия – это достижение ребенком уровня длительного отчужденного внутреннего представления внешней реальности, в особенности – внешних целей⁴¹. Наличие такой способности означает, что в результате дальнейшего и более разностороннего восприятия у ребенка будет формироваться и более объективный взгляд на мир. Теперь у него появляется более четкое осознание независимого существования внешних объектов и возможность воспроизводить в своем воображении объекты, которые находятся уже вне поля его зрения. Эта способность тоже развивается постепенно. Так, например, Пиаже показал, что перед овладением языком и концептуально-символическим представлением о реальности у ребенка появляется способность к простейшему внутреннему представлению, «чувству» воображаемой реальности, которое возникает в результате ее сенсомоторного ощущения. Это чувство способствует формированию определенного уровня манипуляции действиями в воображении и сенсомоторной «рефлексии». Даже это начальное воображаемое представление объектов или событий способствует расширению осознания внешнего мира. В какой-то мере ребенок освобождается от ограничений ситуации здесь-и-теперь (которую Пиаже сравнивал с замедленным показом фильма, где каждое событие можно связать только с теми, с которыми оно непосредственно связано в данный момент). Таким образом, ребенок постепенно начинает осознавать причинные и временные связи между событиями, которые им ранее воспринимались как отдельные и не связанные между собой. Иными словами, чем более отстраненным объективным становится взгляд ребенка на внешний мир, тем этот взгляд становится шире.

Такой успех в развитии, опять же, значительно обновляет отношение ребенка к его окружению, и оно становится более активным и управляемым. Он начинает не только ощущать внешний мир, но и осознавать его. Его цели становятся более определенными, чем раньше; у него появляются новые области интересов. У него возникают новые возможности операциональных действий, включая изобретение им новых операциональных средств; его диапазон его действий существенно расширяется, а сами действия

---

⁴¹ Под «отчужденным представлением» я имею в виду образ или идею, которые ребенок отличает от порождающего их объекта.

становятся более гибкими. Если раньше активность ребенка ограничивалась стремлением к интересным предметам, появившимся в его окружении, то теперь он проявляет интерес к объектам, которые не присутствуют с ним рядом, и преобразует свое окружение в соответствии со своими интересами.

ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ ДЕЙСТВИЙ И ПЕРВОЕ ОТНОШЕНИЕ К АВТОРИТЕТУ

Достижение ребенком некоторой способности к волевому действию непосредственно приводит к качественному изменению его отношения к взрослым. Это отношение – результат двойного воздействия: ребенок хочет исследовать свою автономию; и вместе с тем взрослые считают себя обязанными не только наложить определенные ограничения на новые действия ребенка, но и найти новые способы воздействовать на него. Так начинает формироваться новая тесная связь между развитием внутреннего процесса автономии, с одной стороны, и отношением ребенка к авторитету взрослого – с другой.

В младенчестве такого отношения к авторитету взрослого не существует. Сам по себе авторитет взрослого в отсутствие самоуправления не имеет значения. Но с самого начала появления самоуправления до полного развития внутреннего процесса автономии (обычно это конец подросткового возраста) и продолжения самоуправления во взрослой жизни в случае некоторых видов психопатологии особая форма и уровень самоуправления для данного человека будет отчасти определять значение для него авторитета и природу его отношения к авторитету. Разумеется, есть и обратное воздействие: на развитие автономии ребенка будет влиять сущность авторитета взрослого, с которым общается ребенок. Это воздействие происходит в обоих направлениях, причем в тесной связи с развитием внутренней автономии и субъективного отношения к внешнему авторитету. Одно из этих воздействий существенно зависит от другого.

При первом реальном всплеске автономии, когда ребенку требуется необходимый уровень мышечного развития, а следовательно – более широкий диапазон волевого действия и контроля, взрослые могут называть его своенравным, упрямым или трудным ребенком. Такое описание отражает точку зрения взрослого, а точнее – предрассудков взрослого; на самом деле,

совершенно невероятно, чтобы ребенок, по крайней мере впервые, вступал в конфликт с авторитетом взрослого. Ребенок просто хочет делать то, что он хочет делать. Он просто желает делать, что предполагает, если уж ему случилось это захотеть; в таких случаях его даже можно назвать удивительно покладистым. Но как в своем стремлении делать то, что он не собирался делать, он не обязательно проявляет упрямство, так и в своем желании делать то, что он собирался сделать, он не обязательно покладист; это может только совпадением. Ребенок просто проявляет интерес так, как он может, иногда – в направлении, указанном взрослыми, а иногда нет. Так как его действия все еще не подчиняются плану, у него по-прежнему отсутствует ощущения себя действующим и самого действия, скорее всего, нормальные ограничения, налагаемые авторитетом взрослого, имеют единственное конкретное значение здесь-и-теперь, а не общий и продолжительный смысл. Ребенку нужно снова и снова повторять: «Не делай этого» и «Не делай того», и все равно он продолжает делать. Но это, по крайней мере первое время, – не демонстрация сопротивления или, точнее, упорства в достижении цели. При этом это даже не негативизм, по крайней мере сначала, и, строго говоря, даже не преднамеренность. Несомненно, ребенка можно вынудить сопротивляться авторитету взрослого или, точнее, высшей власти взрослого. Иными словами, ему обязательно придется реагировать таким образом, даже не осознавая, что ему придется больше сталкиваться с постоянными запретами и ограничениями, чем просто делать или не делать конкретные вещи, то есть отвечать на вопрос: «Кто тебе разрешил это делать?»

Появление у ребенка автономной деятельности побуждает взрослых вводить новые виды ограничений и в силу некоторых причин по-новому проявлять свой авторитет. Разумеется, отчасти это просто вызвано неизбежным конфликтом между повышением активности ребенка и реальными требованиями и правилами, существующими в семье, и соблюдением мер безопасности. Но самые первые признаки проявления самоуправления и волевого контроля у ребенка позволяют взрослым найти возможности более эффективно и длительно влиять на поведение ребенка по сравнению с тем, как было возможно раньше. Появление у ребенка воли предоставляет взрослому возможность влиять на волю ребенка. Вполне подходящий пример – обучение ребенка пользованию туалетом.

С развитием мышечной системы и укреплением стула ребенок все больше осознает процесс дефекации. Иными словами, выделения кишечника для него объективируются, и тогда над этим процессом начинает развиваться волевой контроль. Родители осознают начало этой стадии, когда ребенок начинает подавать какие-то знаки или как-то иначе показывать взрослым о приближении дефекации. Именно в этот период они начинают проверять влияние своего авторитета, например, показывая ребенку туалет или горшок, давая этому процессу название и так далее, чтобы укрепить его волевой контроль.

Таким образом, волевой контроль постепенно распространяется на изначально полностью рефлекторные и неотложные мышечные реакции, и, что очень важно, такое расширение автономии в той или иной мере происходит при сознательном воздействии родителей и под влиянием родительского авторитета. Это становится явным свидетельством проявления разумной родительской симпатии и родительского признания к проявлению ребенком своей воли и своих возможностей, и тогда развитие проходит гладко и без особых затруднений. Но как нам известно, есть разные возможности влияния обучения на автономию ребенка, а следовательно – на его нормальное развитие. Например, хорошо известно, что обучение пользованию туалетом может стать ареной волевого противоборства или даже противоборства воли взрослого и психологии ребенка. В ретроспективе совсем несложно выявить нарушения автономии, возникшие в результате столкновения с принудительной силой авторитета: тревожное подчинение или готовность подчиниться или уступить, рефлекторное и раздраженное сопротивление авторитету, чувствительность к возможному принуждению и, наверное, самое главное – жесткое управление волей. Такое управление, как марионеточное правительство, внешне кажется автономным, но на самом деле подразумевает осознание ребенком высшего авторитета. Но в действительности даже в столь раннем возрасте обучение пользованию туалетом – далеко не единственное столкновение ребенка с авторитетом взрослого. Ибо при первых свидетельствах возрастающего самоуправления ребенка, не говоря уже о «преднамеренности» его действий, взрослые будут пытаться влиять на его волю в самых разных областях. Это делается не только с целью воздействия на поведение ребенка в данной ситуации, но и с целью воздействия на его характер, чтобы вне-

дрить в человека, который активно преследует свои цели в данном окружении, общие ограничения, реактивные по отношению к этому окружению. И все-таки его действия и его цели, по существу, ограничиваются тем опытом, который он уже приобрел в этом окружении, и тем неотложным способом действий, который ему предлагается. Последующее развитие мышления, в особенности развитие символического представления о внешней реальности, освободит его от ограничений этого окружения и от его собственного актуального переживания. Оно позволит ему осознавать внешнюю реальность, которая оказывается гораздо шире, сложнее и глубже, чем может дать любое актуальное переживание. Как сказал Пиаже, используя язык понятий, ребенок соприкоснется с «уже готовыми системами идей, классификаций, отношений – короче говоря, с неисчерпаемым источником понятий»⁴². Таким образом, последующее развитие мышления в конечном счете придаст ему огромную силу, позволяющую *воздействовать* на свое окружение.

Самые ранние представления ребенка о внешней реальности являются конкретными, субъективными и личными. Это воспоминания о внешних обстоятельствах и действиях, в которых преобладают сильные впечатления и отсутствует информация о других представлениях. Ребенок представляет вещи так, как он их представляет, как они производят на него впечатление в соответствии с его субъективной точкой зрения в данный момент. Он еще недостаточно отчужден от этих представлений, чтобы их проверять, он оперирует ими в своем мышлении, занятый своими собственными мыслями. Очевидно, что такие представления могут руководить его действиями, но только простыми действиями, которые мало отличаются от того, что ребенок уже испытал, и по существу ограничиваются пробами и ошибками.

Как только ребенок достигает школьного возраста, его представления об объектах становятся менее индивидуальными, меньше связанными с его собственным опытом, они классифицируются более объективно, или, по выражению Ричмонда, «больше упорядочиваются соответственно понятийной природе языка».⁴³ Мышление ребенка начинает становиться более гибким, а

---

⁴² Цит. по: P.G. Richmond, «An Introduction to Piaget» (New York: Basic Books, Harper Torchbooks, 1970), 84.

⁴³ Ibid., p. 36.

его внимание – более подвижным: т.е. он начинает осознавать разные точки зрения, отличающиеся от его собственной. При этом у него постепенно развивается способность переключать свое внимание на разные аспекты своего представления о ситуации, чтобы смотреть на нее с точки зрения других людей или с точки зрения других отношений. Флейвелл указывает на очень интересное проявление такой возросшей гибкости: в возрасте 4–5 лет ребенок становится более доступным контролю: он может переключать свое внимание в соответствии с указанием или по просьбе⁴⁴.

Сначала очень постепенно, а потом все больше и больше у ребенка развивается способность оперировать мыслями и предметами. Ему становится все легче менять свое представление об окружающем мире. У него развивается более абстрактное осознание окружающего мира. Это значит, что с помощью понятийных средств языка, знакомясь с представлениями других людей, пользуясь своим собственным опытом и так далее, он начинает воспринимать целые классы объектов и осознавать, что в данной точке зрения неизменно и существенно, а что – несущественно и случайно.

Таким образом, он начинает осознавать и некоторые логические связи. Вообще говоря, это серьезное изменение заключается в переходе от так называемого «интуитивного» способа мышления – то есть преимущественно зависящего от ситуативного внешнего представления об объекте, а значит, ограниченного одной точкой зрения или внешним отношением, – к мышлению, основанному на осознании логических соотношений между объектами или классами объектов. Такой тип мышления, который, по мнению Пиаже, к среднему школьному возрасту постепенно становится комплексным и хорошо сформированным, освобождает мысли ребенка от ограничений, обусловленных его конкретным восприятием. Теперь сфера его мышления может расширяться настолько, насколько это возможно.

Такое развитие можно описать несколькими разными способами. Пиаже говорит о постепенном снижении эгоцентризма, или субъективности. Его можно описать и с точки зрения постоянно возрастающей объективности, и с точки зрения его отчужденной

---

⁴⁴ Flavell, «Psychology of Piaget» (см. подробно в примеч. 33), p. 162.

и абстрактной установки по отношению к внешнему миру. Получается так, словно у ребенка продолжает материализоваться объектный, расширяющийся внешний мир: такая материализация происходит благодаря его собственному опыту, усвоению понятийных средств языка и знакомству с точками зрения других людей. Во взгляде ребенка перестают преобладать неотложные интересы и обстоятельства; он начинает узнавать разные соотношения между объектами. В свою очередь, такой взгляд создает новые возможности для проявления интереса, изменяет его реакцию на внешний мир, опять же – на более активную, и он постепенно становится волевой личностью, осуществляющую планомерные и целенаправленные действия.

Давайте вернемся к первому принципу: узнавание нового аспекта объекта может сформировать новое отношение к этому объекту, которого не было раньше. Ребенок узнает, что маленькие искрящиеся камешки, которые он держит в руке, называются кусочками кремня и в эти камешки можно играть. Таким образом, создается новый объект – кремень. Одновременно создается новый субъект – игрок в камешки, в кусочки кремня. Таким образом, каждое выявление нового качества объекта или события может создавать не только новый объект, но и порождать нового активного субъекта. Точно так же на каждой последующей стадии объективации мира – через расширение интересов ребенка, создание новых, более сложных и более отвлеченных целей и открытие новых возможностей действия – формируется более активная и сознательно управляемая личность. Речь идет о ребенке, способном управлять свои действиями в соответствии с более сложными и более отдаленными целями, иначе говоря – о более автономном ребенке.

Таким образом, с достижением более отвлеченного и более абстрактного осознания мира, некоторых свойств и возможностей мира вне его видимых границ в жизнь приходит новый, рефлексивный ребенок. Ему присуще новое любопытство и новый интерес к тому, как устроен мир. В играх его больше интересует имитация реальности, создание действующих устройств и так далее. Если все идет хорошо, у него появляется интерес к знаниям и ему хочется научиться продуктивной деятельности. Его действия становятся все более рефлексивными и намеренными, он все больше осознает и само действие, и самого себя.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К АВТОРИТЕТУ ВЗРОСЛОГО: САМОУВАЖЕНИЕ И ОЩУЩЕНИЕ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Отношение ребенка к авторитету взрослого после раннего периода так называемой «преднамеренности» (*willfulness*) или сопротивления значительно изменяется. Приблизительно с трехлетнего возраста дети становятся более «послушными», более восприимчивыми к разным указаниям и наставлениям, и характерный период трений с взрослыми в целом заканчивается. Как же относиться к такому ослаблению сопротивления ребенка тому, что можно объективно считать бесчисленными нарушениями его автономии вследствие вмешательства авторитета взрослого: родителей, а позже – учителей? Причем это вмешательство происходит как раз в то время, когда диапазон его действий, возможностей и степень его самоуправления значительно расширяется. Возможно, в некоторых случаях и ситуациях можно было бы сказать, что эта ранняя «преднамеренность» просто подавляется. Но, как правило, такие дети не кажутся подавленными, наоборот – они очень живы и энергичны. Если их сопротивление авторитету взрослого ослабевает, скорее всего, это происходит из-за перемены их интересов, а также из-за изменения их отношения к авторитету взрослого и представления о нем.

Дальнейшее развитие более объективной и менее эгоцентричной картины мира включает в себя развитие в чем-то более объективного и менее эгоцентричного представления о взрослых. Это значит, что ребенок начинает воспринимать и восхищаться возможностями и умениями взрослых, в основном родителей, которых раньше он воспринимал только как субъектов, требующих послушания, и соответственно на них реагировал. Затем у детей появляется желание обладать этими качествами взрослых. Они подражают взрослым, вызывая у них восхищение, и хотят им понравиться. Существовавший ранее конфликт с авторитетом взрослого постепенно сменяет совпадение интересов ребенка и взрослого: ребенок стремится узнать, а взрослый стремится научить. Восхищение ребенка взрослым и идентификация с ним прекращает конфликт между ними (или, лучше сказать, способствует его прекращению). Если этого не происходит, этот конфликт будет присущ и ограничениям, которые налагает взрослый на ребенка, и его авторитету.

Таким образом, на этой стадии авторитет взрослого как учителя и объекта для подражания становится очень высоким. Мыс-

ли и установки, отмеченные авторитетом взрослых, а также полученные от них знания и умения вносят очень существенный вклад в суждения и умения ребенка и, в конечном счете, – в развитие его автономии. Очень важный и весьма интересный случай был описан Пиаже в его исследованиях развития у детей морального суждения. Такое суждение начинается с полного принятия ребенком морального авторитета налагаемых взрослым ограничений и превращения их в абсолютный закон: все плохое и неправильное взрослые запрещают и за него наказывают. Между этой стадией и достижением уровня способности к автономному моральному суждению, который, если вообще достигается, отражает собственный социальный опыт и интеллектуальный уровень человека, существует интересная промежуточная стадия. На этой стадии авторитет взрослого преобразуется в нормы и правила, которые хотя и сохраняют субъективное качество авторитетных норм, интерпретируются и применяются ребенком в конкретной ситуации как свои собственные. «В данный момент ребенок думает, что обманывать просто нехорошо, и что даже если обманщиков не наказывают, они все равно не должны лгать»⁴⁵. Но этот закон все еще воспринимается как авторитетное правило, которое придумали взрослые, а не как исходящая изнутри идеальная норма социальных отношений.

Так происходит постепенная интериоризация моральных императивов, налагаемых авторитетом взрослого, которые вносят свой вклад в содержание и форму собственных суждений ребенка, может быть, даже в ощущение им авторитетности его собственных суждений. С другой стороны, пока такое суждение опирается на авторитетное правило или указание, отражая идентификацию ребенка с авторитетом, оно не является автономным, а остается заимствованным суждением, и любое порожаемое ею ощущение личного авторитета – это ощущение заимствованного авторитета. По существу, суждение такого типа является догмой. Впоследствии, именно потому, что такое суждение опирается на высший авторитет взрослого, оно приносит раздвоение в сознание ребенка: с одной стороны, ребенок идентифицируется с ограничениями взрослого; с другой, эти ограничения не являются полностью его собственными и этим ограничениям может подвергнуться даже он

---

⁴⁵ Jean Piaget, «The Moral Judgment of the Child» (Clencoe, Ill.: Free Press, n.d.), p. 194.

сам. Это раздвоение сознания имеет далеко идущие последствия: идентификация с взрослым способствует прекращению внешнего конфликта ребенка с авторитетом взрослого и одновременно при-носит этот конфликт в сознание ребенка.

По мнению Роберта Уайта, «идентификацию можно назвать воображаемым кратчайшим путем к овладению совокупностью сложных взрослых паттернов поведения»⁴⁶. Очевидно, что в этом смысле идентификация ребенка с фигурой взрослого не только неизбежна, но представляет собой существенную часть процесса его развития. Она руководит ребенком, создает ему возможность плавно осуществить этот переход и поддерживает его собствен-ный авторитет и его собственные взгляды и суждения. Однако нетрудно себе представить, что если это развитие проходит не гладко, то идентификация с разными воображаемыми или реаль-ными фигурами, носителями высшего авторитета, знаний и воз-можностей, может стать постоянной чертой характера взрослого. В следующих главах книги я постараюсь показать, сколь важную роль играет такая идентификация в психологии ригидного ха-рактера.

Легко заметить появление у ребенка удовлетворения и гордо-сти, когда он узнает что-то новое или когда его действия становят-ся эффективными. Несомненно, этот опыт способствует повыше-нию его самооценки и уверенности в себе. А потому разумно пред-положить, что весь такой опыт в целом становится важным источ-ником не только ощущения компетентности, эффективности и владения ситуацией, но и ощущения своей собственной значимо-сти и авторитета, то есть самоуважения. Уайт считает такое ощу-щение своей эффективности основой (он называет его *taproot* – «стержневой корень») самооценки (под которой он фактически имеет в виду самоуважение). Он пишет: «Осознание самооценки означает осознание истории действия и его последствий»⁴⁷. В дан-ном случае Уайт имеет в виду ощущение ребенком своей эффек-тивности и компетентности в процессе развития; это организую-щая деятельность, владение речью, обучение в школе, социальные отношения и т.п. Такое самоутверждение очень важно и приятно

---

⁴⁶ Robert W. White, «Ego and Reality in Psychoanalytic Theory: A Proposal Regarding Independent Ego Energies», *Psychological Issues*, vol. III/3, Monograph 11, p. 114.

⁴⁷ Ibid., p. 134.

для ребенка, ибо оно связывает его самооценку и его реальное самоощущение в отличие от собственной фантазии и социальной реакции, которую он вызывает.

Видимо, все же можно посоветовать быть осторожным в экстраполяции этих отношений. В этой области есть определенные проблемы, и некоторые аспекты этих отношений вместе с тем остаются неясными. Что касается взрослых, то мы, по крайней мере, склонны считать, что самооценку или самоуважение, которые зависят от продемонстрированных умений и достигнутых результатов, от того, что человек может делать или уже сделал, – вообще нельзя считать автономной и корректной. Иными словами, мы относим самооценку или самоуважение скорее к внутренним характеристикам человека, чем к его достижениям и его умениям. Больше того, неоднозначно само понятие «самооценка», даже в аккуратных рассуждениях Уайта, и эта неоднозначность может быть связана с той же проблемой. Насколько самооценка и самоуважение связаны с относительно стабильным ощущением себя, как, например, в признании успешности публичного выступления? Или, может быть, под самооценкой или самоуважением мы имеем в виду не слишком осознанную сторону ощущения себя как объекта внимания других людей, ощущение собственной значимости и авторитета, которые заключаются в желании доверять лишь собственному опыту и восприятию, высказывать только собственные мысли, преследовать только свои интересы и цели и проверять при этом свои умения и возможности? И дальше, если правда, что самооценка и самоуважение порождаются ощущением эффективности действия, разве не разумно предположить, что чувство неполноценности и несостоятельности порождаются неуспешными рискованными поступками в детстве? Если бы это было так, было бы трудно объяснить, почему все дети не испытывают значительно более острых страданий из-за своей неуспешности.

За исключением некоторых случаев психопатологической симуляции, кажется весьма сомнительным, что сознательное продолжительное чувство позитивной самооценки или самоуважения является важной составной частью нормальной жизни человека. Разумеется, мы испытываем преходящее чувство гордости и удовлетворения в связи с некоторыми нашими успехами и/или социальным признанием этих успехов, но в первом приближении мы знаем, что в длительном или постоянном довольстве собой легко узнать компенсаторные усилия, лишенные убежденности и толь-

ко отчасти подкрепленные нашей уверенностью в себе. По существу, людям, которых мы считаем уверенными в себе или уважающими себя, больше присуще не столько стремление как-то себя оценить, сколько отсутствие внимания к этому вопросу.

Этот вывод подтверждается наблюдением пациентов, успешно прошедших курс психотерапии. Этим людям была свойственна низкая самооценка или ощущение неполноценности. Постепенно на смену этому чувству пришло не чувство застенчивой гордости и не чувство самоценности, а снижение интереса к этой проблеме. Они просто стали меньше интересоваться оценкой себя, а больше – своей деятельностью и реальной жизнью. Вместе с тем оказывается, что самооценка или самоуважение во многом похожи на ощущение хорошего физического самочувствия или здоровья. Она ощущается как таковая по случаю, но в основном проявляется как отсутствие болезненного и мучительного самоосмысления и как готовность действовать, в особенности – выносить суждения, принимать решения и, главное – следовать в жизни своим путем⁴⁸.

Самооценку или, что для меня предпочтительнее, самоуважение можно сравнить с физическим самочувствием и в другом смысле. Состояние здоровья, как и болезнь, имеет физиологическое обоснование. Но смысл заключается в том, что, в отличие от болезни, здоровье или хорошее самочувствие не нужно объяснять. Мы не должны искать особых причин тому, что у человека нет болей в желудке или нет язвы. Мы считаем это само собой разумеющимся, мы этого ожидаем, ибо это следует из нашего общего понимания человеческой физиологии. Наличием особых условий объясняется только болезнь. Наверное, то же самое можно сказать о самоуважении по сравнению, скажем, с чувством неполноценности: развитие самоуважения можно считать общим отражением нормального личностного роста и развития автономии; оно непосредственно не зависит от особых условий: наличия умений, достижений или успехов.

Я думаю, в этом заключаются не только наши пожелания, чтобы было именно так; опыт показывает, что самоуважение или,

---

⁴⁸ Поскольку речь идет о развитии самооценки ребенка, этот вывод соответствует представлению Эриксона об альтернативных чертах Эго ребенка в латентный период: ощущению неполноценности противопоставляется не самооценка, а *усердие* (Erikson, «Childhood and Society» [см. подробно в примеч. 22]).

напротив, чувство неполноценности присуще людям совершенно разного уровня интеллекта, с любым ощущением своей значимости или успешности, и даже очень ограниченным, и даже неполноценным людям, хорошо осознающим свои ограничения и свою неполноценность. Если эффективные, умелые действия являются главным и прямым источником самоуважения, тогда не очень понятно, почему это качество не должно в основном быть присуще самым блестящим, самым знающим и самым успешным людям.

Мы увидели, что в процессе развития ребенка его поведение постепенно становится менее пассивным и неотложно-реактивным на его окружение и все активнее управляется в соответствии с его собственными планами. В манере речи он уделяет больше внимания характеристике своего поведения. По-моему, главным образом именно это общее развитие автономии ребенка, в которой действие будет играть свою роль, а не прямое ощущение эффективного действия, становится основой развивающегося ощущения личной значимости, становления индивидуальности и, в конечном счете, личного авторитета и самоуважения. Ребенок чувствует себя более значимым, ибо он действительно становится таким, причем не столько в смысле возрастания технической компетентности, сколько в более глубоком внутреннем смысле, становясь независимым субъектом действия в окружающем мире. Умелые действия, достижения и успех – отдельные внешние проявления этого развития, а потому они могут служить и часто служат внешними подтверждениями, объективными доказательствами значимости человека и его права на самоуважение, особенно если самоуважение оказывается недостаточным или что-то мешает его выражению. Но если развитие автономии прошло нормально, самоуважение в основном не будет зависеть от того, что человек может делать и как хорошо он это делает, не будет требовать особых оправданий, а будет лишь отражать, что человек является или становится автономной личностью.

Если это рассуждение правильно, было бы ошибкой распространять данный вывод и на ощущение неполноценности, а именно: что это ощущение непосредственно порождается недостатками или ограничениями компетентности. Конечно, встречаются люди с сомнительной самооценкой, наделяющие разные недостатки и ограничения глубоким и общим смыслом, словно они служат мерой их человеческой состоятельности. Вероятно, специфический фокус такого беспокойства время от времени или даже часто ме-

няется: проблемы с обучением или с карьерным ростом, физическая слабость, неудовлетворительная сексуальная жизнь и так далее. Нередко бывает, что явно компетентные и успешные люди считают какие-то свои отдельные недостатки явным свидетельством своей общей неполноценности. С другой стороны, когда люди, в особенности дети, уже избавившиеся от чувства неполноценности, терпят неудачу в деле, в котором они хотели бы добиться успеха, – правда, это дело не является для них очень важным, – оказывается, что они признают неудачу с сожалением или разочарованием как конкретное ограничение, иногда с чувством, что оно является лишь временным, во всяком случае не придавая этой неудаче общего смысла с точки зрения своих основных качеств. С этой точки зрения даже серьезные ограничения не обязательно становятся смертельными.

Это признание является очевидным даже в следующем случае детских воспоминаний мужчины с диагнозом «задержка психического развития»:

Похоже, я знал, что нахожусь где-то в тени, знал, что я какой-то не такой, как все, знал, что у меня были проблемы, но когда ты молод, то не думаешь, что это проблема. Многие люди были такими же, как я. Проблема заключалась в том, что ко мне словно приклеился ярлык, что я такой... Я любил ездить в лагерь. Начальство и вожатые были хорошие. У меня была эта проблема с ногами. Ноги были довольно слабые. Когда я в походе отставал от группы, другие участники могли нести меня на спине, потому что я был довольно легкий... Я радовался тому, что я легкий, потому что так им было легче. Мне нужна была помощь, и они мне помогали... Я и не думал, что они меня понесут... Оказалось очень важно, что я там был.⁴⁹

Чувство неполноценности подразумевает не столько наличие реальных недостатков, которые, в конечном счете, занимают основное место в жизни любого ребенка, сколько осознание норм, которые придают таким ограничениям значение, которого иначе они бы не имели. Вполне вероятно, что ощущение ничтожности или неполноценности, выраженное в той или иной форме,

---

⁴⁹ Robert Bogdan, Steven Taylor, «The Judged, Not the Judges: An Insider's View of Mental Retardation», *American Psychologist*, January 1976, p. 48.

является частью всех невротозов. Общей составляющей всех невротозов является некоторое ослабление автономии, а следовательно, и некоторое снижение самоуважения. Но существует особое чувство неполноценности, когда эта проблема и это ощущение становятся особенно острыми, доминирующими и даже навязчивыми. В этом смысле ощущать свою неполноценность – значит сжиться с образами и идеями о том, каким человек должен быть, и постоянно соотносить себя с этими мерками. Скорее всего, именно такое ощущение неполноценности порождает явные симптомы.

По-видимому, именно у таких людей возникает некое раздвоение личности, двойственная установка, порожденная в процессе детского подражания, и тогда продолжается и даже усиливается идентификация с взрослыми, вызывающими восхищение или, уж по крайней мере, производящими впечатление. Я понимаю, насколько парадоксальным кажется утверждение, что подражание ребенка взрослым, которое должно было привести к разрыву между ними, становится неотъемлемой частью субъективной жизни ребенка. Вместе с тем, в конечном счете, в основе такого подражания лежит разрыв между высшим и низшим. Цель ребенка в подражании взрослым – устранить этот разрыв, но в реальности ребенок не может стать тем, кем он не является, то есть взрослым. В этом смысле процесс идентификации никогда не может быть совсем успешным. В процессе развития нормального ребенка он ощущает свою автономию и свою значимость, снижается его интерес к подражанию взрослым, оставляя у него те характерные черты и результаты влияния, которые имели свои корни в самой личности ребенка.

Но если эта стадия прошла не гладко, развитие может пойти по другому пути. Человек может продолжать жить под сильным влиянием образа значимых для него лиц и людей, обладающих для него непререкаемым авторитетом, и в присутствии авторитета такого масштаба он может продолжать ощущать себя ничтожным и неполноценным. Самоуважение для него становится пропорциональным его сходству с авторитетными фигурами; он продолжает с ними соперничать, пытаться «быть достойным» их, смотреть на себя их взглядом, соизмерять себя с ними – и в конце концов неизбежно терпит поражение. Тогда он не просто ощущает свое ничтожество; он становится совершенно подавленным постоянным осознанием этого ничтожества.

ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ И ОЩУЩЕНИЕ АВТОНОМИИ

Говорят, что подростки всегда эгоцентричны, но если даже они более эгоцентричны, чем дети более младшего возраста, то лишь в том смысле, что больше себя осознают и больше уделяют себе внимания. В другом смысле понятия эгоцентризма, то есть субъективности, – они явно менее эгоцентричны. Если они больше осознают себя, значит они больше осознают и окружающий их мир, выходящий за рамки привычного им окружения, то есть семьи и школы. Оба вида такого осознания, несомненно, отражают более отвлеченный и более объективный взгляд на мир.

Развитие умственных способностей (в смысле определения интеллекта, согласно Пиаже), по существу, достигает зрелости в подростковом возрасте. Согласно Пиаже, подростки способны абстрактно рассуждать не только об объектах, но и об идеях и о связи между ними. Точно так же, как в детстве предметы стремились «освободиться» от существующего контекста, так и в подростковом возрасте абстрактные отношения стремятся «освободиться» от контекста, в котором они существуют. Находят свое признание разные точки зрения, разные взгляды и разные стороны действительности. Такие понятия, как «истина» и «ложь», объективируются, становятся объектами внимания и побуждают к рефлексии – то есть к «действию» мысли – по отношению к ним.

Таким образом, уметь размышлять над абстрактными понятиями, над отношениями между объектами и над разными точками зрения – это уметь смотреть на мир как на некую условную данность. Иными словами, такая способность расширяет и освобождает воображение. Открывается ряд возможностей и гипотетических условий; а реальные состояния в данный момент – каков мир здесь-и-теперь – становятся, по словам Пиаже, лишь отдельными случаями среди всех возможных⁵⁰. Следовательно, воображаемые и абстрактные интересы подростков относительно будущего, относительно общественного устройства и социальных изменений, идеологии, справедливости, науки – все эти интересы определяются, конечно же, доступностью для них образования, популярной технологии, научной фантастики и так далее. Все эти абстрактные интересы и идеи отражают более отвлеченный и более широкий взгляд на мир, позволяющий подростку узнавать не

---

⁵⁰ Flavell, «Psychology Piaget» (см. подробно в примеч. 33), p. 204ff.

только реальность, но и идеи о реальности, более реалистичные взгляды, позволяющие ему убедиться в том, что многие привычные для него представления оказываются всего лишь предрассудками. Такой расширенный взгляд на мир будет влиять и на представление подростка о его непосредственном окружении: в чем-то оно становится для него менее значимым. Статус родителей, семьи, дома, соседей и даже общества понижается. Все это уже рассматривается не с точки зрения, какой этот мир и каким он должен быть, а с точки зрения тех или иных отдельных субъектов или объектов, которые в данный момент оказались здесь. Вместе с тем у подростков появляется новое осознание себя, более отстраненное ощущение своего отдельного существования и более объективное осознание своей ситуации, включая, разумеется, осознание приближающегося равноправия с миром взрослых.

Этот расширенный и более отстраненный взгляд на мир, – в сочетании с физическим и сексуальным созреванием, – снова делает человека более активным и целеустремленным, и теперь уже более сознательной, самоуправляемой личностью. Подросткам становится интересно заниматься новой, независимой деятельностью: работать, путешествовать, водить машину, особенно – что-то делать, и делать так, как решили они или те, кого они обозначили в качестве авторитета. Особенно чуткие и развитые подростки видят много того, что их не устраивает, и хотят это изменить: многое в своем окружении, какие-то межличностные отношения, социальное устройство, самих себя. Они могут не только вообразить, чего хотят достичь, и, если позволит общество, представить себе способ достижения результата, но и в своем воображении экспериментировать со своим образом, как бы не просто решая, что делать, а «чем стать».

Диалектика отношений с авторитетом взрослого выходит на следующую стадию. Возможности ребенка опираться на взрослых или, по крайней мере, на родителей, учителей и другие модели поведения, в основном уже достигнуты и исчерпаны. Это достижение в подростковом возрасте практически неизбежно приводит к сопротивлению подростка сохранившимся ограничениям, связанным с авторитетом взрослого. Прежние отношения неравного статуса – «одностороннего уважения» к родителям, как заметил Пиаже, – в значительной степени отвергаются. Основного условия их признания – безусловного превосходства авторитета взрослого как учителя и модели для подражания – больше не существует.

Ибо осознание подростком самого себя как почти взрослого человека, имеющего собственные идеи и мысли, придало ему условное уважение к собственному авторитету, хотя вместе с тем он более объективно смотрит на своих родителей, принизив их до уровня обыкновенных людей.

Но неприятие подростком налагаемых взрослыми ограничений принимает разную форму, начиная с преднамеренности, присущей раннему детству. Это не просто полемика в отношении конкретной формы поведения ребенка, как это было раньше, или конкретные ограничения, налагавшиеся родителями, которые теперь воспроизводятся в увеличенном масштабе. Хотя, конечно же, эти факторы обычно присутствуют, как, например, в конфликте между неумеренным и идеалистическим представлением одной стороны и осторожностью, предусмотрительностью и умеренностью другой. Но между ними есть и более существенная и более глубокая проблема. Подростки в принципе стремятся иметь собственные взгляды, идти своим путем и за себя отвечать. Они очень хорошо и точно это осознают и тщательно отстаивают свою автономию, или самоуправление, что в данных обстоятельствах обязательно включает в себя признание их прав взрослыми. Подростки настаивают на своей самостоятельности, свободе от вторжения в их личную жизнь, по крайней мере от вторжения родителей, и на своей независимости. Они хотят свободы в перемещении. Они требуют уважения к своим мыслям, идеям и хотят, чтобы с их мнением считались. Короче говоря, осознание подростком своего «почти что равенства» с миром взрослых и условное ощущение им своего авторитета порождают настойчивость в стремлении проверить и утверждать свой личный авторитет.

В общем в поведении подростков часто проявляется своеволие, настороженность и другие симптомы шаткого, демонстративного, а иногда просто искусственного утверждения своей автономии и личного авторитета. Такие симптомы состоят из тех, которые включают в себя отношение к авторитету, и из тех, которые относятся к сугубо внутренним процессам. Например, подростки часто бывают самолюбивыми, защищаясь от снисходительности и неуважения, к проявлению которых они очень чувствительны, особенно со стороны взрослых. Или же их переполняет обида, когда они сталкиваются с ограничениями, которые налагают взрослые. Или же они могут отказываться отвечать привычным ожиданиям взрослых и выполнять их указания, совершая необычные и

даже эксцентричные поступки. Острое чувство неполноценности может периодически уступать высокомерию; под поверхностным догматизмом может скрываться нерешительность. Подросток может мучительно переживать эту внутреннюю борьбу, о которой я уже упоминал, принимая решение, «чем стать», а также внутреннюю борьбу совести, самоконтроля и «силы воли». Форма и сила таких симптомов, вероятно, зависят и от социальных условий, и от индивидуальных особенностей человека. Например, можно ожидать, что самоутверждение подростка будет принимать более циничные и деструктивные формы в тех случаях, когда общество не предоставляет никаких средств воздействия на честолюбие и идеалы подростков, и мест, где их могли бы оценить⁵¹.

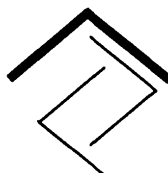
Психопатологию подросткового возраста не следует приравнивать, особенно в прогностическом аспекте, к психопатологическому состоянию взрослого человека, хотя в некоторых случаях может наблюдаться существенное сходство⁵². Это становится особенно ясно в связи с теми симптомами или проявлениями, о которых я уже упоминал. Они могут напоминать патологию автономии взрослого человека, например, навязчивое, одержимое и даже паранойяльное состояние, но эти реакции и тревоги подростка могут оказаться лишь признаками переходного состояния в процессе развития и укрепления автономии, причем только при определенных внешних условиях. Часто легко заметить следующее: как только достижение подростком автономии и самоуважения становится более свободным, значительно уменьшается или вовсе прекращается его демонстративное застенчивое самовыражение. С другой стороны, верно и то, что эти состояния могут существовать и при более продолжительной патологии автономии, как разновидности ригидного характера.

---

⁵¹ Более подробно на тему отношения подростка к обществу можно прочитать в книге: Erik H. Erikson, «Identity, Youth and Crisis» (New York: W.W. Norton, 1968).

⁵² Ibid., p. 17.

Ригидная личность

Я описал несколько разновидностей невротических состояний и тенденций: состояние навязчивой одержимости и паранойяльное состояние, садистские и мазохистские склонности – как проявления ригидного характера. Перед тем как перейти к подробному описанию этих состояний и тенденций, я приведу общее описание ригидного характера, и это общее понимание станет основой дальнейшего объяснения. В этом случае лучше всего в первую очередь обратиться к состоянию навязчивой одержимости и паранойяльному состоянию, так как они являются наиболее содержательными. Разумеется, все эти психиатрические и психологические категории и обобщения являются широкими: никто не подпадает под такое описание полностью и никто не может сказать, что оно совершенно к нему не относится.

Люди, о которых пойдет речь, характеризуются непомерной и напряженной взвешенностью поведения. Те области жизни, которые обычно характеризуются спонтанным поведением и довольно быстрым принятием решений – пойти или не пойти в кино, как провести выходной день, – наполняются серьезными, взвешенными размышлениями, зачастую полными сложных задач.

Поведение такого человека может быть практически постоянно целеустремленным, сосредоточенным на том, чтобы добиться прогресса, какого-то осязаемого результата или, по крайней мере, продолжать планировать дальше. Такой человек мало делает то, что ему просто хочется. Такая целеустремленность поведения может стать очень интенсивной: тщательной, выверенной, напряженной, с полной концентрацией внимания на поставленных целях. Хотя в отдельных случаях эти целенаправленные усилия человека могут показаться произвольными или даже импровизированными. Такая целеустремленность не допускает отклонений или отвлечений. Именно поэтому она называется ригидной.

Такое непрерывное, всегда хорошо продуманное, целенаправленное и напряженное самоуправление включает в себя особый тип самоосмысления или самоосознания. По сравнению с другими людьми, ригидные личности управляют собой, более тщательно и напряженно осмысливая, что и как они делают. Они никогда не забываются и не теряются. В некоторых случаях даже их жесты – рукопожатие, походка – могут быть заранее продуманы и предусмотрены, чтобы достичь какой-то цели или избежать нежелательного воздействия. Следовательно, их поведение является не только взвешенным, но и зачастую напыщенным и неестественным.

У людей с ригидным характером сама по себе автономия вызывает настороженность и беспокойство. Их очень беспокоит проблема «уступчивости». Паранойяльная личность бдительно следит, чтобы ею не помыкали, не использовали в своих интересах, не сделали посмешищем и не обманули. Навязчивая личность озабочена тем, чтобы «не уступить» соблазну, лени или своим эмоциям. Оба типа ригидного характера должны постоянно подкреплять и усиливать свое ощущение контроля над ситуацией: паранойяльная личность – через стремление всегда оказаться «над» ситуацией, ожидая и пытаясь предвидеть все возможные неприятности; навязчивая личность – испытывая свою «силу воли», используя свою активность, деятельность и результативность. Обе они чувствуют особое уважение к «силе» и отвращение к «слабости», которые для них в основном означают силу или слабость воли. Разумеется, в каждом случае более ригидная паранойяльная личность превосходит в напряженности усилий относительно менее ригидную навязчивую личность.

Совершенно ясно, что у таких людей происходит особая и весьма специфичная борьба за владение собой, что достижение ими автономии сопряжено с приложением особых усилий, а если пойти несколько дальше, можно предположить, что их ригидность становится итогом их усилий и результатом их борьбы. Неочевидна лишь причина такой борьбы, – например, причина отвращения к «слабости» и «уступчивости» или к ослаблению напряженного или волевого самоуправления, то есть, иначе говоря: какое значение будет иметь для человека такое расслабление или «слабость».

Я уже указывал на то, что для ригидной личности значит «слабость» в первую очередь. Это подразумевается в том значении, которое имеет для нее «сила» – способность что-то перебороть, чему-то противостоять и преодолевать свои чувства, сопро-

тивляться искушению, соблазну, тому, что хочется делать. Таким образом, слабость, «уступчивость» себе, «потеря контроля» и проявление «безволия» – это значит следующее: человек делает то, что хочет, а не то, что должен. Иными словами, ригидная личность ощущает себя слабовольной или плохо владеющей собой, когда ее желание и намерение противоположны ее волевым установкам. Еще точнее: ригидная личность ощущает ослабление самоконтроля, если ее волевые установки, которые она считает своими желаниями, противоположны ее *реальным, но непризнаваемым* ею желаниям и намерениям.

Позвольте привести пример, взятый из психотерапевтической практики. Двадцатичетырехлетняя женщина, недавно разочаровавшаяся в своей любовной связи, несколько минут рассказывала о своем решении переехать в другой город, чтобы «начать все сначала». Несмотря на повторяющиеся эмоциональные заявления о своем намерении и принятом решении совершить этот переезд, она не сделала ни одного практического шага в этом направлении. Ниже в сжатом виде приведена запись этого случая, когда она пришла на терапию, очень опечаленная и расстроенная своим слабоволием в этом отношении:

Пациентка: Что со мной происходит! Я хочу переехать, но, оказывается, не могу приступить к этому переезду. Все дело в моей инерции. Это для меня типично... Не делать того, что я действительно хочу сделать!

Терапевт: Обычно людям не приходится преодолевать такую сильную инерцию, чтобы сделать то, что они действительно хотят. В сущности, если они к чему-то очень стремятся, то их очень трудно удержать.

Пациентка: Наверное, я не совсем точно выразилась, что очень стремлюсь. Но я знаю, что в общем-то мне бы этого хотелось.

Терапевт: Очевидно, что быстро это сделать не получится.

Пациентка: Но я знаю, что это было бы хорошо для меня.

Терапевт: Это совсем другое, чем *хотеть* это сделать.

Пациентка: Хочу или не хочу, мне следует это сделать! Мне нужно научиться быть независимой! Мне нуж-

но уехать туда, где я не смогу все время звать людей себе на помощь, где просто никто не придет, где мне придется позаботиться о себе самой, потому что чужая душа – потемки. И тогда я или утону, или научусь плавать!

Терапевт: Я понимаю, почему вы не спешите сделать этот шаг.

Пациентка: Это было бы ужасно! (*Начинает рыдать.*)

То, что с незыблемой и моралистической точки зрения этой женщины ощущалось как необъяснимое и расстраивающее ее слабование, как «инерция» или неспособность сделать то, что она «действительно хотела», по существу, было ее сильным желанием вообще этого не делать. Она думала, что ей *следует* это сделать, и *была уверена* в том, что хочет это сделать, но фактически она этого не хотела. То, что она ощущала как слабование («инерцию»), в действительности была не признаваемая ею склонность к тому, чтобы сделать нечто прямо противоположное.

Процесс, при котором мотивация, противоположная усилиям воли, в субъективном ощущении человека превращается в ощущение слабования, а в отдельных случаях – даже в «потерю контроля», отражает воздействие на его чувственную сферу твердых и в высшей степени предвзятых ожиданий. Очень часто случается, что, будучи очень решительными и целеустремленными, ригидные люди не могут определиться в том, что они хотят, что они собираются делать и даже в чем они уверены. Они путают то, что, по их мнению, им следует хотеть, с тем, что они действительно хотят; то, что, по их мнению, должно быть их намерениями, со своими истинными намерениями; идеи, в которые, по их мнению, они должны верить, со своими подлинными убеждениями. Ригидная личность представляет себе, что она хочет переехать, как, например, моя пациентка, что она убеждена в необходимости этого переезда и что она намеревается это сделать, тогда как на самом деле она лишь думает, что должна быть в этом убеждена и должна это сделать, но не намеревается и не хочет переезжать. Такой человек отождествляет некоторые императивы своей «воли» со своими желаниями и часто выражает свое предполагаемое желание – «Я хочу переехать! Я знаю, так для меня будет лучше» – в императивном стиле своей воли, и вместе со всей предвзятостью, присущей этой воле, он не признает противоположных мотиваций как тако-

вых, а ощущает их только как лень, инерцию или плохую организованность.

Таким образом, сила воли ригидной личности отчуждает ее от ее собственных чувств и мотиваций. Изначально, должно быть, существовал внешний, обходной путь: авторитетные указания, которые сейчас проявляются в этой воле, ранее исходили от других людей и налагались извне. Такое управление могло развиваться только из отношения ребенка к высшему авторитету взрослого. Но ригидная личность не интериоризировала цели, нормы и запреты авторитетного взрослого в обычном смысле. Проблема заключается именно в том, что ригидная личность ставит перед собой цели и задачи, которые не были полностью или хотя бы удовлетворительно интериоризированы, которые не стали ее собственными целями. Она их не сумела полностью «присвоить». Если бы это получилось, не понадобились бы ни «внутренняя сила», ни «сила воли», ни ригидность характера. С другой стороны, какая-то интериоризация все же произошла. Даже если правда, что жизнь ригидной личности управляется ее волей, правда и то, что она сама прилагает эту волю, что она ее уважает, считает ее цели и задачи собственными целями и охраняет их даже от своих собственных чувств.

Исходя из этого представления, мы можем догадаться о природе такой интериоризации и о значении и происхождении такой воли. Оказывается, ригидная личность продолжает идентифицироваться с фигурами высшего авторитета, извлекая их из детских представлений о высшем авторитете взрослого, и подражать им. Воля ригидной личности – это результат такого подражания и такой идентификации. Как станет ясно из моего подробного обсуждения в последующих главах, эта гипотеза поможет объяснить многие черты, присущие людям с ригидным характером: например, их демонстративную деловитость, искусственный ореол авторитета, склонность к догматизму, непреклонную, защитную заносчивость – и вместе с тем скрытое в глубине чувство стыда и неполноценности. Но здесь мне следует показать, как такое отношение к высшему авторитету сможет еще больше прояснить некоторые фундаментальные аспекты ригидного самоуправления, в особенности – его особого отношения к внешнему миру.

Слишком подчеркнутые формы ригидного поведения – его крайняя нарочитость и целеустремленность – приводят нас к мыс-

ли, что ригидность – это развитие, которое почему-то зашло слишком далеко. В каком-то смысле нарочитость ригидной личности может вполне оказаться результатом чрезмерного развития волевого управления и контроля, а чрезмерное развитие отчужденной и объективной установки – противоположной крайностью: результатом субъективности, неотложности (*immediacy*) и пассивности реакций, характерных для раннего детства. Но фактически состояние ригидности отражает не столько чрезмерное развитие волевого управления и контроля, сколько неудачи в таком развитии. На другом полюсе по отношению к неотложности и пассивности реакции, характерной для раннего детства, оказывается гибкость, а вовсе не ригидность поведения. Гибкость, а вовсе не ригидность отражает активное самоуправление. И, наконец, гибкость, а не ригидность отражает подлинно объективную установку к внешнему миру.

Жесткая целеустремленность ригидной личности сужает ее интерес к миру, ограничивая и наполняя предубеждениями ее восприятие внешнего мира. Такой человек занят поисками только данных (а в паранойяльном случае – ключей), соответствующих своим целям или своей обеспокоенности. Страдающий навязчивостью мужчина, проверяющий соответствие каждой женщины-президентки целому списку требований, существующих у него в голове, с целью выбрать подходящую ему жену, объективно не видит женщину. Он видит некий перечень черт и качеств, которые в сумме составляют не личность, а высокий или низкий общий балл. Это некая разновидность субъективизма, сознания, которое не является ни открытым, ни внимательным к внешнему миру. Наоборот, оно является ограниченным и предвзятым, так как должно удовлетворять заранее установленным требованиям и жестко поставленным целям. Иными словами, волевое поведение ригидной личности не направляется осознанными целями и задачами, как это обычно бывает вследствие объективного внимания к миру, непрерывного его объяснения и «попыток» вообразить возможности действия. Поведение ригидной личности управляется жестко зафиксированными и заранее установленными целями и в дальнейшем «технически» пополняется только информацией, соответствующей этим целям. Именно такой процесс приводит к самоощущению, похожему на описание одного мужчины, страдающего навязчивостью, который счел, что жизнь во многом проходит «на автопилоте». Поведение ригидных людей начинает во многом походить на этот процесс, когда они в своей повседневной дея-

тельности, в своих ритуалах, в своих пересказах догм механически корпят над выполнением своих целей, совершенно не обращая внимания на собственные интересы. При этом такое волевое управление гораздо менее автономно, чем кажется. Строго говоря, во многих отношениях оно только псевдоавтономно.

Я думаю, вполне понятно, что псевдоавтономия рождается в результате внутреннего отношения к высшему авторитету, о котором я уже говорил. Цели, которые перед собой ставит ригидная личность, и задачи, которые она решает («Я должен добиться большего», «Я должен крутиться»), по своему характеру очень похожи на некие установленные авторитетные нормы или императивы. Ригидная личность ссылается на эти авторитетные правила, а также на актуальные для нее примеры и образы авторитетных фигур именно тогда, когда внимание и интерес другого человека были бы направлены на внешний мир. Например, это становится очевидно при попытке одержимо-навязчивой личности выбрать между двумя решениями: *x* и *y*, опираясь на некое правило, закон, авторитетное мнение или свое представление о том, какой выбор сделал некий очень уважаемый человек, – и все это вместо того, чтобы просто рассмотреть возможности *x* и *y*. Или когда ригидная личность опирается на некую авторитетную догму, занимающую все ее внимание и все ее мысли, она не обращает внимания на реальные факты. Такие решения и суждения преимущественно развиваются не из отношения человека к внешнему миру, а из его некоторых внутренних представлений об авторитете – то есть из его отношения к некому аспекту собственной личности. Эту мысль можно выразить иначе: отношение ригидной личности к таким авторитетным правилам и фигурам подменяет объективное отношение к внешнему миру, и тогда оно теряет свою необходимость.

Интересно сравнить этот процесс с ригидностью маленьких детей, поведение которых тоже не управляется объективным отношением к внешнему миру. Например, Вернер⁵³ описывает способ привычных действий, присущих маленьким детям, отмечая их усердное, внимательное и зачастую очень манерное поведение. Каждый элемент такого действия должен быть тщательно выполнен, ничего не должно быть упущено, не должно

---

⁵³ Heinz Werner, «Comparative Psychology of Mental Development» (Chicago: Follett, 1948), p. 206ff.

быть никакой торопливости и не допускается никаких компромиссов. Становится ясно, что ребенок ранее осуществил это действие, восстановил его в памяти, и потому может воспроизвести его так же, как полное непрерывное представление, «которое нельзя разделить на существенную и несущественную части»⁵⁴. Вернер добавляет: «Фактически в последнем случае анализ показывает... что в основе такой ригидности и недостаточной гибкости мотива и цели лежит относительное отсутствие полярности между субъектом и внешним миром»⁵⁵. Иными словами, у ребенка нет ясного и объективного ощущения связи между действием и целью, и его действие не столько направляется объективным вниманием к прогрессу действия и контакту с окружающей средой, сколько «включается» самой целью и быстро продолжается в виде непрерывного реактивного процесса, основанного на воспоминании.

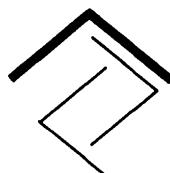
Продолжающаяся идентификация с высшим авторитетом и ригидной волей, которая сама является результатом этой идентификации, создает альтернативу нормальному развитию автономии и конечном счете формирует характер с присущими ему тенденциями и динамикой. Такую идентификацию можно найти в «одностороннем уважении» ребенка высшего авторитета взрослого, и, как я предположил, в психологической структуре такой идентификации сохраняется что-то из этого отношения. Таким образом, хотя при нормальном развитии, особенно в подростковом возрасте, это неравенство между ребенком и взрослым постепенно уменьшается и сменяется самоуважением и ощущением своего собственного авторитета, самоуважение ригидной личности определяется достижениями ее воли, тем, что человек «из себя сделал», и его сходством с теми людьми, которых он ставил себе в пример. Такое самоуважение легко переходит в самоуверенность, авторитаризм или защитное высокомерие. По иронии, есть некая неизбежность в том, что люди, ощущающие свою малость и больше других вынужденные осознавать и уважать высший авторитет, по этой причине подражают данному авторитету. Они формируют самоуважение на основе достижения сходства с авторитетом, а значит, в этом смысле они продолжают себя сопоставлять с ним.

---

⁵⁴ Ibid., p. 207.

⁵⁵ Ibid., p. 211.

Одержимо-навязчивая ригидность

В этом разделе мы рассмотрим более подробно природу ригидности одержимо-навязчивой личности и попытаемся показать связь этой природы с некоторыми характерными установками, субъективным ощущением, ощущением мотивации, а также с некоторыми специфическими чертами и симптомами одержимо-навязчивой личности.

Например, мы знаем, что люди, страдающие навязчивостью, как правило, характеризуются крайней прямолинейностью, стойкостью и упрямством. При этом такие сильные, целеустремленные люди могут оказаться в состоянии сильной тревоги и смятения, если им приходится принимать решение, которое для какого-то другого человека было бы тривиальным. По крайней мере, на уровне абстрактных рассуждений нетрудно видеть, что эти, казалось бы, противоположные черты могут быть связаны с самой природой ригидности. Именно такая природа проявляется в неспособности отклоняться от намеченного курса действий и невозможности наметить новый. Но остается проблема понимания установок, некоторых осознанных ощущений и волевых процессов, которые в совокупности создают ригидность страдающих навязчивостью людей и которые объясняют эти специфические черты.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ВНУТРЕННЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ИМПЕРАТИВУ «Я ДОЛЖЕН»

Ригидность людей, страдающих навязчивостью, может проявляться как некая разновидность добросовестности. Например, навязчивая личность настаивает на том, чтобы сделать работу «хорошо», то есть в соответствии с установленными процедурами или предписанными правилами и нормами, даже если правила не совсем применимы. Такой человек настаивает на тщательном выполнении поставленной задачи, используя все возможные вариан-

ты, исследуя до конца все возможности, даже после того, как исключается любой разумный шанс на успех. В основном он настаивает на том, чтобы вести себя правильно или придерживаться правильных взглядов, соответствующих установленным правилам или практическим нормам, не обращая внимания на здравый смысл, разумную меру или особые обстоятельства. В этом заключается общий смысл навязчивой ригидности. Кроме того, она имеет смысл в особом случае, относящемся к вопросам формирования мнений, – в случае догматизма. Ригидность, или догматизм, – это поведение, которое определяется весомыми внутренними требованиями – требованиями долга, ответственности или же приверженности определенным принципам или идеям, которые делают излишним продолжение обсуждения. По существу, если исходить из догматичных установок, отклонение от установленных принципов или, говоря иначе, собственное суждение может считаться проявлением слабости или даже дерзости.

Хорошо известно, что одержимо-навязчивые люди в том или ином отношении очень добросовестны, уделяют большое внимание моральным оценкам, праведному поведению там, где другие люди вообще не видят моральной проблемы, что обычно они бывают трудоголиками, что у них очень жесткие и строгие принципы – и так далее. Строгие моральные убеждения, почтительное отношение к высоким стандартам, максимальная самоотдача в работе – это не характерные признаки ригидного характера или любого другого вида психопатологии. И каждая из этих черт в отдельности, и все они, вместе взятые, могут быть вполне совместимы с независимостью суждения и гибкостью поведения. Специфика добросовестности навязчивой личности обусловлена вовсе не сущностью или достоинством ее ценностей, норм и целей. При всей важности ее ценностей, отношение к ним навязчивой личности не производит впечатления искренности, словно она не полностью их разделяет. Ее поведение не становится спонтанным откликом на них; напротив, такой человек постоянно о них себе напоминает и постоянно к ним придирается. Иными словами, это не просто ценности, принципы и цели, а нечто совершенно иное, то есть ценностями становятся обязанности и ответственность, которые налагает на себя навязчивая личность, и авторитет этих ценностей, по ее мнению, намного выше авторитета ее собственных ценностей, склонностей и суждений. Поэтому они получают статус норм и правил. Например, когда навязчивая личность напоминает себе о том, что должна посту-

пить правильно, красиво или великодушно, к этому поступку ее побуждает не доброта, не великодушие и не жажда справедливости, а чувство долга и необходимость соблюдать правила. Это чувство долга не изменяется при любом отношении такого человека к доброте и великодушию. Если его попросили дать 10 долларов, он их даст, но будет думать, что нужно было дать 15.

Его осознание такого долга и ответственности в той или иной мере является деспотическим, и напряжение, вызванное этим деспотизмом, порождает особый вид мотивации – мотивацию, связанную с поиском облегчения. Поэтому данная мотивация, в отличие от других, отражает не отношение между человеком и внешним миром, а отношение человека к самому себе. Такая мотивация вызывает действие, которое, в сущности, является не реакцией на открывающиеся внешние возможности, а определяется и управляется преимущественно внутренними требованиями. Это вынужденное действие.

Самое заметное субъективное проявление этого вида добросовестности, присущей одержимо-навязчивым людям, – императивное отношение «я должен». Конечно, сущность этого долженствования не всегда подробно раскрывается и совершенно необязательно ясна самому человеку. Он может сказать: «В эти выходные я должен покрасить забор», будто ссылаясь на некую объективную необходимость, или «Мне на самом деле очень хочется прочесть эту книгу!», как бы явно выражая твердое намерение, словно ему для этого придется преодолеть какое-то внешнее препятствие. Но в данном случае нет никакой вынужденной необходимости или внешнего препятствия. Выражение упорства, присущее таким заявлениям, их нацеленность на волевое решение проблемы (практически все они словно заканчиваются восклицательным знаком) фактически относится к самому говорящему и его внутреннему сопротивлению и нерешительности. Такой тон позволяет выяснить, что смысл и эмоциональное содержание подобных заявлений заключается в императиве «я должен!». Они напоминают самому человеку о его долге и выполняют роль указаний, предупреждений или упреков, с которыми главный обращается к подчиненному.

Таким образом, в императиве «я должен» обычно нужно лишь изменить местоимение первого лица на местоимение второго лица, чтобы получилось указание родителя ребенку. Так, молодая женщина указывает себе в отношении связи с мужчи-

ной, который ее не устраивает: «Я должна перестать с ним встречаться. В нем нет ничего хорошего!» – и так далее. И вместе с тем в той мере, в которой заявляющий становится объектом таких указаний, ощущение «я должен» является деспотичным.

Таким образом, одержимо-навязчивая личность живет с более или менее непрерывным ощущением своих обязанностей и своей ответственности, своих правил, принципов, норм и разных представлений, связанных с тем, что человек должен делать, кем должен стать, чем ему следует интересоваться и даже что он должен чувствовать. Эти не особенно неприятные долженствования и обязательства время от времени порождают обстоятельства. Это общие нормы и принципы, формирующие добросовестную волю и самоуправление определенного типа. И хотя полностью сформулировать их можно лишь время от времени, применять их можно практически постоянно: следует использовать любую возможность; следует быть зрелым и совершать зрелые поступки; никогда не следует искать легкий путь и так далее. Навязчивая личность не только постоянно напоминает себе об обязанностях, вытекающих из таких норм и правил. Вместе с тем она избегает действий, не связанных с такими нормами и правилами. Она постоянно соотносит решения и суждения с высшим авторитетом (будет ли это зрелым поступком?) или с нормой поведения некоего уважаемого лица (что в данных обстоятельствах тот человек мог бы сделать, подумать, почувствовать), чтобы сориентироваться, что нужно делать, думать и чувствовать. Иными словами, когда другие люди ищут возможности во внешнем мире, чтобы себе представить, что они хотят делать дальше, навязчивая личность спрашивает себя про свои нормы, принципы, модели поведения. Таким образом, отношение к внешнему миру, которое обычно содержится в мотивации и действии, существенно замещается отношением человека к самому себе. Автономное отношение к внешнему миру, которое отражается в нормальном мотивационном и волевом высказывании «я хочу», заменяется обязательным «я должен».

К тому же это значит, что одержимо-навязчивая личность отчуждается от многих своих реальных мотиваций и чувств, идентифицируясь с тем, что, по ее мнению, ей нужно делать, хотеть и чувствовать. Такой человек воображает, что ему интересно почитать что-то для самообразования, тогда как на самом деле он за-

интересован только в том, чтобы *прочесть* учебник. Исходя из своего определения зрелости, он считает, что является зрелым, хотя по сути только высокомерен.

РАБОТА, ЦЕЛЬ И САМОДИСЦИПЛИНА

Кроме всего, добросовестные люди много работают. Непрерывная работа или, во всяком случае, некая осознанная целенаправленная деятельность – это ключевой признак жизни, исполненной долга. Одержимо-навязчивая личность постоянно поглощена выполнением какой-то работы. Это главное испытание ее воли и ключевой фактор, влияющий на ее самоуважение.

Навязчивые люди постоянно стремятся закончить работу и получить результат, или, по крайней мере, этим обеспокоены. Они очень хорошо осознают цель или задачу, стоящую за любой деятельностью, и осознают ее результат. Они ценят деятельность только по ее результату; только результативная деятельность, которая может создать ощущение выполненной задачи, называется «что-то делать».

Нельзя сказать, что такие люди всегда заняты работой в обычном смысле слова, т.е. деятельностью или ее планированием. Фактически, работой для них *становится* вся жизнь. Чтение книги, слушание музыки превращаются в проекты целенаправленного самосовершенствования, которое соответственно измеряется и ценится. Сама жизнь становится работой, похожей на ведение бизнеса, с записями в уме о ее результативности и разного рода достижениях, отступлениях и скорости достижения прогресса. Часто эти люди ощущают давление времени и в голове имеют критическую черту или дату, например тридцатилетие, для определенного карьерного роста, достижения определенного уровня доходов и т.п.

Таким образом, навязчивая личность воспринимает многие ситуации в особом, двойственном отношении. Хорошо проведенные выходные – это вместе с тем успешное окончание недели; проведенный в одиночестве праздник – день не столько грустный, сколько потраченный впустую.

Такой вид целенаправленной деятельности мотивирован не просто интересом. Это деятельность, подчиненная сознанию дол-

га. Об этом свидетельствует ее напряженность, ее вынужденный стиль (*driven style*), и в какой-то мере основная сущность ее целей (например, акцент на результативности). Одержимо-навязчивая личность не признает (часто даже не узнает) актуальные для нее цели, которые появляются из простого интереса. Она не признает и действий, которые являются только процессом и не дают никакого результата или явного удовлетворения, особенно – немедленного удовлетворения. Например, смотреть телевизор, читать детектив (если, конечно, это делать просто так, а не со специальной целью получить отдых) или даже изучать химию только из интереса (а не с целью «что-то извлечь») такому человеку кажутся *бесцельным* занятием. Такое занятие он считает «потаканием самому себе» и «пустой тратой времени». Да и всю жизнь он считает пустой, пока «в ней что-то не сложится».

Иными словами, чтобы не казаться пустой, деятельность должна достигать целей, которые навязчивой личности кажутся выше ее интересов, желаний и личного удовольствия. Цели такого человека должны выходить за рамки личных интересов и их удовлетворения. Поэтому в дополнение к норме результативности действия и обычным, краткосрочным целям ставятся долговременные цели, позволяющие достигать совокупных, конечных результатов, более предпочтительных, чем промежуточные, труднее достижимых, более ценных по сравнению с легко достижимыми и т.д. Тогда как нормальные цели отражают интересы человека и служат их удовлетворению, у навязчивой личности все обстоит по-другому: она выполняет высшие требования, которые предъявляет цель. Такой человек обязательно соблюдает правила в продвижении по службе. Он должен иметь оправдание и своей деятельности, и своей работе. Он постоянно чувствует себя подотчетным, он относится к себе соответственно полученным результатам. Откровенно говоря, он заслуживает больше уважения за свои цели и результаты, чем сам по себе.

Правда, многие цели, обусловленные чувством долга, имеют свои истоки в подлинных интересах. Многие из них, быть может даже большинство, продолжают сохранять эти интересы. Но такие интересы не заслуживают внимания, если не выяснится, что они служат какой-то высшей цели.

Например, некоторые люди могут полагать, что, читая книгу, они повышают свой образовательный уровень, прежде чем по-

чувствуют, что получают от чтения удовольствие. Один мужчина, которому явно нравилось путешествовать, позволял себе отправиться в путешествие, только если при этом он мог организовать какой-то бизнес. Только так он мог избежать ощущения, что его путешествие – занятие легкомысленное и его время тратится впустую.

Режим исполненной долга работы и цели, возложенные на себя навязчивой личностью, являются деспотичными, но поскольку такой человек идентифицируется с этим порядком и считает эти цели своими, то он чувствует, что работа и достигнутые результаты дают ему право относиться к себе с уважением и ощущать свой личный авторитет. Человек видит и воспринимает себя успешным работником в роли врача, писателя, преуспевающего коммерсанта, считая себя успешным и полезным. Но такое условное самоуважение в лучшем случае ненадежно; потеря работы, неудача или даже успех, не соответствующий его ожиданиям, может вызвать депрессию и острое чувство собственной неполноценности.

Чтобы избежать таких неудач, одержимо-навязчивая личность часто преувеличивает роль силы воли и самодисциплины, которые порождают у нее иллюзию неограниченных возможностей. Такой человек преувеличивает степень, в которой он сделал себя таким, какой он есть. Он воображает, что может, а затем – что должен подняться над собой благодаря усилиям воли, самоконтролю, своим успехам (он не признает своего пренебрежения к тому, что он сам является содержанием своей установки) и что при достаточной самодисциплине он может управлять или должен уметь управлять даже своими чувствами и желаниями.

Так, некоторые люди, страдающие навязчивой одержимостью, обычно говорят, что «не позволяют» себе расстраиваться, разочаровываться или «идти на поводу» у своих чувств – то есть чувствовать.

Такое преувеличенное ощущение воли и возможности себя превзойти тоже ненадежно. Возникают случаи, когда такой человек расстраивается, если не чувствует себя в рабочем состоянии и не может себя в него привести, и переживание таких чувств – обычных человеческих чувств – может его встревожить, в дальнейшем вызвать серьезную озабоченность своей «слабостью» или

«неумением взять себя в руки»; и тогда может возникнуть циклическая реакция расстройства и тревожного ощущения.

Таким образом, идентификация одержимо-навязчивой личности с режимом исполненной долга работы и достижения цели изменяет субъективный смысл автономии: вместо состояния свободы, позволяющего удовлетворять свои желания и жить соответственно своим взглядам, – самодисциплина, самоконтроль, подчинение желаний своей воле. Получается, что такой человек живет в состоянии постоянного напряжения между волей и подспудными желаниями. Даже безобидные увлечения (например, телевизор) может противоречить высшей цели и самодисциплине и ощущаться как слабость или лень. Человек может вообразить, что если бы на время или навсегда отказался бы от самодисциплины и «пошел бы себе на уступки», то закончилась бы вся его деятельность и он превратился бы в лентяя, животное, алкоголика и даже хуже. Он не признает, что результативная деятельность и успех могут существовать не только благодаря сильной воле, но и благодаря сильному увлечению, как не признает возможности самоуважения, основанного не только на своих достижениях или на полученных им результатах, а на самом своем существовании.

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ И НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Установка на дисциплину и чувство долга и ригидная воля не соответствуют свободному выбору и принятию решений. Никакие усилия воли и никакое применение дисциплины не поможет сделать простейший выбор или принять чисто техническое решение. Дисциплинированные, ригидные люди, преисполненные чувства долга, готовы исполнять решения и делать это осознанно, но они не готовы *принимать* решения. И чем более ригидно-дисциплинированным оказывается человек – отчужденным от своих реальных чувств и желаний, – тем меньше он готов сделать выбор и тем больше он будет избегать этой возможности.

Одержимо-навязчивая личность может организовать свою жизнь так, чтобы снизить потребность делать выбор – в его повседневной жизни содержится максимум установившейся рутины, – но совсем избежать выбора нельзя. Обстоятельства и возникающие возможности внедряются в эту рутину повседневности и заставляют сделать выбор. В таком случае иногда возникает конфликт между тем, что человек хочет делать (независимо от того,

осознает он это или нет) и что, по его мнению, он должен или не должен делать.

Молодая женщина считает, что не должна выходить замуж за мужчину, который сделал ей предложение, так как он не отвечает некоторым объективным требованиям: возраст, уровень образования и т.п. Однако ей очень хочется выйти за него замуж (это ясно внешнему наблюдателю, если не ей самой). Она думает, что ей следует ответить отказом на его предложение, но не может заставить себя это сделать; она хочет сказать да, но не рискует это сделать.

Но самые яркие и, наверное, самые общие примеры связаны с тем, что нужно сделать выбор – часто вполне тривиальный с точки зрения его последствий, – но этот выбор просто находится в другой плоскости по отношению к противопоставлению «должен» – «не должен». Например, вопросы: пойти или не пойти в кино или что выбрать в меню – нелегко отнести к установленным правилам и моральным нормам; еще сложнее их поставить с помощью таких правил и норм. Они относятся к области вкуса или предпочтения, и дело явно не в том, что человек должен делать, а в том, что он хочет делать. Именно в таких случаях навязчивая личность может в отчаянии сказать: «Но я не знаю, что хочу делать!»

Во всех этих случаях есть одна и та же проблема. Дело не только в том, что навязчивая личность сталкивается с обстоятельствами, к которым она оказывается совершенно неприспособленной, отчужденная от своих чувств, ценностей и желаний. Скорее, дело в том, что она сталкивается с обстоятельствами, в которых такое отчуждение становится особенно трудно поддерживать. Ее преисполненная долга установка не может удовлетворять требованиям, присущим особым обстоятельствам, и человек вынужден принимать другую, совершенно несвойственную ему установку, с более непосредственным отношением к внешнему миру, – т.е. эти обстоятельства заставляют его действовать на основе его собственных чувств и силы своего авторитета. Выражаясь еще точнее, навязчивая личность не обязательно вынуждена принимать другую установку; ее можно лишь заставить принять специальные меры, чтобы этого избежать.

В таких обстоятельствах одержимо-навязчивая личность продолжает заниматься поисками авторитетного ответа – то есть

ответа, который точно объяснит человеку, что *ему нужно делать*, а потому он пытается так переформулировать проблему, чтобы получить такой ответ. Таким образом, человек может попытаться представить проблему индивидуального выбора как объективную, техническую проблему, имеющую объективное, правильное решение. В надежде прийти к объективному, а значит, к авторитетному ответу, он постарается добавить в эту проблему все «за» и «против» решения, не допускающего количественного подхода, например, стоит или не стоит выходить замуж за конкретного человека. Он попытается найти фундаментальную основу или высшую цель, на базе которой сможет сконструировать ту или иную альтернативу в качестве правильного подхода или решения. Он будет крайне доволен, если проблему выбора меню можно будет решить на основе принципа сохранения здоровья или экономии или если проблему посещения концерта можно будет решить в соответствии с принципом, что нельзя же пропустить такую уникальную возможность.

Иногда одержимо-навязчивая личность, в особенности если она посещает психотерапевта, провозглашает правило: человек *должен делать* лишь то, что «действительно» хочет. Он может попытаться узнать, что он «действительно» хочет, путем самопознания. (Но любой нормальный человек узнает, что он хочет делать, не заглядывая в себя, а рассматривая реальные возможности, которые открываются во внешнем мире.)

Такие усилия человека, направленные на то, чтобы узнать, что он «действительно» хочет делать, часто оказываются бесплодными; и чем добросовестней человек, тем более вероятен такой результат. Он может не найти убедительного основания или объективного решения или же обнаружит принцип, который убеждает его лишь отчасти, то есть будут присутствовать аргументы с той и другой стороны. Когда, несмотря на все свои усилия найти объективный и авторитетный способ определить, что она «действительно» хочет делать, навязчивая личность чувствует, что склоняется поступить так или иначе, не имея авторитетного решения, она, вероятно, почувствует тревогу. Тогда такой человек может уйти от появляющегося решения, ибо оно заставляет его усомниться в своем авторитете, и подвергнуть это решение более пристальному и еще более добросовестному изучению: «Правиль-

но ли будет так поступить?», «Нужно ли мне это сделать?», «Хочу ли я этого на самом деле?». Этот тревожный, критический взгляд, порожденный переживанием ситуации выбора, может дать противоположный эффект и привести к принятию альтернативного решения, в свою очередь вызвав повторение процесса выбора из-за критического взгляда, альтернативного начальному. Такой человек не может найти удовлетворяющее его правило, но не может и избежать своей добросовестности. Так, например, ему не удастся легче принимать решение; объективные последствия такого решения могут быть очень простыми, но сама установка сделать индивидуальный выбор ощущается как проявление отваги. Эта мучительная педантичность в момент выбора называется «навязчивой нерешительностью».

БЕСПОКОЙСТВО, НАВЯЗЧИВЫЕ МЫСЛИ И РИТУАЛ

Не приходится сомневаться, что напряженная, целенаправленная деятельность и работа одержимо-навязчивых людей приводит к многим объективно ценным результатам. Конечно, иногда от их ригидности и чрезмерной добросовестности результат может страдать – например, слишком много редакторской правки для популярного фильма, – но, по крайней мере, вполне возможно, что результат окажется полезным. Однако есть некоторые разновидности навязчивых действий, в каком-то смысле, работы, где объективного результата вообще нет. Одержимость беспокойством и разными мыслями не имеет никаких объективных результатов. У навязчивого ритуального действия есть объективный результат, но он не имеет производственной ценности. Вместе с тем все это представляет собой преисполненную долга или добросовестную деятельность и мотивируется и формируется процессами и установками, похожими на общие установки, которые вообще вызывают навязчивые действия.

Наличие проблемы, неопределенности, случайности или ошибки серьезно налагает на добросовестного человека ответственность, побуждающую его с этим что-то сделать. Иными словами, осознание того, что что-то делается не так, как следует, или что-то оставлено без внимания, заставляет его вносить коррективы или проявлять предусмотрительность. Человек с исключительным чувством долга чувствует на себе такую ответственность при

любой, даже при самой ничтожной возможности подобных событий. Он добросовестно ищет малейший шанс появления проблемы или неприятности и всегда больше думает о том, что уделяет ей слишком мало, а не слишком много внимания. Если возможность появления неприятности мала, он досконально проверяет эту ничтожную возможность, и исходя из нее продолжает заниматься поисками дальнейших возможностей. Каждый физический симптом может свидетельствовать о наличии раковой опухоли или сердечного приступа, каждая неудача в бизнесе может стать началом конца, каждый школьный экзамен – провалом, а каждый несданный экзамен вызывать тяжелые последствия. Короче говоря, такой человек всегда предполагает худшее.

К тому же человек, испытывающий такое – одержимое – беспокойство, не обязательно вносит коррективы или проявляет предусмотрительность, по крайней мере – в обычном смысле этого слова. Конечно, он может быть обеспокоен происходящим, например недавно проваленным экзаменом, когда постфактум ситуацию исправить уже невозможно. Но даже там, где вполне можно действовать, это не в его правилах. Мужчина, одержимый тревогой относительно возможной раковой опухоли, ни в коем случае не пойдет к врачу. Женщина, встревоженная возможной потерей работы («Они меня доконают! Я точно знаю!»), далеко не всегда готова заниматься поисками новой работы. В таких случаях побуждение к действию не совпадает с внешним напряженным беспокойством. Иными словами, беспокойство – это нечто вынужденное и чем-то вызванное, и обеспокоенный человек по-настоящему не убежден в необходимости действовать. Человек до конца не уверен в беде, которая вызывает у него беспокойство. Если бы он был уверен, то вел бы себя совсем иначе.

Он до конца не верит в возможность несчастья; но, обладая особой добросовестностью, не может совсем отбросить эту возможность или отнестись к ней легче. Он чувствует, что к этой возможности он *должен* отнестись серьезно, с достаточным вниманием или тревогой, и предполагать худшее. Любая другая установка кажется ему беззаботной и безответственной, своим безразличием зазывая к себе беду, по выражению одного человека, – значит «жить в раю для дураков». Отсюда и преувеличенное внимание к такому беспокойству, и эмоциональный, вынужденный стиль его выражения («Они меня доконают!», или «У меня несчастье!», или «Наверное, это рак!»). Это псевдодействия, ритуальная подмена

реальных мер предосторожности в связи с возможным несчастьем; обеспокоенный человек должен постоянно себе напоминать о возможности такого несчастья, постоянно о нем думать и уделять ему почтительное и пристальное внимание.

Поскольку такое беспокойство фактически оказывается обязательным и вынужденным и не отражает ни подлинной оценки происходящего, ни уровня обеспокоенности им, то по своему качеству оно является формальным и ритуальным: например, оно все время повторяется.

Один мужчина находит у себя болячку в полости рта и говорит жене: «Наверное, она злокачественная! Как ты думаешь?» Та ему напоминает, что у него и раньше были похожие болячки, в которых с медицинской точки зрения не было ничего серьезного, и тогда мужчина чувствует себя лучше. Проходит полчаса, и он снова обращается к жене: «И все-таки это может быть рак! Как ты считаешь?» Он повторяет это много раз, забывает, вспоминает и снова воспроизводит ту же мысль в тех же словах.

Если такое понимание правильно, в одержимости беспокойством ригидная, преисполненная долга, навязчивая воля проявляется ничуть не меньше, чем в общем при навязчивой работе и целенаправленной деятельности. Я понимаю, что кажется странным считать проявление беспокойства преднамеренным и даже ригидно-обязательным. Более вероятно, что человек, одержимый беспокойством, в той мере, в которой он признает эту тенденцию, считает его расстройством, которое, будучи совершенно непреднамеренным, существует против его воли и вопреки его желанию успокоиться. Конечно, как тенденция это беспокойство несомненно является расстройством и отражением общей психологической картины, которую действительно никто не выбирал и не создавал. Но навязчивая личность не может пренебречь именно природой этого расстройства, чтобы думать о любой возможности беды или болезни, не испытывая мучительного чувства безответственности и безразличия. Несомненно, такое беспокойство может слишком подавлять, как бремя любого долга. Но деспотичное переживание беспокойства, как нагрузка и напряжение, присущие навязчиво вынуждаемой работе (*compulsively driven work*), само является воздействием обязывающей и принуждающей воли. Испытывая это

воздействие, человек заставляет себя снова и снова представлять худшее, не пытаясь от него уклониться, а перебирать до изнеможения все возможные варианты. По существу, можно сказать, что беспокойство одних людей может быть столь же вынужденным (*driven*) и обязательным, как работа других.

В одном важном аспекте, который прямо влияет на субъективное ощущение человеком беспокойства, оно отличается даже от безжалостно вынужденной работы. В случае работы навязчивое добросовестное ущемление и подавление себя в конечном счете служит продуктивной деятельности и в какой-то мере оправдывается ею. В дальнейшем такая тяжкая ответственность за окончание работы в той или иной мере растворяется под воздействием подлинного интереса к работе или по ее завершении. С другой стороны, в случае беспокойства цель и конечный результат такого принуждения по существу заключаются именно в том, чтобы вызвать состояние страдания у самого обеспокоенного человека.

Другое ощущение навязчивости (или одержимости), тесно связанное с беспокойством, но встречающееся реже, – это навязчивое мышление. Например, у некоторых людей, находящихся на большой высоте, иногда возникает навязчивая мысль о том, чтобы спрыгнуть вниз, вызывающая у них сильный дискомфорт, а иногда вселяющая ужас. Такие мысли не только периодически повторяются, зачастую под воздействием самых обычных обстоятельств, но и, однажды появившись, уже не могут исчезнуть и должны постоянно возвращаться. Например, они могут включать в себя мысли о потере самоконтроля и желании совершить над собой насильственные или неадекватные действия, – как, например, то, о котором сказано выше. Могут появляться и другие мысли: прыгнуть на рельсы перед идущим поездом, отрезать собственный пенис, совершить насильственные действия по отношению к другим людям, особенно по отношению к любимому или беспомощному человеку, например к ребенку. Или же человеку приходит в голову мысль совершить какое-то импульсивное действие – менее ужасное, зато крайне эксцентричное и шокирующее: выкрикнуть нецензурную брань, вызвать у себя рвоту или начать вульгарные сексуальные заигрывания. Есть и много других, более распространенных и менее драматичных видов навязчивых мыслей, связанных, например, с горькими сожалениями и воспоминаниями о важных событиях в прошлом, особенно о совершенных ошибках

(«Наверное, я не должен был...»), или мыслей о смертельном заболевании. Некоторые такие мысли очень напоминают общее беспокойство, за исключением того что они более обособлены и фиксированы и спустя много лет продолжают периодически появляться в том же виде.

Относительно их содержания можно сказать следующее: подобные мысли крайне неприятны и вызывают сильный страх или дискомфорт. Именно этот дискомфорт не позволяет понять этот явный присущий им жгучий интерес. По существу, невозможно избежать впечатления, что именно этот дискомфорт, который вызывают эти мысли, делают их столь неотвязными. Это замечание в какой-то мере подтверждается некоторыми навязчивыми мыслями об импульсивных действиях. В такой навязчивости может содержаться идея, что импульсивный поступок, – например, прыжок с балкона, – на самом деле может постепенно вызвать или резко «включить» сама мысль о прыжке. И, видимо, эта самая идея побуждает одержимую личность и дальше следовать этой мысли, словно человек одержим побуждением проверить на прочность толщину речного льда – и соответственно испытать свою безопасность.

Неоднозначность или, скорее, двойственность субъективного ощущения, которое в общем характеризует одержимо-навязчивую деятельность, особенно характерна в случае навязчивого мышления. С одной стороны, у человека появляется такое чувство, словно эти мысли ему навязаны извне и он не может их от себя отогнать: такое ощущение кажется ему не только неподконтрольным и нежелательным, а даже принудительным. С другой стороны, становится ясно, что, если однажды человеку приходит в голову хотя бы фрагмент такой мысли, он заставляет себя полностью ее отыгрывать, вплоть до полного изнеможения, он «дожимает» ее до предела. При описании этого процесса можно лишь сказать, что чувствует себя *обязанным* заставить себя продумать эту мысль до конца. Конечно, ощущение в такой форме ригидно-обязательной установки и силы воли является особенно острым.

Этот процесс поражает, например, в случае одержимостью сожалениями. Мужчине, страдающему одержимостью, вполне достаточно самого отдаленного напоминания – имени, даты – о женщине, на которой, как он думает, ему (наверное) следовало бы жениться, чтобы заставить его вспоминать, что он сделал что-то не так, обдумывать плачевные последствия своих действий, и что

получилось бы, поступи он иначе, и так далее. Такой взгляд на прошлое сопровождается мучительной добросовестностью: одержимая личность оглядывается назад, чтобы лишний раз удостовериться, что она полностью оценивает последствия своей ошибки; иными словами, она не позволяет себе отнестись к ней слишком легко. Следовательно, в таких случаях ошибка всегда преувеличивается; она всегда оказывается грубой и непростительной; возможность, упущенная много лет назад, всегда оказывается «единственной в жизни».

Мысли человека отражают его интересы – не только его желания и мотивации, но и его тревоги и волнения. Он может не осознавать этих интересов и волнений, но они все равно будут отражаться в мыслях, вызванных у него окружающей ситуацией и даже случайными обстоятельствами. Одержимо-добросовестная личность постоянно обеспокоена тем, что она не должна делать или не должна была делать, не должна чувствовать или думать. В этом смысле у такого человека никогда не выходят из головы самые разные мысли о недопустимых поступках и непомерные фантазии-фантомы (*specter*) об их последствиях. В этих фантомных фантазиях содержатся навязчивые мысли о «потере контроля» наряду с мыслями о шокирующих, насильственных и опасных действиях и мыслями о непоправимой ошибке. Как и все навязчивое беспокойство, эти непомерные фантазии-фантомы порождаются навязчивой добросовестностью.

Такое предчувствие впервые может появиться в то время, когда человек испытывает особое беспокойство или чувство вины. Женщину средних лет, которая недавно развелась, стали мучить навязчивые «приступы рвоты», а также мысли о том, что она в любое время может «потерять над собой контроль». Эта одержимость развилась вскоре после нескольких сексуальных связей и появления беспокойства, что она «становится неразборчивой» в них.

Иногда подобная одержимость фантазией-фантомом приводит к появлению другого такого фантома. Например, напряженный, встревоженный молодой человек, студент одной из развивающихся стран, стал одержим идеей, что мог заразиться скверным кожным заболеванием после встречи с человеком, страдавшим этой болезнью. Поскольку навязчивые мысли продолжались, они вызвали тревогу, что у него

возникли столь «сумасшедшие мысли», и он стал одержим мыслью, что должен «сойти с ума», с позором вернуться домой и т.д.

У многих людей, страдающих одержимостью, уже одно напоминание об ошибке автоматически вызывает новую одержимость сожалениями. Или уже сама ситуация, которая потенциально может стать опасной, если не соблюдать меры предосторожности, – например, находиться в метро на краю платформы, – постоянно вызывает фантазию-фантом о «потере контроля» и желании спрыгнуть вниз.

Как только появляется такая фантазия-фантом, она становится объектом обязывающего беспокойства. При напоминании об этой фантазии человек должен воспроизводить ее в своем воображении и создавать ее снова. Этот процесс называется одержимостью.

Беспокойные, навязчивые мысли и доводящие до изнеможения предположения худшего часто вызывают ощущение крайнего дискомфорта, но ригидный, исполненный долга человек не терпит альтернатив. Его установка является болезненной и даже мучительной, насколько может быть добросовестная установка. С его точки зрения не обращать внимания на потерю самоконтроля – значит отказаться от самоконтроля; не обращать внимания на то, что может быть сделано плохо, – значит сделать плохо; не обращать внимания на любой возможный источник тревоги – не оглядываться назад, не беспокоиться обо всем вокруг и не думать о том, что *должно* вызывать беспокойство и о чем *нужно* думать, – значит быть непредусмотрительным и безответственным человеком. Значит, он создает фантазию-фантом, которая кажется искусственной даже ему самому.

Навязчивый ритуал может быть столь внешне странным и так потрясти наблюдателя своей бесцельностью, что легко упустить из виду его связь с общей тенденцией ригидной, но продуктивной навязчивой деятельности. Но хорошо известно, что все ригидное, преисполненное долга поведение с какого-то момента становится ритуальным. В той мере, что любое действие осуществляется, только чтобы удовлетворять правилам или велениям долга (например, необходимость проявлять великодушие, вести себя правильно, доводить дело до конца и соблюдать чистоту), оно может быть не только ригидным, но и ритуальным. Иными словами, оно имеет тенден-

цию удовлетворять этим формальным требованиям только формально, технически и ритуально. Совершенно ясно, что фактически самый обычный вид ригидного преисполненного долга поведения (искусственная привлекательность некоторых навязчивых людей, их активная заботливость, «слишком» корректное поведение и, конечно, их аккуратность и пристрастие к порядку) имеет тенденцию к формализму и ритуальности.

Ритуальное действие совершенно отличается от регулярного действия. Ему не хватает именно того, что можно было бы считать главным смыслом действия – цели действия для достижения определенных объективных изменений. Его цель заключается не в изменении отношения человека к окружающему миру тем или иным приемлемым для него способом. Оно нацелено на изменение отношения человека к самому себе, на достижение им состояния умиротворенности, только через сам процесс совершения действия. Если существуют объективные результаты такого воздействия – перемещение ложки с одного места на другое, мытье рук и т.д., то они лишь означают, что необходимое действие было выполнено; сами по себе они не имеют никакого значения.

Таким образом, навязчивый ритуал – это особый вид ригидного действия, преисполненного долга, в котором чисто формальные требования необходимости полностью заменили интерес к внешним целям. Это приводит к двум последствиям: обязательность исполнения ритуала ощущается более остро, чем обычного действия, преисполненного долга (человек ощущает себя «вынужденным» его совершить), хотя вместе с тем у ритуального действия нет обычных причин, а потому стороннему наблюдателю оно кажется бессмысленным. Природа этой обязательной деятельности соответствует природе навязчивой исполнительности и ответственности: как правило, ритуал состоит из крайне добросовестных корректирующих действий и мер предосторожности, словно их исполнение позволило бы человеку избежать какого-то несчастья. Иными словами, ритуал обычно состоит из особых, чрезмерно добросовестных корректирующих или предупреждающих процедур, вызванных особым, чрезмерно добросовестным беспокойством. Так, он может состоять из еще более преисполненного долга или ответственности действий, вызванных обеспокоенностью навязчивой личности тем, что она нерегулярно выполняет свои обязательства или не слишком добросовестно исполняет свой долг, – например, когда человек несколько раз подряд вклю-

чает и выключает газ на плите. Форма ритуала – чрезмерная заботливость, точность, повторяемость – соответствует его добросовестным целям. Проверить несколько раз, зажжен ли на плите газ, расставить посуду для обеда, а затем ее убрать, применяя одну и ту же строго выверенную последовательность действий, – такие действия отражают установку ответственного внимания, которая поддерживается чрезвычайно долго.

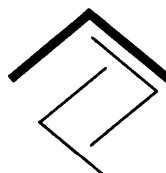
Сказать, что такие предосторожности и корректировки чрезмерно добросовестны или что они ощущаются как обязанность, – значит сказать, что их истинное побуждение *в действительности* обусловлено не предосторожностью и внесением корректив, а только в обязательном исполнении *ритуала* предосторожности или коррекции. Иными словами, они не мотивированы тревожностью, вызванной возможностью какого-то несчастья. Наоборот, и фантазия-фантом о возможном несчастье, и предусмотрительное и корректирующее ритуальное действие – это результаты истощающей одержимости добросовестностью, которая сначала порождает фантазию-фантом, а затем требует действий, чтобы ее устранить. Таким образом, ритуальная предусмотрительность и ритуальные коррективы – это распространение навязчивого беспокойства, которое может вызвать последующее навязчивое беспокойство. Таким образом, замысловатые ритуалы могут формироваться из последовательного повторения навязчивого беспокойства и исполненной долга предусмотрительности и корректировки. Каждое обязательное действие уже само по себе является объектом пристального внимания и обеспокоенности; каждая корректива становится вызовом добросовестности и поводом внесения последующих корректив; каждая мера предосторожности тщательно проверяется в поисках недостатков, требующих принятия дальнейших мер предосторожности. Прикосновение к крану, чтобы выключить воду, только что вымытыми руками снова увеличивает возможность их испачкать, а значит необходимость снова их мыть. Как и в самом общем случае навязчивых действий, это беспокойство и повторение процедуры вызываются вынужденной (*driven*) добросовестностью, которую нельзя удовлетворить надолго, которая никак не позволяет окончательно удовлетворить свои требования и получить любое длительное ощущение облегчения, а тем более, удовольствия.

В этом смысле навязчивое беспокойство может постепенно становиться все более технически отлаженным и предусмотрен-

ным, или же процедура коррекции возможной ошибки может стать все более сложной или будет иметь тенденцию к усложнению. В конечном счете такие действия в целях экономии могут быть технически пересмотрены и сокращены в заранее предписанную последовательность шаблонных действий. Таким образом, ритуалы часто включают в себя совершение некоего действия предписанное число раз, чтобы избежать угрозы бесконечного возрастания усложнений.

Одна женщина совершала ритуальную вечернюю молитву, заканчивая которую она просила Бога благословить все больше и больше людей, а потом – и целые группы людей. Встревоженная тем, что может пропустить какого-то человека, который должен быть включен в список, она решила сэкономить время и усилия, попросив Бога благословить всех, кто этого заслуживает, тем самым возложив ответственность за выбор на самого Бога.

Можно с уверенностью сказать, что некоторые навязчивые ритуалы, особенно те, которые уже прочно установились, исполняются как чисто обязательные действия, без осознания особой предосторожности или корректирующего беспокойства, в отличие от особого внимания к правильному исполнению самого ритуала. Иначе говоря, исполнение навязчивой личностью ритуала в чем-то похоже на выполнение обязанностей исполнительным техником, штатным военнослужащим или приверженцем религиозного культа, то есть делается очень старательно, но не проявляет при этом ни понимания, ни интереса к смыслу совершаемых ими действий и к их последствиям. Несомненно, навязчивый ритуал вызывает особенно сильное ощущение принуждения, особенно если он начинает отнимать много времени и причинять хлопоты, ибо он ничем не похож на объективную цель. И даже в этом случае такой ритуал отражает с ясностью, присущей крайним случаям, общую природу установки исполненной долга и вызванного ею ригидного поведения. Она не слишком отличается от установки офицера вооруженных сил, обязанного беспрекословно исполнять устав и подчиняться приказам, или ортодоксального приверженца религиозного культа, для которого любое незначительное отклонение от установленной процедуры – это, по существу, непростительная подмена авторитета церкви собственным авторитетом.

Садизм и мазохизм: общие тенденции

Я буду рассматривать садизм и мазохизм как с точки зрения проявления сексуального интереса и получения удовлетворения в проявлении жесткости, особенно при жестком доминировании и подчинении, так и с точки зрения их общих тенденций, особенно в межличностных отношениях. В этой главе и следующей главе, преимущественно посвященной сексуальному садизму и мазохизму, мы обсудим с двух разных точек зрения природу проявления особого психологического интереса к жестокости. Первая из них – в нашем обществе это точка зрения в основном мужчины, который подвергает страданиям других людей. Вторая – точка зрения преимущественно женщины, которая, видимо, больше заставляет страдать себя или для которой, по крайней мере, страдания стали привычными и добровольными.

Как эта тема связана с ригидной личностью и проблемой автономии? Пока я хочу только предположить, что такая особая жестокость включает в себя принудительные отношения или отношения между высшей и низшей фигурой: унижение и оскорбление одного человека другим; применение волевого давления одним человеком и подчинение этому давлению другого – или, по крайней мере, фантазии о таких отношениях. Заинтересованность в подобных отношениях в какой-то мере присуща всем видам ригидной личности.

В психоанализе была давно установлена клиническая связь между садизмом и разными чертами и симптомами ригидного характера – или анального характера, – в особенности между отдельными чертами навязчивости и симптомами одержимости⁵⁶. Эта клиническая связь породила концепцию особой анальной са-

---

⁵⁶ См.: Sigmund Freud, «The Predisposition to Obsessional Neurosis» (1913), *Collected Papers*, vol. II (London, Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis, 1949), p. 122–132.

дистской стадии развития, которой присущи агрессивные (садистские) склонности и импульсы, свойственные развитию контроля за деятельностью кишечника и стадии активизации анального эротического влечения. Данная концепция предлагала объяснение, в соответствии с которым некоторые черты и симптомы как навязчивости, так и одержимости следовало считать защитными реактивными образованиями от садистских импульсов, а в общем – таким же защитным образованием следовало считать и навязчивую добросовестность. В дальнейшем в агрессивной преднамеренности садизма или в утверждении его власти через унижение его жертвы совсем нетрудно увидеть цели и способы их достижения, которые могут иметь своим источником импульсы, присущие анальной садистской стадии. Тем не менее остается факт: идентификация актуального состояния с историческим источником – или, что особенно важно, идентификация патологии автономии с некоторыми ее рудиментарными предвестниками – упрощает и искажает картину этого актуального состояния. Просто основа, на которой строятся сложные цели и формы садизма, оказывается очень узкой, а еще уже – у мазохизма. К ней невозможно свести такие импульсы и тем более объяснить их с ее помощью; такое поведение – следствие общей психодинамической структуры.

САДИЗМ

Как я уже говорил, цели садизма заключаются не только в том, чтобы заставить жертву страдать, а особенно в том, чтобы ее оскорбить и унижить, заставить ее почувствовать себя бессильной и беспомощной, «поставить ее на место» или показать ей, «кто в доме хозяин». В самом легком случае садист хочет заставить свою жертву почувствовать себя ничтожной и нелепой; в самом серьезном случае – учинить над человеком такое насилие, чтобы растоптать его самоуважение, сломать его волю и заставить его покориться. Таковы его особые агрессивные цели, которые совсем не похожи на деструктивность, как полагает Фромм⁵⁷. Для Фромма (который видоизменяет фрейдовское понятие анального характера, называя его «накопительным характером», и отри-

---

⁵⁷ Erich Fromm, «The Anatomy of Human Destructiveness» (New York, Fawlett, 1973). (См. также: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – *Примеч. пер.*)

цает его зависимость от инстинктивного развития) сущность садизма – это «страсть к обретению полного и неограниченного контроля над другим человеком»⁵⁸. Ощущение такого контроля или управления – это ощущение власти; она превращает «бессилие в ощущение всемогущества»⁵⁹. По мнению Фромма, такая «психологическая ориентация» проявляется и как «авторитарная личность», то есть такой человек выше всего ставит силу и власть, ненавидит слабость и беспомощность, подавляет тех, кто находится ниже него и ему подчиняется, и хочет «слиться» с теми, кто сильнее его⁶⁰.

Этот взгляд объясняет многие аспекты садизма. Например, важно, что садистская личность регулярно выбирает себе жертву среди своих подчиненных, относительно беспомощных людей, которыми она может управлять. Вполне правдоподобно, что такая заинтересованность в управлении или в «дисциплине» другого человека – это в каком-то виде распространение вовне заинтересованности ригидного характера в самоуправлении и самодисциплине и что таким образом он укрепляет и усиливает ощущение своего авторитета, силы и воли. Каждый, кто имел дело с ригидной личностью, очень хорошо знает, что ее непреклонная и дисциплинированная целеустремленность часто заставляет склоняться перед ней окружающих. Можно сказать, что точка, в которой такое *намерение* заставить других согнуться превращается в *заинтересованность* в том, чтобы другие согнулись, является граничной при переходе от упрямства к садизму, а клинический опыт говорит о том, что такой переход – обычное явление, которое легко совершается. Вместе с тем между этими двумя установками есть важные различия, которые расплываются при попытке соединить их в одну. Есть аспекты садизма, жестокости, которые, на мой взгляд, вряд ли возможно правдоподобно объяснить любой степенью заинтересованности и даже стремления одного человека управлять другим. Агрессивная удовлетворенность – удовлетворение именно страданиями другого, может быть, даже ненавистного человека, – это существенная и неотъемлемая часть садизма.

---

⁵⁸ Ibid., p. 322ff.

⁵⁹ Ibid., p. 323.

⁶⁰ Erich Fromm, «Escape from Freedom» (New York, Rinehart, 1941). (См. также: Фромм Э. Бегство от свободы. – М, 1993. – *Примеч. пер.*)

Я уже ссылался на то, что мишенью для садистской личности становится относительно беспомощный, а главное – подчиненный ей человек, которого садист считает слабым или себе подвластным. Садизм можно увидеть в поведении сержанта в отношении к новобранцу, в отношении начальника к подчиненным, в отношении мужа к жене, в отношении взрослого к ребенку. Даже в некоторых совершенно исключительных случаях, как, например, в проявлении садистской жестокости детей к учителю жертвой может стать тот учитель, который кажется более беспомощным и более слабым по сравнению с другими учителями. Это не просто вопрос безопасности или доступности таких мишеней для садиста; эти люди возбуждают садистский интерес. Иначе говоря, сущность садизма заключается в том, чтобы причинить страдания относительно беспомощному или «подвластному» человеку, а также продлить мучения уже страдающего человека. Агрессия по отношению к человеку, который может себя защитить, – это, по мнению Фромма, совершенно иной феномен, который отражает совершенно иные побуждения и интересы⁶¹. Установка, порождающая садизм, – это установка соперничества более сильного с более слабым. По существу, садизм – это специфическое выражение такого соперничества.

В свете психологии ригидного характера совсем нетрудно понять существование таких установок и отношений. Ригидные личности ко всему всегда подходят с собственной меркой, и многие из них живут с осознанием самомнения, своих выдающихся успехов и достижений, статуса и авторитета, своего членства в какой-нибудь партии, группе, клубе или принадлежности к какой-нибудь особой и престижной группе или категории. В таком виде осознания уровня своей «кондиционности» и озабоченности ее измерением всегда содержится сравнение с «кондиционностью» других и осознание того, какие люди находятся выше, а какие ниже относительно этого уровня, а также того, что, например, люди более низкого социального статуса или менее успешные относятся к более низкой «кондиции». Чрезмерное уважение к одним людям сочетается с презрительным отношением к другим. Иногда это презрение выражено в сравнительно мягкой форме или, по крайней мере, остается относительно незаметным, как, например, установка покровительства, которая при данной психоло-

---

⁶¹ Fromm, «Human Destructiveness» (см. подробно в примеч. 54), p. 325.

гической декорации присуща многим «сильным» мужчинам по отношению к женщинам.

Вместе с тем, иногда бывает, что ригидная личность обладает некой реальной властью вне рамок осознания высшего и низшего статуса, и тогда она становится поборником строгой дисциплины. Такому человеку присуще завышенное ощущение его личной власти, а значит, он является авторитарным и догматичным. Вполне возможно, что его нормы и общая тенденция его установок консервативны и вполне приемлемы, ибо они во многом основаны на его уважении к существующей власти. Эти люди уверены, что такое уважение к власти, дисциплине, подчинению и, может быть, даже к принуждению является необходимым и важным в отношениях между главным и подчиненным, родителем и ребенком, учителем и учеником. Оно необходимо для правильного обучения, для поддержания порядка и существующих норм, для развития личности⁶² и выполнения своих обязанностей.

Все сказанное выше не обязательно относится к садизму, но имеет с ним определенное родство. Мы знаем, что садизм постоянно ассоциируется с педагогическими, моральными, дисциплинарными или исправительными целями и оправдывается ими, что садистское поведение часто применяется, чтобы научить ребенка, преступника, подчиненного, новобранца уважению к власти и «правильным» ценностям и нормам. Садизм связан с такими целями и может легко быть в них «обернут», так как является результатом такого же образа мышления, который порождает эти цели, или, по крайней мере, результатом образа мышления, возникшего в условиях особого напряжения.

Если уже существующее чрезмерное и смутное ощущение ригидной личностью своей власти еще больше уязвлено ее чувством покорности, стыда и унижения, она может перейти в защиту, а ее установки становятся более жесткими и агрессивными. У такого человека возникает острое осознание своего уровня и статуса и уровня и статуса окружающих. Он становится более ригидно-авторитарным, иногда – надменным и высокомерным и более мстительным; а его установка по отношению к подчиненным или

---

⁶² Прекрасным примером таких взглядов является случай доктора Шребера, авторитетного в области воспитания детей в XIX веке, отца паранойяльного шизофреника Даниэля Пауля Шребера, личность которого послужила материалом для исследования паранойи Фрейдом (см. гл. 7).

к людям, которых он считает своими подчиненными, слабыми или недисциплинированными, становится откровенно презрительной⁶³. Такими людьми для ригидной личности могут быть в основном женщины и даже «женоподобные» мужчины, воплощающие в себе все то, чего ригидная личность стыдится и, защищаясь, отвергает и отрицает, а следовательно – ненавидит. Ригидный человек считает их недостойными уважения. Они испытывают к нему отвращение, иногда он вызывает у них возмущение, вплоть до навязчивости; и если ригидная личность в силу своего положения обладает реальной властью, она может захотеть им отомстить и наказать их. Именно такое презрительное наказание слабости или подчиненности, а в особенности – нераскаявшейся покорности, недисциплинированности и непочтительности мы называем садизмом⁶⁴.

Такое наказание является гораздо более агрессивным и раздражает гораздо сильнее, чем стремление к абсолютному контролю, о котором говорит Фромм. Но вместе с тем оно гораздо более специфическое и по форме, и по своим целям, по сравнению с проявлением обычной «агрессии». Форма такого наказания отражает его истинную природу: наказывать «слабость» «дисциплиной», заставлять подчиненных испытывать стыд и осознавать свое положение, унижая и обесценивая их, показывая, «кто в доме хозяин», «давая им урок» отношения к власти, заставляя их ей подчиняться, – все это иногда смешивалось с реальной заинтересованностью в нравовании жертвы, иногда – с рационализацией такой заинтересованности, иногда – с сознательным чувством гнева, что жертва этого заслуживает.

Военной организации всегда присуща авторитарность, поэтому нет ничего удивительного в том, что именно здесь можно найти чрезвычайно яркие примеры проявления садизма. Например,

---

⁶³ В обсуждении Фромма садизма Генриха Гимmlера есть ироничный пример откровенно-насмешливого презрения, выраженного в установке немецкого генерала Хайнца Гудериана к Гимmlеру: «Этот ничем не примечательный человек, имеющий все признаки расовой неполноценности...» («Human Destructiveness» [см. подробно в примеч. 57], р. 335).

⁶⁴ Идея наказания покорности или той слабости, которую можно наказать оскорблением, не является странной с точки зрения авторитарной дисциплины, которая не слишком отличает слабость от покорности (то есть человек не такой, каким он должен быть), от неподчинения, неорганизованности и несоответствия (то есть человек такой, каким не должен быть): в обоих случаях речь идет об отсутствии дисциплины.

их можно увидеть в учебных военных лагерях для новобранцев американских морских пехотинцев (возможно, в основном такая практика в несколько умеренном виде вообще присуща военному обучению новобранцев)⁶⁵. К ним обращаются с нескрываемым презрением (в основном офицеры-сверхсрочники), постоянно подвергают оскорблениям и унижениям, дисциплинарным принуждениям, требуя абсолютного подчинения. Все эти средства используются, чтобы наказать их за мягкость и слабость характера, присущую гражданским людям, за недостаток дисциплинированности, за «поведение, недостойное мужчины». Их физические нагрузки настолько высоки, что явно превышают обычные физические возможности и, следовательно, служат побудительной причиной для физического наказания за слабость и «малодушие». При этом трудно разделить чисто садистскую цель наказания («дисциплина») недисциплинированного гражданского менталитета новобранцев от стремления установить военную дисциплину, то есть трудно отделить заинтересованность в том, чтобы «преподать им урок», от заинтересованности в том, чтобы действительно их чему-то научить. С точки зрения военного человека обучение и военной, и индивидуальной дисциплине, которая должна прийти на смену недисциплинированной гражданской независимости или «слабости», требует власти, основанной на принуждении и наказании. Вполне возможно, что такая точка зрения имеет право на существование и что все эти методы ведут к достижению успеха в соответствии с выбранными целями.

Такой процесс обучения оказывает и другое воздействие. Достижение успеха не только в уважении к авторитету старшего по званию, но и в идентификации с таким уважаемым авторитетом создает новое поколение авторитаризма и даже садизма, по крайней мере временно. Как правило, у успешных новобранцев развивается презрение не только по отношению к врагу (которое официально поощрялось во время войны во Вьетнаме⁶⁶), но и – что поражает еще больше – по отношению к неуспешным, недисциплинированным гражданским лицам или «слабым» новобранцам.

---

⁶⁵ См.: Н. Paul Jeffers, Dick Levitan, «See Paris and Die: Brutality in the U.S. Marines» (New York: Hawthorn Books, 1971).

⁶⁶ Chaim F. Satan, «The Subversion of the Super-ego Uses in Identification with the Agressor in Basic Combat Training», неопубл. рукопись, 1972.

Новобранец говорит: «Это трудно, но мне это нравится. Они строгие. У морских пехотинцев жесткая дисциплина. Если вы получили повестку в армию, сэр, вы можете пойти служить в морскую пехоту, сэр. В нашем взводе есть только несколько человек, которых не смешали с дерьмом. Раньше или позже их все равно смешают, и у нас будет классный взвод вымазанных в дерьме»⁶⁷. Несомненно, что более «слабые» новобранцы часто становятся объектами садистского наказания со стороны успешных, физически развитых и дисциплинированных сослуживцев.

МАЗОХИЗМ

Неужели мазохистская личность действительно хочет ощутить боль и причиняет ее себе? Неужели человек находит удовлетворение в боли, унижении, проигрыше и страдании, как это предполагается согласно известной концепции мазохизма? Мазохизм – это особое понятие, которое всегда вызывало беспокойство у психиатров: оно было непонятно и по своим мотивам, и по своей природе. Нет сомнения, что именно такая неясность послужила причиной некоторой неразборчивости употребления этого понятия в психиатрии. Например, страдания, которые нужно *вытерпеть* в качестве признанной цены, которую нужно заплатить за полученное удовлетворение; иногда считается, что сложности в любовных отношениях доставляют людям мазохистское *удовлетворение*.

Случай сексуального мазохизма в какой-то мере является более определенным. Для некоторых людей идея переживания мучительной физической боли, принуждения и унижения вызывает сильное эротическое возбуждение. Объяснением такого сексуального возбуждения может стать сама проблема, но, по крайней мере, эта проблема имеет ясную природу. Но что касается прочего поведения, которое мы называем мазохистским, в особенности получения удовлетворения, а также вызывающих его сознательных чувств и сопутствующих ему установок, – все это вызывает сомнения.

Однако нет никаких сомнений в том, что он существует. Я имею в виду не только причинение себе физической боли, которая

---

⁶⁷ Jeffers, Levitan, «See Paris and Die» (см. подробно в примеч. 65), р. 74–75.

совсем не обязательно вызывает сексуальное возбуждение, но и более общие, самые разнообразные виды чрезмерного самоунижения и унижительного подчинения и преклонения. Кроме того, – и здесь, наверное, речь идет о самом распространенном виде мазохизма, – это постоянное, обычно, горькое, чрезвычайно бережное и внимательное отношение к своим унижениям, поражениям и совершенным несправедливостям. Такие примеры причинения себе страданий – истинное проявление феноменов мазохизма. Чтобы их понять, недостаточно сказать о бессознательных мотивациях или импульсах. Они также включают в себя осознанные цели и интересы, чувства, установки и опять же – образ мышления. Проблема заключается в том, чтобы понять образ и стиль мышления, которому соответствует или которое, по крайней мере, удовлетворяет это странное, парадоксальное поведение.

В приведенном ниже случае речь идет о тридцатишестилетней женщине. Он служит примером некоего мазохистского удовлетворения. В данном случае человек сам вызывает у себя ощущение дискомфорта и «культивирует в себе» преувеличенное ощущение совершенной несправедливости.

Вчера она вместе с мужем и ребенком вернулась из похода по магазинам. На автобусной остановке она поссорилась с мужем, выясняя, кто должен нести их многочисленные сумки и пакеты. Она, и так нагруженная детской коляской, попросила мужа взять часть ее сумок; но тот отказался, сославшись на то, что ему и так тяжело. Они подошли к поднимающейся вверх лестнице-переходу. Здесь стало ясно, что ей крайне трудно удастся справиться со всеми сумками и коляской, и муж к ней потянулся, чтобы взять коляску или несколько сумок. Но она посмотрела на него ледяным взглядом и продолжала подниматься по ступеням, нагруженная сумками и коляской, не обращая внимания на его неоднократные просьбы остановиться и отдать ему часть ноши. Отказавшись от его помощи, она поднялась по лестнице. По ее мнению, в этот момент муж был очень расстроен. С другой стороны, она испытывала явное удовлетворение, которое фактически отражалось у нее на лице во время рассказа. Тем не менее, теперь уже раздражаясь на себя, она спрашивает, зачем ей понадобилось так усложнять ситуацию? Почему она не приняла помощь от мужа, когда тот все же ее предложил?

На эти вопросы можно легко ответить. Несомненно, она ухватилась за возможность пострадать и не захотела от нее отказаться; но, поступая таким образом, она не только получила удовлетворение, но, по существу, достигла некоторого триумфа. Она получила то, что называется «моральной победой».

Данную моральную победу интересно исследовать подробнее, чтобы понять, в чем она заключается, и в особенности – как она достигается. Эта женщина только что испытала поражение со стороны превосходящей силы: муж отказался ей помочь, и она ничего не смогла с этим сделать. Как это часто случается, она была человеком гордым, обладающим острым чувством собственного достоинства, человеком, который тяжело переживает такие поражения, испытывая чувство унижения и оскорбленного достоинства. Нет никаких сомнений, что в тот момент она испытала именно такие чувства. Но потом, благодаря своему поведению, ей удалось преодолеть чувство бессилия и унижения. Не позволяя мужу ей помочь и тем самым избавиться от последствий своей установки и своего отношения к ней, получив возможность взять часть ноши, от которой он отказался, – и желая это подчеркнуть, она заставила его признать свою опрометчивость и продемонстрировала свою собственную силу, достоинство и моральное превосходство. Вполне сознательно, причем в вызывающей и демонстративной форме, взвалив на себя ношу, которую перед тем на нее навесил муж, она тем самым перестала быть покорной и бессильной и сделалась полна сил и достоинства. Она взяла на себя ответственность за происходящее, изменив его смысл единственно возможным для себя способом, – в чем-то став похожей на гребца в лодке, попавшего в сильное течение, которому он не в силах сопротивляться, но продолжающего управлять веслами и грести по течению, тем самым еще более ускоряя движение лодки.

С другой стороны, принять запоздалое предложение мужа ей помочь (предложение помириться и прекратить ссору) означало бы признать свое изначальное поражение и унижение, то есть позволить мужу выйти победителем. С ее точки зрения, это стало бы актом капитуляции и уступки. Это оказалось бы проявлением слабости и впоследствии в ее отношении к себе (уступка себе), ибо это означало бы пожертвовать чувством собственного достоинства и принципиальностью ради удобства и физического комфорта. В этой связи мазохизм часто считается пассивной,

уступчивой формой поведения и, как можно легко убедиться, желанием принять страдания или насилие. С другой стороны, желание принять страдания во имя долга, соблюдая верность принципам или сохраняя самоуважение, отражает огромную решимость человека и его силу воли.

Моральные победы, подобные той, которую мы обсуждали, приносят удовлетворение, но одержать их можно далеко не всегда. Более сильный агрессор может быть совершенно безразличным к несправедливости, допущенной по отношению к жертве, или же он может просто сойти со сцены. Конечно, жертва может даже получить чувство морального превосходства, но это не все равно, что одержать победу. В любом случае принцип морального превосходства слишком узок, чтобы охватить все мазохистское поведение. Это один из особых случаев, причем далеко не самый важный. Фактически может получиться, что придется изменить все представление о получении мазохистского удовлетворения. В конечном счете, люди – особенно страдающие неврозом – иногда себя ведут, не столько желая что-то достичь, сколько избежать дальнейших потерь. Так и цель мазохистского поведения заключается не столько в достижении победы над превосходящими силами, сколько в смягчении ощущения беспомощности и унижения при поражении.

В особенности это относится к людям, которые постоянно опечалены и переполнены своими страданиями. Они жалуются, что часто становятся жертвами или что к ним несправедливо относятся, и кажется, что они преувеличивают свои неприятности, – например, путем постоянных и мелодраматичных ссылок на свои «недомогания» и «боли». Такое поведение человека вызывает к нему плохое отношение друзей, которые начинают подозревать, что он продлевает свои страдания, тем самым удовлетворяя свой эксгибиционизм или требуя к себе повышенного внимания и сочувствия. Но такие подозрения тоже не всегда оправданы. Люди со склонностью к мазохизму имеют такую же потребность во внимании и сочувствии, как и обыкновенные люди, но акцентируют внимание и преувеличивают свои неудачи и свои несчастья не только и даже не в основном для внешней аудитории. Попросту говоря, они делают все возможное, стараясь испытать больше страданий, чем они действительно переживают в данный момент. Следовательно, их страдания кажутся вынужденными, их отношение к страданиям – искусственным,

их язык – мелодраматичным. Даже их голос иногда становится напряженным и плаксивым; такой тон мы обычно называем «капризным». Видимо, мазохистская личность обращает особое внимание на то, когда она страдает по-настоящему – ей как бы нужно отметить свое тяжелое состояние, чтобы быть уверенной в том, что оно не осталось незамеченным, – и время от времени напоминает себе, что страдания обязательно наступят. Поэтому, когда случайно или отдаленно вспоминается прошлая неудача или когда прежняя печаль угрожает ослабеть, такой человек пытается извлечь ее снова и оживить свои страдания. Он не может позволить своей печали исчезнуть или разрешить себе ее забыть. Короче говоря, он одержим своими несчастьями.

Например, сорокачетырехлетняя женщина, от которой несколько лет назад ушел муж, «вспоминала» о нем и постоянно, и эпизодически при наличии какой-нибудь косвенной связи (при знакомстве с другими мужчинами, в праздники, в годовщину тех или иных событий, когда они что-то делали вместе) с ним, с их отношениями и с ее «болью». Эти ассоциации часто побуждали ее вспоминать не только о его уходе, но и о других несправедливостях, которые случались с ней в детстве и в молодости: прежние отказы, детские обиды и поражения и т.п., – и с грустью рассказывать о своей «боли», «беде» или о нанесенном ими психологическом ущербе, о том, как легко ее использовали или приносили в жертву и т.д.

Почему же человек то и дело одержимо напоминает себе о прежних поражениях и несправедливостях, явно причиняющих ему боль и уязвляющих его гордость, преувеличивает их и даже их смакует? Эта проблема проявляется по-разному. Например, в некоторых случаях – как одержимость ревностью. Ревнивый человек чувствует себя жертвой, испытывая унижение, вызванное какой-то неверностью в прошлом своего возлюбленного (или возлюбленной). Любое упоминание об этой неверности оживляет и усиливает его чувство горечи; вместе с тем он снова и снова хочет пережить все подробности этих унижительных для него событий. Он может обратиться к ним через несколько лет, не дав им потускнеть или стереться из памяти, продолжая будить в себе прежние чувства, связанные с этими унижениями. Несомненно, ревность мазохистской личности, оживляя прежние поражения и

унижения, обычно создает или подразумевает наличие некоего морального бремени; но в этих унижительных случаях у мазохиста практически никак не проявляется чувство своей моральной победы и тем более – смиренное спокойствие мученика. Напротив, проявляется много горечи и злобы, раздраженного, мучительного чувства несправимой несправедливости. Но дело заключается в следующем: если мазохистская личность не достигает моральной победы, то и поражения принимать она тоже не хочет.

Друзья мазохистов часто их уговаривают поступить именно так: забыть прежние печали, чтобы прошлое осталось в прошлом. Но по реакции мазохистов на такие советы можно понять, какое значение имеет для них сохранение их прежних печалей. Как мы и предполагали, они чувствуют, что забыть несправедливость или унижение – значит оставить несправедливость неисправленной, смириться с ней, «уступить», найти легкий путь, подавить в себе протест, а значит, забыть о своих правах и самоуважении. По мнению одного из таких людей, это значило бы «позволить вытирать о себя ноги». Поэтому мазохистская личность не может позволить себе захлопнуть книгу печальных воспоминаний о прошлом; она чувствует, что этого не надо делать, даже если у нее появляется сильное искушение это сделать.

Например, у женщины, которую часто очень расстраивало проявление безразличного отношения мужа, в конечном счете, появилось сильное искушение «не обращать внимания» на последний такой случай. Они хотели вместе пойти на вечеринку, она себе представила, как ей там будет приятно, и захотела помириться с мужем. Но едва у нее появилось такое желание, ей тот же вспомнилось, какую душевную боль она испытывала раньше. Она напоминала себе, что не может «просто забыть» такое жесткое и несправедливое отношение к ней и не может «просто скрыть свои чувства», и снова заплакала. Такие колебания у нее повторялись многократно.

Мазохистское смакование и преувеличение страданий не только продолжает или воспроизводит переживание этих страданий. Оно изменяет отношение человека к этому переживанию, превращая его из пассивного в более активное. Человек полностью «обращается» к этому переживанию, то есть по сути призна-

ет поражение, унижение, несправедливость. Оно становится узнаваемым, знакомым, словно друг, на которого в дальнейшем уже можно положиться. Таково действие человека, который, несмотря свою ограниченную силу, не хочет сдаваться. Если это переживание не приносит ему моральной победы, то, по крайней мере, оно его обязывает. Оно обвиняет обидчика, указывая на его жертву; оно сохраняет живые воспоминания о совершенной несправедливости, оно предъявляет неоплаченный счет. И в данном случае тоже: мазохистское смакование и преувеличение страданий не отражает ни пассивности, ни уступки, ни, как иногда полагают, «купания» в своем поражении. Совсем наоборот. В нем нет никакого удовольствия и для мазохиста; существует необходимость, принципиальное волевое действие, от которого он не может освободиться, не потеряв самоуважения и не ощутив более глубокого и окончательного поражения, унижения и беспомощности.

Каждый человек знаком с умалением собственного достоинства, которое присуще мазохистам. Обычно оно выражается в постоянных проявлениях той или иной неполноценности или неспособности. Например, «я знаю, что я не очень умный», или «я знаю, что людям со мной скучно», или «наверное, вы устали слушать таких людей, как я», «наверное, я вас обременяю».

Как правило, такие высказывания делаются в духе откровенного, даже добросовестного, смирения, с обращением к реальным фактам. Они произносятся с намерением, чтобы их приняли как извинение или как смиренный призыв проявить терпимость. Но в этих призывах к проявлению терпимости есть нечто странное, нечто отличающее их от подлинного смирения и даже вызывающее определенный дискомфорт у человека, который их слышит. То, что выдается за добросердечную откровенность и смирение, звучит искусственно, вынужденно, утрированно и, в конечном счете, содержит защитную установку. Такая слишком усердная защита, неуместная прямота и жестокое, презрительное отношение к себе, о котором мазохист сообщает другому человеку, отражает осознание мазохистом тех отношений, которые он считает неравными, и претензии другого человека на превосходство. Именно готовность мазохиста к таким отношениям и претензиям заставляет его ожидать их и от них не уклоняться. Ожи-

дая и преувеличивая это неравенство, преувеличивая свою собственную неполноценность и ожидание претензий на превосходство других, мазохист тем самым нейтрализует воздействие этих претензий и лишает их силы. Своим чрезмерным смирением он побеждает унижение, присущее этому неравенству; он побеждает оскорбление, заявляя первым о своей слабости; он побеждает отпор, отстраняясь от претензий, которые должен принять. В некоторых случаях такая защита оказывается совершенно осознанной и особенно резкой; преувеличения принимают масштаб карикатуры («простите меня за то, что я живу») и становятся откровенно ироничными. Иными словами, явно преувеличивая свою покорность и превосходство другого человека, мазохист подвергает сомнению это неравенство и намекает на претензии другого.

Совершенно очевидное моральное превосходство искренности и смирения над самодовольством и претенциозностью тоже можно было бы назвать моральной победой. Но еще важнее, что мазохистская личность превращает то, что в других случаях стало бы чувством стыда и унижения перед мнимым превосходством других, в ощущение сравнительной силы и некоторого достоинства.

Этот процесс разворачивается по-другому, если мазохистская личность действительно подвергается унижительному оскорблению, получает отпор или испытывает поражение и пытается восстановить чувство собственного достоинства, снова вспоминая об оскорблении и снова применяя его к себе, в гораздо более обидном варианте, и опять же, иногда с присутствием иронии. Бренман приводит поразительный пример – клинический случай одной молодой женщины-мазохистки. Эта чувствительная и гордая пациентка оказалась захваченной врасплох поддразниваниями своего друга. Вот как она рассказала об этом своему терапевту:

Мы смотрели старый альбом... Я попыталась его спрятать, чтобы он не заметил мою фотографию. Я так плохо на ней выглядела. Он взял ее у меня, посмотрел и сказал: «Смотри-ка, в прошлом году ты была похожа на толстый шарик». Это было уже слишком... он действительно меня достал. Я тут же вскочила и написала ему длинное письмо, изобразив ему во всех

подробностях, какой мерзкой я была не только в прошлом году, но и сейчас, какое у меня гадкое нутро, и будет очень плохо, если он меня как следует не узнает в самое ближайшее время. Это ужасно его задело, – я никогда еще не видела такого смущенного и расстроенного человека⁶⁸.

Как мы уже отмечали, часто мазохистское самоуничижение и защита вызывают некоторую иронию, которая в данном примере оказывается чрезвычайно горькой и откровенной. Почти все такое самоуничижение, по крайней мере, предполагает некое ироническое внушение. Этому есть простое объяснение. По сути, воздействие иронии заключается в обесценивании утверждения или в выражении противоположной установки посредством намеренного преувеличения данного высказывания. Этот механизм чрезвычайно близок защитному воздействию всего преувеличенного мазохистского самоуничижения. Между установками, порождающими оба этих механизма, есть близкое сходство. Воздействие иронии, с точки зрения ее неоднозначности (естественное оружие более слабого против более сильного), как и мазохистское самоуничижение, является естественной защитой. Таким образом, нетрудно понять, почему при возрастании защитного самоуничижения оно сразу порождает иронию.

Эти принципы вполне применимы и к преувеличенно смиренному признанию и допущению всевозможной вины, собственных недостатков (за исключением явной неполноценности), присущих мазохистам, которые при этом иногда даже навлекают на себя физическое наказание с настойчивостью, достойной лучшего применения. Например, одна пациентка, о которой упоминала Бренман⁶⁹, стояла в морозные ночи перед открытым окном в ночном белье, лишая себя сна до полного изнеможения: она считала, что не заслужила того, чтобы лечь спать. Есть разница между установкой на признание вины и покаяние, которая в основном присуща такому поведению, и установкой на сожаление и раскаяние. Покаяние и чувство вины включают в себя внутреннее осуждение

---

⁶⁸ Margaret Brenman, «On Teasing and Being Teased And the Problem of the Moral Masochism», *The Psychoanalytic Study of the Child* (New York: International University Press, 1952), vol. VII, p. 179.

⁶⁹ Ibid., p. 43.

человеком своего поступка («Я не должен был...»); с другой стороны, признание и допущение связаны с уступчивостью, согласием, подчинением наказанию. Кажется, что мазохистская личность готова соглашаться с любыми обвинениями, признавать любые недостатки, допускать, что она заслуживает и готова понести любое наказание. Такие вынужденные, несоразмерные и, безусловно, искусственные допущения вызывает не чувство вины. Вина, ощущение внутреннего осуждения в основном превращается сознанием мазохиста в ощущение позора, стыда и причиненного оскорбления; эти ощущения вызывают несоразмерные допущения и отвергают оправдание вины. Именно это чувство стыда и позора вызывает твердое, решительное, в защитных целях преувеличенное саморазоблачение, – и в результате такого саморазоблачения наступает облегчение. И это саморазоблачение, а иногда и самобичевание превосходит все возможные осуждения – и в своих признаниях, и в своем смирении. Чувство стыда можно заменить не только ощущением морального превосходства, но и гордостью мученика.

Если такое понимание мазохизма правильно, мазохист оказывается таким же волевым и решительным, с таким же чувством собственного достоинства, как и другие ригидные характеры, с таким же или похожим отношением к уступчивости. Но в случае мазохизма все эти черты имеют одну особенность: защитную тенденцию, которая в общем-то присутствует у любого ригидного характера, но у мазохистов она выражена очень явно и имеет специфические особенности. Именно такой является специфическая склонность к защите ригидной личности, воспринимающей себя или действительно являющейся более покорной, более слабой или подчиненной, обращается к неравенству положения или превосходству в силе. Именно такой является специфическая склонность к защите человека, самооценка которого не может выдержать то воздействие окружения, которое смогла бы выдержать самооценка другого человека. То есть это самооценка человека, который, часто испытывая горечь, полностью поглощенный совершенной по отношению к нему несправедливостью, измученный, униженный и оскорбленный и неспособный – или решивший, что он неспособен, – смириться с такими переживаниями, вынужден сам ассимилировать их.

Мазохисты ожидают или воспроизводят воздействие превосходящих сил таким образом, чтобы его ослабить⁷⁰. Поэтому такое поведение нельзя считать «самоуничтожающим», как его часто называют; наоборот, оно является самозащитным. Если мазохизм рассматривать только с точки зрения его субъективного содержания, характерных для него отношений, сущности соответствующих ему убеждений и паттернов присущего ему поведения, можно легко прийти к заключению, что ему свойственно самоуничтожение, капитуляция перед болью, страданиями, унижениями, неравенством и жестокостью, так как мазохист чувствует их постоянно. Но если принять во внимание установки, в которых выражаются приведенные выше факторы, можно представить не сдавшегося человека, а человека, добровольно уступившего свою территорию, – именно потому, чтобы не сдаваться.

МАЗОХИЗМ И ПАРАНОЙЯ

Результаты исследований, проведенных Баком и Бренман, наряду с другими результатами, показали, что мазохизм тесно связан с паранойей или, по крайней мере, с механизмами проекции, хотя относительно этой связи в теории есть расхождения. В результате исследования паранойи Бак⁷¹ предположил, что мазохизм (если его рассматривать как тенденцию либидо) при паранойе играет ключевую роль, тогда как Бренман⁷² при исследовании мазохизма выявила, что его основными элементами являются механизмы проекции. Хотя в этом отношении взгляды Бренман ближе к моим собственным и, как я полагаю, лучше объясняет суть дела, по существу, каждый конкретный случай можно рассматривать с любой точки зрения. Причина заключается в том,

---

⁷⁰ Теодор Рейк (Theodor Reik) подчеркивал в мазохизме процесс предвосхищения (T.Reik, «Masochism in Modern Man» [New York: Farrar & Strauss, 1941]). Мой вывод относительно защитной природы мазохизма – это более обобщенный его взгляд на мазохизм, по сути, как на ожидание наказания, на «взлет» (*flight forward*), как он его называет. Основа этого процесса, находящаяся в защитных установках ригидного характера, позволяет его понять более обобщенно. Например, защитная мазохистская реакция предвосхищает не только наказание, но и унижение, саморазоблачение и т.д. Кроме того, как я уже показал, защитная реакция, чрезмерное чувство превосходства не ограничивается предвосхищением или ожиданием «взлета»; она может быть реакцией на перенесенное ранее унижение или саморазоблачение.

⁷¹ Robert C. Bak, «Masochism in Paranoia», *Psychoanalytic Quarterly*, 15: 285–301.

⁷² «On Teasing and Being Teased» (см. подробно в примеч. 68).

что и мазохизм, и паранойя – это особые разновидности проявления ригидного характера; у них есть много общих тенденций, и несомненно, что проявление одной из них может служить преобладающим контекстом для появления другой. В данном случае я прежде всего обращаю внимание на защитные установки и особую чувствительность к высшему авторитету, подавлению и т.д., которые являются основными и для мазохистского, и для паранойяльного состояния и оказываются единственно возможными – например, в форме упрямства – для навязчивого характера. Эта связь, как и связь между такой защитной чувствительностью и проекцией, прояснятся несколько позже, при рассмотрении паранойяльной ригидности.

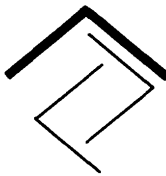
МАЗОХИЗМ И ЖЕНЩИНЫ

Психоаналитическая идея, согласно которой мазохизм является внутренней склонностью, присущей женщинам, подвергается критическому отношению – и вполне справедливо, ибо имеет налет мужского шовинизма. Этой идее можно возразить в двух отношениях: во-первых, она предполагает, что мазохизм характеризует потребность женщины получать удовлетворение от того, что испытывает доминирующее воздействие и даже принуждение; во-вторых, в ней содержится утверждение, что такое стремление к подчинению заложено в биологии женщины. Сам факт, что данная идея становится очень удобной в обществе с приоритетом маскулинных ценностей, кажется вполне очевидным. Тем не менее клинический опыт свидетельствует не о том, что женщины вообще имеют склонность к мазохизму, а что большинство мазохистов составляют женщины. В свете только что проведенного анализа мазохизма такое положение дел не вызывает никакого удивления. Как я уже говорил, среди всех разновидностей ригидного характера мазохистам свойственно ощущать и считать себя людьми, находящимися в относительно безвластном или подчиненном положении. В основном так ощущают себя и свое положение женщины. Таким образом, определение мазохизма как женской склонности отражает не удовлетворение, которое получают женщины от своей покорности, а склонность женщин с ригидным характером защищать свою автономию и свое достоинство, проявляя псевдопокорность.

МАЗОХИЗМ И САДИЗМ

Нарисованная мной картина мазохизма и садизма отличается от обычного психоаналитического представления о соответствии между ними: от представления о садизме как об импульсе человека причинить страдания другим, и от представления о мазохизме как о внутреннем импульсе, причиняющем боль самому человеку; то есть, фактически, речь идет о двух разных направлениях одного и того же импульса. Полученная нами картина предполагает другое, более сложное сходство. Каждый характер по своему включает защитное и в основном агрессивное утверждение воли; каждый из них связан с ощущением подчиненности, стыда или унижения; каждый из них глубоко и откровенно заинтересован в том, чтобы определить уровень и статус человека и уметь сопоставить его со своим, определить степень превосходства и подчиненности, – однако садист смотрит на ситуацию из положения превосходства, а мазохист – из положения подчиненности. Несомненно, эти два типа отличаются друг от друга и представляют собой две основные тенденции характера; существующее между ними сходство позволяет без особого труда понять типичное присутствие обеих тенденций у одного человека, их относительную «выпуклость», которая даже в какой-то мере изменяется в зависимости от обстоятельств.

Сексуальный садизм и мазохизм

Психоаналитический взгляд на сексуальную жестокость включает в себя два фактора. Во-первых, раннюю детскую фиксацию на садистском – то есть жестоким и агрессивном – или мазохистском компоненте инфантильной сексуальности. Во-вторых, проявление у взрослых этого крайне агрессивного влечения в сочетании с генитальной сексуальностью как гарантированного средства снижения сексуальной тревожности (связанной с кастрацией) или чувства вины⁷³. Проблема содержится именно во втором факторе. Независимо от своего отношения к теории либидо, по существу, никто не может усомниться в том, что источником сексуальных влечений взрослого человека оказываются подавленные в раннем детстве склонности, чувства и влечения: в данном случае детская агрессивность и жестокость. Проблема заключается не только в том, чтобы определить источники и составляющие проявления у взрослых такого сексуального интереса, но и понять, какое они имеют значение для уже сформировавшейся конкретной личности.

Попытка понять садомазохизм в таком ключе, то есть как сочетание сексуального возбуждения и агрессии, на мой взгляд, не дает объяснения субъективным чертам сексуальной жестокости. Так, считается, что проявление садистской агрессивности убеждает садиста в том, что он сам не является пассивной жертвой агрессии. Зато считается, что ощущение мазохиста себя жер-

---

⁷³ Более подробное обсуждение психоаналитического взгляда на этот вопрос можно найти в кн.: Otto Fenichel, «The Psychoanalytic Theory of Neurosis» (New York, W. W. Norton, 1943), p. 354–365, а также в работе: Sigmund Freud, «A child Is Being Beaten», *Collected Papers*, vol. II (London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis, 1919) (См. также: Фенихель О. Психоаналитическая теория невроза. – М.: Академический проект, 2004; Фрейд З. Ребенка бьют: к вопросу о происхождении сексуальных извращений // Венера в мехах. – М.: РИК «Культура», 1992. – *Примеч. пер.*).

твой реальной агрессии предвосхищает его чувство вины и снижает страх наказания⁷⁴. Но такое объяснение агрессии как *условия* выражения сексуального влечения совсем не объясняет, как и почему жестокость становится эротически привлекательной⁷⁵. Ибо это субъективное обстоятельство является главным: у некоторых людей жестокость не только вызывает сексуальное возбуждение или облегчает сексуальную тревогу, но и повышает сексуальное возбуждение и сама по себе становится возбуждающим фактором.

То же самое можно сказать относительно чувства власти, которое считалось составляющей частью сексуального садизма и надежным средством, снимающим сексуальную тревогу. В отношении садизма можно было услышать и прямо противоположное: то есть что сексуальные отношения открывают человеку возможность почувствовать власть. Но эти концепции оставляют открытым главный вопрос. Если присущие власти отношения: подчинение, принуждение и т.п. – являются основными составляющими сексуального садизма – а судя по всему, это именно так, – то что можно сказать об этих жестоких отношениях и вообще о проявлении жестокости, которые не только успокаивают людей или даже косвенным образом их удовлетворяют, но и существенно их возбуждают?

БОЛЬ И ЭРОТИКА

Есть все основания считать, что отношение боли к сексуальному возбуждению имеет некоторую биологическую основу. Фрейд⁷⁶ и многие другие психологи отмечали, что некоторые виды боли, особенно болевые ощущения кожных покровов, имеют тесную связь с эротическим возбуждением и легко в него пе-

---

⁷⁴ Theodor Reik, «Masochism in Modern Man» (New York: Farrar & Strauss, 1941).

⁷⁵ Фенихель (Fenichel) допускает это (O. Fenichel, «Theory of Neurosis» [см. подробно в примеч. 73], р. 354) и опирается на изначальную фиксацию для объяснения внутренней эротической ценности жестокости для взрослого. Но, опять же, это объяснение, на мой взгляд, обходит стороной существенный вопрос интенсификации ценности эротики в садизме взрослого.

⁷⁶ Sigmund Freud, «Three Essays on the Theory of Sexuality» (London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis, 1919 [впервые опубликовано в 1905]), р. 81. (См. также: Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного. – СПб.: Питер, 2004. – С. 113–180. – *Примеч. пер.*.)

реходят. Укусы и царапины – распространенная часть любовной игры, которая, как считают Форд и Бич⁷⁷, особенно характерна для общества, в котором дети и подростки традиционно имеют больше сексуальной свободы. Более того, известно, что ощущение боли, которую, например, причиняет укус, у многих видов животных обычно вызывает сексуальное возбуждение. Вместе с тем, результаты проведенных исследований показывают, что вряд ли стоит сомневаться в том, что «физиология любого мужчины и любой женщины такова, что небольшая боль может вызывать определенное сексуальное возбуждение»⁷⁸.

Оказывается, что близость сексуального возбуждения к некоторым болезненным ощущениям связана с другим фундаментальным фактом: в определенной мере воздействие силы является частью сексуальной активности. То есть даже не слишком энергичный телесный контакт способствует появлению сексуального возбуждения, причем не только кожных ощущений, вызванных трением и давлением, но и более глубокими телесными ощущениями. Вполне уместно напомнить, что в определенной мере физическая сила или даже насилие способствуют получению разнообразного чувственного удовлетворения и физического удовольствия не только в сексуальных отношениях, но и во многих других случаях. Маленькие дети получают удовольствие и успокаиваются не только когда их качают, но и когда их ритмически встряхивают или подкидывают, даже когда это делается слишком энергично. Взрослые получают удовольствие от многих физических и спортивных упражнений, а также от силового массажа.

Таким образом, мы не должны слишком легко отказываться от точки зрения самой садомазохистской личности на природу ее сексуального интереса к боли и физическому насилию, считая ее тривиальной и поверхностной. В ее взгляде основным является чувственное ощущение, порождающее сексуальное возбуждение. Психологи утверждают, что садомазохист использует секс для выражения агрессии и удовлетворения стремления к власти; садомазохист утверждает обратное: он применяет силу и даже насилие, чтобы получить сексуальное удовлетворение. Психологи полагают, что боль и насилие – это условия выражения сексуального

---

⁷⁷ Clellan S. Ford, Frank A. Beach, «Patterns of Sexual Behavior» (New York, Harper & Bros. and Paul B Hoeber, 1951), p. 64.

⁷⁸ Ibid., p. 65.

влечения; садомазохист говорит, что боль и насилие сами по себе наполнены эротикой. Психологи полагают, что его интерес к насилию и боли, по существу, является символическим; садомазохист говорит, что испытывает к ним чувственный интерес, а если где-то и присутствует символизм, то это символизм, присущий чувственности. Он утверждает, что степень эротического возбуждения и физического удовольствия пусть не полностью, но прямо связаны с напряженностью и эффективностью воздействия силы или насилия, так как боль является самой глубокой формой выражения чувственного возбуждения.

Таков, по крайней мере, взгляд самого маркиза де Сада, который был очень грамотным и целенаправленным, если не сказать принципиальным сластолюбцем. Вот что он пишет:

Самый сильный шок, вызванный насилием, легко ставит «на дыбы» всю нашу нервную систему. Теперь, когда уже не приходится сомневаться в том, что боль воздействует на нас гораздо сильнее, чем удовольствие, если ощущение боли вызвать у других людей, вся наша сущность будет испытывать еще более сильное потрясение от общего шока.⁷⁹

Не следует пренебрегать очевидным. Если мы возьмем за основу, что цель садомазохизма состоит в чувственном и сексуальном возбуждении или в возрастании этого возбуждения при переживании боли и насилия, то, по крайней мере, получим отправную точку и направление для постановки следующих вопросов. Почему боль и насилие оказывают такое воздействие, особенно на определенных людей? Откуда вообще возникает такой специфический интерес (по крайней мере, так иногда кажется) к повышению чувственного ощущения? Есть и другие вопросы: как понять садомазохистский интерес и возбуждение, вызванные разными видами жестокости, которые практически совсем не связаны с физической болью и насилием, а также чувственными переживаниями оскорбления и сексуального унижения? На эти вопросы нельзя ответить, принимая во внимание только садомазохистское действие и садомазохистское влечение. Это вопросы не столько о сути и содержании влечения, сколько об образе мышления и типе личности.

---

⁷⁹ Цит. по: Simone de Beauvoir, «The Marquis de Sade (Must We Burn Sade?)» (New York: Grove Press, 1953), p. 11.

ОТЧУЖДЕНИЕ ПРИ САДИЗМЕ

Рассмотрим типичное представление садистов о чувственности, а в некоторых случаях, похожих на описания де Сада, даже эмпатическую защиту и публичное отстаивание чувственности, садомазохистских сексуальных установок, характерных для маркиза де Сада, которые часто кажутся в высшей степени отчужденными. Такое отчуждение заметили несколько писателей; особенно ясно его выразила Симона де Бовуар⁸⁰, изучая труды де Сада:

Она пишет: «Никогда в его повествовании чувственное наслаждение не проявляется в самозабвении, замирании сердца или в горечи расставания»⁸¹. Она говорит о де Саде как «о воле, подчиняющей плоть, но не теряющей в ней себя»⁸², а о самом половом акте в представлении де Сада как о «спектакле, который человек наблюдает на расстоянии и вместе с тем сам в нем участвует»⁸³.

Так оно и есть. Персонажи маркиза де Сада – я здесь обращаюсь не только к отчужденности самого автора – весьма искусно и утонченно создают и воплощают сцены сексуального возбуждения, сосредотачивая свое внимание на создании определенных эффектов. Они, в особенности мужские персонажи, во время этого представления иногда наблюдают за собой, а иногда – за представлением в исполнении других персонажей. Они возбуждаются, глядя на боль, которую испытывает одна женщина, получая сексуальную разрядку от другой, или же, устроив представление, только его наблюдают, не участвуя в нем, а просто чувствуя возбуждение.

В отличие от собственно чувственного наслаждения, наслаждение спектаклем чувственности или интенсификация чувственного наслаждения и возбуждения с помощью одновременного и, может быть, более сильного возбуждения от его зрелища, является типичным для садомазохизма. Это наслаждение проявляется у человека в интересе к наблюдению собственных сексуальных отношений, в их фотографировании, в их описании в особенно

---

⁸⁰ Симона де Бовуар (1908–1986) – французская писательница, жена и друг Ж.П.Сартра, автор романов, пьес, философских эссе. – *Примеч. ред.*

⁸¹ См. примеч. 79, р. 32.

⁸² Ibid., р. 39.

⁸³ Ibid., р. 43.

«грязных» выражениях или во внимании к тому, как в них участвуют другие люди. Все эти средства позволяют усилить возбуждение не через эротическую чувственность, а через *идею* эротической чувственности. Они усиливают сексуальное возбуждение с помощью еще более возбуждающей идеи «сексапильности». Они используют реальное чувственное ощущение при создании порнографической продукции. В противоположность обычной человеческой склонности, в данном случае функция действия используется для содействия фантазии.

Садомазохистская атрибутика в чем-то очень похожа на театральную. Плети, кожаные пояса и другие принадлежности, подчеркивающие ощущение насилия и покорности, применяются исключительно для создания эротической идеи. Плети применяются не только для того, чтобы вызвать боль. Гораздо больше они предназначены для того, чтобы вызвать фантазию о боли и насилии, а также идею эротической чувственности. А потому их использование сопровождается усиленным ощущением боли. Сама боль может быть незначительной, но корчи от боли вызывают сильное чувство. Партнер – это не только объект для получения физического и чувственного наслаждения, но и (даже прежде всего) помощник, оказывающий поддержку в изображении сцены эротической чувственности. Вместе с тем садомазохистская сексуальность – это в высшей степени идеологический продукт, порожденный больше воображением, чем чувствами. Она может включать весьма незначительный физический контакт или даже не включать его вообще: и в реальном событии или даже в фантазии. Садомазохистская сексуальность возбуждается посредством идей и символов эротической чувственности, особенно в чрезвычайно концентрированном виде (кожаная атрибутика, плети, боль и т.п.). Именно это имеет в виду Бовуар, говоря «о воле, подчиняющей плоть, но не теряющей в ней себя». Это целенаправленная чувственность, волевая сексуальность, а не чувственная сексуальность, от которой отказались. Короче говоря, она в той или иной мере формирует сексуальность, присущую ригидной личности.

ТЕМА ЭРОТИКИ

Природа ригидного характера – его подчинение воле, дисциплине, авторитету, своим моральным предубеждениям – по-своему влияет на природу ее сексуальных интересов. Моральное

представление о сексе как о чем-то грязном, грубом и унижительном, может вызвать не только полную или частичную утрату сексуального влечения, но и породить отношение к грязи, грубости и унижению как к особому проявлению эротического влечения. Точно так же исключение эротической чувственности из влечений, привязанностей и чувств в повседневной, «пристойной» жизни может привести к наделению особой эротичностью тех экзотических фигур или отношений, которые не вызывают сексуальных чувств. Кроме того, с точки зрения ригидной личности сексуальная восприимчивость и сексуальное возбуждение не подчиняются самоконтролю, а сексуальные отношения представляют собой подчинение одного человека другому. На эту точку зрения будут серьезно влиять идеи и образы необузданности и покорности, имеющие особый эротический смысл, например образы проститутки и раба. Те самые состояния, к которым ригидная личность испытывает отвращение, становятся крайней эротичными, а потому она не может их выносить: они воспринимаются совершенно чуждыми и вредными с точки зрения силы воли, самоконтроля и самодисциплины; они означают отказ от волевых усилий, прекращение самоконтроля, потерю самообладания, сдержанности, пристойности и чувства собственного достоинства.

Нет никаких сомнений, что идеи покорности, принуждения-подчинения, грубой силы и унижительного послушания, а также их многочисленные вариации составляют основную эротическую тему и основное представление о сексуальных отношениях в садомазохистских фантазиях. Все остальные элементы – причинение боли, борьбы с ограничениями и т.д. – являются лишь чувственными изысками или украшениями такого фундаментального представления. Идеи и образы садомазохиста, характерные для этих отношений, наполнены эротикой. Чтобы лучше это понять, полезно вспомнить, что ригидная воля, так сказать, действует на два фронта: внутренний и внешний. То есть ригидная личность сосредоточена на самоконтроле, самодисциплине и при этом не делает уступок ни себе, ни другим. Такой человек упрям, защищает свой авторитет, заносчиво чувствителен к принуждению и унижению свыше, авторитарен и с презрением относится к подчиненным. В таком представлении о сексуальных отношениях эти два вида уступки – себе в форме сексуального возбуждения и другому – особенно тесно связаны между собой и содер-

жат оба вида покорности или утраты силы воли: один из них включает в себя другой.

Иначе говоря, для человека, волевые усилия которого направлены на то, чтобы не уступать другим или заставить других уступать себе, идея эротической чувственности и сексуального возбуждения в сексуальных отношениях становится одновременно идеей подчинения одного человека другому, уступкой одного человека сексуальному возбуждению, вызванному другим человеком, полной потерей воли одного, не позволяющей оказывать сопротивление другому, покорностью одного другому и унижением одного другим. Поэтому такие отношения становятся эротическим, «сексуально-привлекательным» прообразом сексуальных отношений. Сексуальная связь сводится к тому, что один человек «трахает» (*fucks*) или «имеет» (*screws*) другого, и именно эта идея «взять» и «поймать» другого становится эротической. Отношение между двумя видами покорности воли содержится во многих садомазохистских фантазиях, например, в фантазии об одинокой сексуально возбужденной женщине, которая становится униженной сексуальной рабыней возбуждвшего ее человека; она становится «обезумевшей от желания» и умоляет, чтобы ее удовлетворили и использовали. Известны и обратные садомазохистские фантазии: покорение жертвы, преодоление ее воли к сопротивлению, ее самообладания и человеческого достоинства, пробуждает ее собственное сексуальное влечение, которому она не в силах сопротивляться и т.п. В контексте этой идеи любой образ или представление ситуации подчинения, любое действие, предполагающее унижение одного человека другим, или действие по отношению к другому, включающее в себя презрение, высокомерное наказание или обучение «дисциплине», повышает степень эротичности сексуальных отношений.

Я снова должен сделать акцент на том, что вся эта эротика остается исключительно в области идей и фантазий, а также вызывающих их символических действий и символической атрибутики. *Такая идея* покорности и подчинения становится столь эротичной именно для ригидной личности, *актуальность* сексуального раскрепощения которой является неблагоприятной для ее силы воли, самоконтроля и самоуважения.

До сих пор мы почти не различали сексуальные влечения садиста и мазохиста; в основном все сказанное выше в равной

мере относится и к тому, и к другому. Фактически, так и получается: во многих аспектах сущность этих двух разновидностей одной склонности лучше рассматривать как единую форму сексуального влечения, а не только как две комплементарные формы. Например, направления этих двух влечений оказываются не столь противоположными, как можно было предположить. Это не совсем тот случай, когда одного человека возбуждает идея покорности и унижения, а другого – идея насилия и власти. На самом деле их обоих привлекает эротическая идея и образы покорности, унижения, боли и так далее. Основной фокус *обоих* видов эротического влечения сосредоточен на *жертве* жестокого обращения: на униженном и покорном человеке, испытывающем боль, а не на том, кто ее причиняет. В этом фокусе находится основная сцена эротического действия, реального физического ощущения (как в случае бичевания плетью или связывания), эротической покорности воли, а следовательно, и эротического влечения. Давайте вернемся к мысли де Сада, которую я уже цитировал. Рассматривая эротическую ценность боли с точки зрения садиста, он говорит: «Если ощущение боли *вызвать у других людей* (выделено автором), вся наша сущность будет испытывать еще более сильное потрясение».

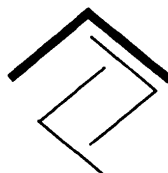
Если садизм и мазохизм имеют одну и ту же форму проявления сексуального влечения, их различия можно свести к альтернативным точкам зрения, которые порождает эта картина сексуальных и вообще человеческих отношений: положению превосходства и положению подчинения. Для более слабого или более подчиненного положения (в котором чаще, но далеко не всегда оказывается женщина) эротичной становится именно идея ее (или его) собственной безвольной покорности, капитуляции или унижения. У человека, находящегося в положении превосходства, для которого вообще характерно чрезмерное ощущение своей власти и презрительное отношение к более слабым и подчиненным, это идея презрения к другим. Каждый по-своему стремится создать образ эротического унижения, покорности и безволия подчиненного человека, и, как правило, обе эти фантазии для каждого из них в той или иной мере являются эротичными.

То, что с точки зрения садиста идея унижения и подавления другого оказывается эротичной, а с точки зрения мазохиста подобная идея просто является его собственной, может иметь дальнейшее последствие. Для некоторых ригидных характеров мазо-

хистская фантазия может оказаться более эротичной, но вместе с тем – конфликтной и невыносимой, ибо она не удовлетворяет их садистского интереса. Вероятно, такой конфликт возникает особенно у тех ригидных мужчин, для которых может стать эротичным образ покорной женщины⁸⁴. Но он может существовать, например, и у некоторых ригидных, высокомерных женщин в связи с фантазиями о проституции. При садизме такой конфликт избегается. Идея сексуального унижения или подчинения *другого* никоим образом не является постыдной или оскорбляет гордость. Напротив, она лишь означает, что к человеку, вызывающему сексуальное влечение, относятся с презрением. По-видимому, именно такие чувства характерны для сексуальных установок многих ригидных мужчин – и даже для некоторых представлений о «маскулинности».

---

⁸⁴ См., например, случай Шребера, который обсуждается в гл. 7.

Паранойяльная ригидность

Если можно говорить о двух аспектах индивидуальной автономии: о внутреннем процессе самоуправления с одной стороны, и об отношении к внешнему авторитету с другой, то невроз навязчивой одержимости главным образом можно описать как патологию первого – внутреннего аспекта самоуправления, а паранойяльное состояние – как нарушение второго, то есть отношения к внешнему авторитету. Такое разграничение нельзя считать абсолютным, но в основном в тех случаях, когда ригидность волевого управления и контроля особенно серьезна, волевая борьба, которая при неврозе навязчивой одержимости ощущается как внутренняя, заменяется внутренней же волевой борьбой с некоторыми внешними фигурами, в особенности если они обладают авторитетом или статусом, или же с социальными институтами, в той или иной мере обладающими властью принуждения. Такие отношения становятся защитными и враждебными, и тогда начинает возрастать тревога человека, связанная с ними и с их угрозой его автономии и его личному авторитету. В этом состоит специфичная и самая характерная черта паранойяльной тревоги, хотя часто ее считают только тревогой, связанной с угрозой агрессии.

Таким образом, непсихотическая паранойяльная личность обычно все время обеспокоена тем, что ею могут помыкать или ее могут оскорбить, нарушить ее права или ущемить ее чувство собственного достоинства, а также проблемами статуса – кто является главным, а кто подчиненным и т.п. Еще острее те же проблемы выражаются в паранойяльных галлюцинациях, как, например, ощущение угрозы со стороны мощных сил зла (например, «коммунистов»), или сверхъестественных сил или устройств (например, излучения, людей-роботов, ядов или гипноза), которые могут управлять его телом или причинять ему вред, или же сил, способных управлять волей человека или ее ослабить. В то время как воля одержимо-навязчивой личности – ее нормы и

правила, самодисциплина, сила воли и т.д. – направлена против нее самой – против лени, пустой траты времени и снисхождения к себе, – воля параноика, в форме предосторожности или подозрительности, направлена на защиту от внешней угрозы его авторитету.

Несомненно, паранойяльная ригидность является более серьезной. Если одержимо-навязчивая личность упряма и трудно поддается влиянию, то в еще большей степени это относится к предосторожной паранойяльной личности. Ригидность мышления, проявляющаяся в жестких предубеждениях паранойяльной подозрительности, даже если она еще не достигла уровня галлюцинации, оказывается гораздо более серьезной, менее проницаемой для объективных возражений, по сравнению, например, с простым догматизмом. Гораздо более выражены даже преднамеренность и выверенность движений паранойяльной личности (контроль за движениями тела, жестами и выражением лица).

Почему же ригидность принимает такую специфичную и более серьезную защитную форму? Почему в таких случаях ощущение внутренней угрозы автономии и индивидуальному авторитету заменяется ощущением внешней угрозы? Ответ на эти вопросы может заключаться в наличии защитного механизма проекции: защитная паранойяльная ригидность – подозрительность, предосторожность и т.п., как следует из сказанного выше, является ответной реакцией на проекцию на других людей неосознаваемых чувств, импульсов или идей, в особенности агрессивных.

Это поднимает серьезные проблемы. Механизм проекции, в упрощенном варианте просто понимаемый как «выталкивание чувств» (*expulsion of feelings*) на других людей, не может служить объяснением. Чуть позже мы обсудим его подробнее. Сейчас достаточно отметить, что паранойяльное ощущение угрозы – внутренний аспект отношения человека к самому себе, направление враждебных чувств (в субъективном ощущении) от внешнего объекта обратно к субъекту, не говоря уже об особой природе ощущения угрозы автономии, – в действительности не объясняется простым процессом «выталкивания» человеком на других людей своих бессознательных чувств, импульсов или идей. Кроме того, проекцию нельзя рассматривать как простейший механизм, появление которого не требует никаких дальнейших пояснений. Это сложный процесс, и в любом случае остается проблема объяснения его происхождения в психологической структуре этой кате-

гории людей и его формирования под воздействием особых, субъективных условий.

Паранойяльное ощущение, а также механизм проекции становятся более понятными, если отношение к проекции ригидности и защитной способности (*defensiveness*) понимать по-разному, – то есть что может быть и другое объяснение. Я попытаюсь показать, что именно внутренняя характерная черта ригидного самоуправления, достигая серьезной степени ригидности, порождает защитное и враждебное отношение к внешнему миру. В таком случае процесс проекции и природа проективных искажений сразу становятся более понятными. Тогда проективные искажения, воображение и ожидание различной внешней угрозы автономии и индивидуальному авторитету – пренебрежение, оскорбления, всевозможные попытки принуждения и т.п. – можно считать не причиной появления защитной реакции, а наоборот – ее следствием. Иными словами, встав на эту точку зрения, можно рассматривать проективную идентификацию врага в тени как следствие нервного, защитно-настороженного и подозрительного внимания. Как только паранойяльная личность выявила угрозу, против этой угрозы сразу же начинается дальнейшая мобилизация сил – повышение осторожности, подозрительности и защитной враждебности.

РИГИДНОСТЬ И ЗАЩИТНАЯ СПОСОБНОСТЬ

Вообще степень, в которой человек может почувствовать свой личный авторитет, может быть ограничена разными внешними условиями, в особенности присутствием какой-то принудительной или даже, наоборот, либеральной высшей власти. Только отсюда, не говоря уже о разных проективных искажениях, следует, что установка по отношению к этой власти, присущая некоторым ригидным личностям, будет защитной и враждебной. Речь идет о людях, обладающих особенно ригидной волей, стремящихся произвести определенное впечатление, с чрезмерным и неопределенным ощущением своего авторитета и чувства собственного достоинства, которые часто связаны с ригидной волей. Все это в точности мы видим в паранойяльном характере. Паранойяльная личность – часто претенциозная и высокомерная, хотя скрывающая в глубине ощущение своей малости и стыда, претендующая на то, чтобы казаться сильной и «владеющей ситуацией», хотя в

глубине ощущающая себя слабой, – постоянно высокомерно сосредоточена на тех людях, которые, обладая более высоким статусом и авторитетом, могут заставить ее ощутить свою малость и бессилие. Такой человек прекрасно осознает статус шефа. Но в конечном счете авторитетные фигуры кажутся великими для того, кто в глубине души чувствует себя маленьким, даже если он в этом не признается. Паранойяльная личность нехотя, против своей воли осознает такой авторитет, она высокомерно чувствительна к критическому отношению и возможности унижения со стороны этого авторитета и не намерена ни в чем ему уступить.

Например, один такой мужчина не мог заставить себя при обращении к старшим по должности называть их «господами». По его словам, он тем самым отказался «пресмыкаться перед ними» или «ходить перед ними на задних лапах». Вместе с тем он не мог заставить себя называть своего терапевта, как принято, по фамилии, прибавляя «доктор», даже при первой встрече, и с самого начала, обращаясь к нему, употреблял лишь уменьшительное имя.

Паранойяльная личность постоянно вовлекается в такие защитные и враждебные отношения, – по крайней мере, субъективно, а зачастую и объективно, – с шефом, с руководством или даже с соседом, который, поставив забор «не там», вызвал у параноика однозначную реакцию: «его везде притесняют». С его субъективной точки зрения это называется волевой борьбой. Ригидная воля паранойяльной личности в основном занята именно такой борьбой, в отличие от исполненной долга нацеленности одержимо-навязчивой личности на результат и завершение работы.

Следует запомнить, что защитная способность и поглощенность такой волевой борьбой существуют еще до появления проекций. Хотя в какой-то мере проективное искажение обычно включается в интериоризированный образ внешней фигуры, его оказывается недостаточно для развития базовой способности к защите. Эта защитная способность формируется в результате гораздо более сильной и вместе с тем менее стабильной ригидности, чем у одержимо-навязчивой личности. Паранойяльная личность, как и одержимо-навязчивая личность, находится под влиянием авторитетных образов и норм – какой она должна быть, но ее идентификация с этими образами и нормами оказывается даже

менее удачной и менее полной, а значит, возрастают несоответствие и напряжение между ее ощущением их и ее самоощущением. Следовательно, усиливается острое чувство покорности, стыда и слабости, которые всегда существовали на грани ее сознания, и вместе с тем – чрезмерное и самодовольное утверждение своего авторитета и своей значимости, ригидности воли и очень уязвимой гордости, наряду с поглощенностью их защитой, особенно в присутствии тех авторитетных фигур, которых, по существу, она уважает больше, чем себя.

Защитные способности и антагонизм у таких людей возбуждает не только более или менее прямая угроза их авторитету и самоуважению, которая может исходить от человека, обладающего превосходством. Вполне вероятно, что их осмотренность и осторожность возбуждается при любых резких изменениях, особенно при внезапных, неожиданных, непонятных и неоднозначных – то есть вызывающих некую долю удивления. Является ли это результатом проективного предчувствия, или опять же здесь имеет место процесс, который в своей основе предшествует проекции?

По существу, все новое, изменяющееся и хотя бы отчасти непредсказуемое у любой ригидной личности вызывает ощущение дискомфорта. По этой причине многие одержимо-навязчивые личности организуют свою жизнь согласно привычному и установленному порядку, находят свою нишу, в которой могут вести регулярную и упорядоченную жизнь, защитившись от любых изменений и новшеств. В этом отношении – или просто за счет внутренних норм и правил, а также стабильности и постоянства поставленной в жизни цели – они кажутся спокойными и невозмутимыми. В отличие от них паранойяльную личность можно с уверенностью считать гипервозбудимой, чувствительной и реактивной по отношению к малейшей необычности. На самом деле, эти два типа невротического характера не столь уж различны. Оба они представляют собой реакции ригидного самоуправления и самоконтроля – например, нервное беспокойство, присущее одержимо-навязчивой личности, которая любой неожиданный телефонный звонок или полученное письмо связывает с плохими новостями, – на события, которые они еще не ассимилировали, а значит, эти события таят в себе угрозу их образу жизни и самоконтролю. Одержимо-навязчивая личность, у которой существуют ригидные стабильные цели, может выдержать – то есть игнорировать как ненужные отвлечения – все сюрпризы и проявления нестабильно-

сти в повседневной жизни. Но менее стабильный ригидный характер, с менее определенными целями и личным авторитетом, который испытывает больше внутреннего напряжения, является гораздо более тревожным, а будучи более тревожным, он должен быть более бдительным, ожидая непредвиденные события и ситуации, чтобы обрести некое ощущение владения ситуацией, которая могла бы его смутить или напугать, заставить его почувствовать свою малость, беспомощность или уязвимость.

Такие люди могут стараться избегать непривычного для них окружения. Например, один мужчина избегал неизвестных ему ресторанов и магазинов, объясняя это тем, что не знает, как там правильно себя вести, а потому его могут там «унизить». Но чаще в непривычной ситуации такие люди могут проявлять установку, связанную с чрезмерной, напускной самоуверенностью.

Иными словами, некоторая нестабильность, присущая ригидному характеру, еще до появления проекции будет неизбежно порождать ощущение уязвимости, осмотрительности и, в конечном счете, защитной реакции и враждебного отношения к разным аспектам внешнего мира. Но, наверное, правда, что проекция всегда присутствует, когда эта тревожность достигает определенного уровня или когда тактики и потребности защитных усилий становятся всепоглощающим беспокойством.

Таким образом, напускная самоуверенная установка в незнакомой обстановке у более ригидных людей, защищающихся от внешнего мира, может превратиться в установку: «Я знаю, что у вас на уме». Еще более крайняя и явно проективная форма такой установки выражена у пациента, который, впервые входя в кабинет терапевта, говорит: «Я полагаю, вы записываете все, что я говорю. У меня все в порядке, поэтому давайте начнем».

ПРОЕКЦИЯ

Процесс или механизм проекции значительно легче понимать в контексте существования защитных установок и беспокойства. Он начинается с усиления защитной обеспокоенности вследствие какой-то новой угрозы самооценке или автономии человека, внутренней или внешней по своей природе.

Например, вполне серьезный мужчина средних лет, обладающий чувством собственного достоинства, принимает решение перестать выпивать в одиночку, ему становится стыдно. На следующий же день после вечернего пьянства он чувствует себя особенно неловко на работе перед сотрудниками и руководством, хотя при этом может прекрасно справляться с работой и у него нет никаких явных признаков вчерашней попойки.

У ригидных людей с защитными склонностями такие эффекты могут быть вызваны многочисленными внутренними конфликтами с нормами и требованиями воли. Поскольку такой человек практически всегда занят борьбой с угрозой своей самооценке и авторитету его силы воли, причем эта борьба ведется на два фронта: внутреннем и внешнем, любая дальнейшая потеря самоуважения, имеющая внутреннюю природу, будет усиливать его ощущение уязвимости и от внешней угрозы. Таким образом, переживание неудачи в делах или неприятностей на работе, которое усиливает его чувство неполноценности, будет одновременно усиливать ощущение неловкости, стыда, а также ощущение уязвимости к возможному разоблачению, вины или унижения.

Один ригидный мужчина, и так ощущавший неловкость перед своим шефом, ощутив прилив энергии, отважился попросить повышения по службе и получил его. После этого он сразу забеспокоился о том, что шефу не понравилась его настойчивость. Другой мужчина, обеспокоенный защитой своих прав, получил не столь существенное повышение, как ожидал; он почувствовал, что проявил «слабость», и стал беспокоиться, что не использовал предоставленную ему возможность.

Таким образом, усиление внутреннего конфликта порождает защитную чувствительность к влиянию внешних авторитетных фигур.

Процесс, который мы называем проекцией, идет дальше такой защитной чувствительности, но является ее продуктом. Когда внутреннее напряжение усиливает защитное напряжение, защитная мобилизация становится более ригидной. Чувствительность в разных сферах обостряется, усиливается предчувствиями и становится более ригидно-предвзятой в своих ожиданиях. Тог-

да человек становится не только чувствительным, например, к возможному проявлению пренебрежения, а даже его ожидает и настойчиво его ищет. Он не хочет не принимать его во внимание, если оно должно быть. Он считает его видимое отсутствие временным и испытывает удовлетворение, только убедившись в его присутствии. Такая ригидная предвзятость свидетельствует о превращении защитной чувствительности в то, что мы называем подозрительностью. Разумеется, природа особой индивидуальной ригидной предвзятости и ожидания человека соответствует природе его защитной обеспокоенности. В результате такой ригидной предвзятости появляется проекция.

Профессионально компетентный и пользующийся уважением мужчина, который, однако, не был убежден в своей компетентности, а потому обеспокоен своим статусом в компании, совершил техническую ошибку в работе. Она не имела больших последствий, ее можно было легко исправить, и вряд ли ее мог заметить кто-то другой. Тем не менее спустя несколько дней он стал очень волноваться, что эту ошибку заметят, и чувствовал страх и унижение, ожидая, что за этим последует. Случайно он «заметил» на себе рассеянный взгляд начальника и решил, что тот о нем подумал: «Да, этот сотрудник – действительно слабое звено в нашем отделе».

При наличии проекции человек рассматривает внешнюю фигуру, вызывающую у него защитную тревогу, с таким напряжением, такой сосредоточенностью и такой ригидной предвзятостью и ожиданием, что «раскрытие» угрозы, соответствующей природе защитной тревожности, становится неизбежным. Иными словами, исчезает отчужденность этого человека от объекта, вызывающего у него эту защитную обеспокоенность. Эта фигура для него перестает быть объективной. Нескольких характерных черт, важных ключей становится достаточно для появления защитной предвзятости и ожидания угрожающего образа или идеи, которые, по сути, являются продуктом этой защитной ригидной предвзятости и ожидания. Все, что не соответствует этой защитной предвзятости, человек отбрасывает в сторону, считая несущественным и не заслуживающим внимания. Вместе с тем, его осознание собственного внутреннего конфликта, поглощенное защитной обеспокоенностью и ригидной мобилизацией сил, резко сужается или вооб-

ще исчезает. Таким образом, то, что изначально было внутренней угрозой самооценке ригидного и защитного характера, он превращает во внешнюю угрозу его самоуважению.

Содержание проективных идей совсем не обязательно должно настолько совпадать с содержанием внутренней угрозы, чтобы можно было сказать, что одно заменяет другое, хотя легко предположить прямо противоположное. Проективная идея – это не только «вытолкнутые» на внешнюю фигуру неосознаваемые мысли или чувства, но и распространение защитной реакции на такие фигуры. Соответственно, эти идеи определяются не прямо через чувства, усиливающие эту защитную реакцию, а через возбужденное особое защитное беспокойство и напряженное ожидание. Иногда отношение между такими чувствами и идеями оказывается довольно простым и одно непосредственно переводится в другое, но иногда все оказывается совсем непросто.

Таким образом, было бы абсурдно себе представить, – и никто этого не делает, – что ощущаемая в проекции угроза быть схваченным отражает не признаваемое побуждение схватить. Но такая проективная идея или тревога, наряду с другими формами принуждения, может легко рождаться в голове ригидного и предосторожного человека, который испытывает искушение так или иначе избавиться от этой предосторожности, «уступить» или «сделаться мягче».

Например, молодая двадцатилетняя пациентка, добровольно находясь в открытой психиатрической клинике, как правило, вела себя осторожно и отчужденно, если не откровенно враждебно по отношению к персоналу клиники. Но в некоторых случаях она явно испытывала искушение смягчить свою предосторожность, «допустить», что ей в чем-то нравится работа клиники, сделать нечто, на ее взгляд, приятное своему терапевту или перестать строить планы относительно прекращения пребывания в клинике. Вслед за таким состоянием у нее регулярно происходило осознание, что существуют планы «заклучить» ее в клинику, чтобы там ей промыть мозги или каким-то иным способом заставить ее капитулировать.

Особый случай возникает, если содержание проективных идей, по существу, полностью совпадает с содержанием изначальной внутренней тревожности, – как это бывает в так называемой

проекции Супер-Эго, когда идеи самокритики или сомнения в себе проективно приписываются другим. Тогда изначальное внутреннее ощущение в форме самокритичного суждения становится идентичной по форме бывшей защитной тревожности. Иными словами, изначальное внутреннее напряжение уже оказывается критичным самоосознанием; человек уже ощущает себя в ситуации квазизащиты; и защитная тревога или порожденная ею проективная идея содержит в себе лишь подмену отношения человека к внешней фигуре его отношением к самому себе. Такова проективная идея: «Этот человек является слабым звеном в нашем отделе». Или проективная идея паранойяльного мужчины, крайне сосредоточенного на своей маскулинности и силе, состоящая в том, что в присутственных местах люди на него смотрят, как на гомосексуалиста.

Причина огромного разнообразия проективных идей заключается и в том, что они не просто представляют собой «вытолкнутое» содержание бессознательного, а являются продуктами защитной тревоги ригидного характера. Таким образом, столкнувшись с презрением или унижением, защитная тревога порождает проективные идеи о том, что человека увидели, заметили, сочли «слабым звеном», женоподобным и т.п. – что особенно характерно для заносчивых и высокомерных людей, подозревающих проявление пренебрежения или нанесения ущерба своему авторитету или статусу. Более ригидные люди, а значит, более отчужденные от своего внутреннего конфликта и своей тревоги в отношении слабости, мягкости или «уступчивости» (по отношению к себе или к другим), могут развивать нелепые идеи о том, что их «подловили» или подвергли принудительному или насильственному воздействию – например, гипнозу, ослабляющему или нарушающему волевой контроль, а в некоторых случаях – воздействию даже телесному. В самых крайних случаях ощущение внутренней волевой борьбы почти полностью сменяется защитной борьбой с внешними врагами воли; при этом от изначального внутреннего ощущения остается лишь ощущение находящейся под угрозой и ослабленной воли.

Можно ли проекцию, если ее понимать таким образом, считать «защитным механизмом»? По-моему, такое объяснение неудовлетворительно. Проекция – это не приспособление и не способ; она является результатом процесса, тенденцией организма усиливать напряжение в определенных условиях – не говоря уже

о том, что проекция ослабляет напряжение, поскольку она предотвращает недопустимое усиление напряжения. Ригидная, склонная к защите личность, ощущающая усиление напряжения внутреннего конфликта, а значит, и усиление ощущения своей уязвимости, еще больше ожесточается. Она становится более жесткой и физически, и психологически; она не может вести себя по-другому. Такая ожесточенная защита, а также подозрительное, по сути, проективное создание образа врага – это проявление ригидной защитной воли, мобилизованной до гиперригидного состояния. Защитная схватка с конкретным врагом позволяет сохранить сосредоточенность и цель человеку, для которого сосредоточенность и цель являются весьма существенными, и предвосхищает последующее развитие ощущения внутреннего конфликта.

Теперь я продолжу рассматривать природу некоторых внутренних конфликтов, являющихся причиной усиления защитной способности.

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ ШРЕБЕРА И ТЕОРИЯ ПАРАНОЙИ ФРЕЙДА

Как известно, Фрейд предположил, что причиной, вызывающей паранойю, является отвергаемое сознанием бессознательное гомосексуальное влечение и что, по существу, паранойяльная галлюцинация является отречением от этого влечения. Он разработал эту теорию, в основном опираясь на свое известное клиническое исследование паранойяльной шизофренической личности Даниэля Пауля Шребера⁸⁵, первичная галлюцинация которого основывалась на идее, что против своей воли он был превращен в женщину сначала своим лечащим врачом, психиатром Паулем Флексигом⁸⁶, а затем – Богом, с целью совершить над ним сексуальное насилие. Фрейд пришел к заключению, что врач, ставший в паранойяльной галлюцинации его преследователем, а именно доктор Флексиг, оказался тем самым человеком, к которому Шребер ис-

---

⁸⁵ Sigmund Freud, «Psychoanalytic Notes upon an Autobiographical Account of a Case of Paranoia», *Collected Papers*, vol. III (London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis, 1949), p. 387–470.

⁸⁶ Пауль Эмиль Флексиг (Paul Emil Flehsig, 1847–1929), с 1877 по 1921 г. – профессор психиатрии в Лейпциге, широко известен своими нейроанатомическими исследованиями; его именем назван задний спинномозжечковый путь (пучок Флексига). – *Примеч. ред.*

пытывал бессознательное сексуальное влечение. Опубликованное Фрейдом клиническое исследование было основано на «Мемуарах» Шребера (1903)⁸⁷, в которых он подробно и откровенно описывал свои психотические идеи и переживания.

По мнению Найта⁸⁸, основное положение статьи Фрейда стало одной из самых широко распространенных и фундаментальных идей психоанализа. Когда речь заходила о случае Шребера, свидетельство, которым служили опубликованные им «Мемуары», казалось неопровержимым, а потому на него должна была опираться любая теория паранойи, которая вызывала интерес. Такая теория не должна была находиться в полном согласии с главной причиной паранойи, которую Фрейд приписал гомосексуальности, но должна была учитывать открытую им связь между гомосексуальностью и паранойей – причем учитывать для всех случаев паранойяльного состояния, а я уверен, что это не так, в особенности если речь шла о женщинах. По существу, теории Фрейда пришлось учитывать эту связь, даже если получилось (а по теории Фрейда не должно было получаться), что конкретно в случае Шребера гомосексуальность занимала основное место.

Вместе с тем любая новая теория паранойи должна попытаться ответить на ряд вопросов, которые поставила теория Фрейда, но на которые, по собственному признанию Фрейда, не смогла ответить. Речь идет об основном вопросе, касающемся связи таких отвергаемых сознанием гомосексуальных влечений с протеканием паранойяльного процесса и особой формой и природой паранойяльных симптомов, установок и мыслей. Речь идет также о конкретных вопросах, подобных тем, которые поставил Найт, когда, говоря о недостатках и неполноте теории Фрейда, отметил: «Она не объясняет, почему у параноика развивается такая интенсивная гомосексуальная фантазия и почему он должен ее так отчаянно отрицать»⁸⁹.

Теперь вернемся к самому случаю Шребера. Мы постараемся осознать, как в его галлюцинации о насильственном превращении в женщину можно увидеть превращение его внутренней борь-

---

⁸⁷ Daniel P. Schreber, «Memoirs of My Nervous Illness», translated by Ida MacAlpine and Richard A. Hunter (London: William Dowson, 1955).

⁸⁸ Robert P. Knight, «The Relationships of Latent Homosexuality to Mechanisms of Paranoid Delusion», *Bulletin of the Menninger Clinic* (1940), 4: 149–159.

⁸⁹ Ibid., p. 149.

бы воли в защитную волевою реакцию в борьбе с внешними фигурами и что такое понимание гомосексуального конфликта в его связи с основной проблемой автономии может разрешить некоторые проблемы, поставленные самим исследованием Фрейда.

Находясь в возрасте сорока одного года, спустя всего несколько недель после вступления в должность председателя Дрезденского Апелляционного суда Даниэль Пауль Шребер, сын хорошо известного врача-ортопеда и автора нескольких трудов в области детского воспитания, второй раз испытал приступ сильного психического расстройства. В первом случае, который произошел восемь лет назад, ему был поставлен диагноз «тяжелая ипохондрия» и потребовалась госпитализация, продолжавшаяся шесть месяцев. Этому второму и гораздо более тяжелому расстройству предшествовали некоторые обстоятельства, которые сам Шребер считал серьезными и значимыми для себя переживаниями. В течение некоторого периода времени, прошедшего с момента его уведомления о назначении на эту должность до непосредственного выполнения связанных с ней обязанностей, ему несколько раз приснилось, что возобновляется его прошлое психическое расстройство, и каждый раз, проснувшись, он испытывал облегчение, осознавая, что это происходило только во сне. Был и другой случай, произошедший либо во время сна, либо когда он еще не совсем проснулся. У него появилась «очень необычная» мысль, что ему «действительно было бы очень приятно почувствовать себя женщиной, с которой совершают половой акт». Он «обязательно с негодованием отверг» бы эту идею, если бы находился в полностью бодрствующем состоянии⁹⁰. Вскоре после вступления в новую должность председателя суда у него усилилась бессонница и повысилось возбуждение. Он стал консультироваться у доктора Флексига, который успешно лечил его во время предыдущего психического расстройства, но на этот раз состояние Шребера оказалось намного хуже. Его положили в санаторную клинику, в которой он пребывал в состоянии крайнего возбуждения, испытывал галлюцинации и совершил несколько попыток самоубийства. Он был уверен, что его истязает доктор Флексиг (хотя позже пришел к заключению, что это происходит благодаря попустительству и даже подстрекательству Бога), что Флексиг хочет «убить его душу» и превратить его в женщину, чтобы впоследствии вступить

---

⁹⁰ Schreber, «Memoirs» (см. подробно в примеч. 87), p. 63.

с ней в сексуальные отношения. С течением времени возбуждение, присущее острой фазе психоза, ослабло и развилась чрезвычайно сложная по своей структуре галлюцинация. Шребер пришел к выводу, что его превращение в женщину действительно происходит, что, хотя и против его воли, оно совершается по воле Бога под воздействием таинственных сил; что оно было обусловлено его особым отношением к Богу и что его миссия заключалась в том, чтобы спасти мир и, будучи оплодотворенным божественной эманацией, создать новых людей.

Идея превращения в женщину и лишения его «маскулинности», которая сначала так ужаснула Шребера, в действительности имела более широкий смысл и была гораздо сложнее, чем просто изменение пола. Например, она заключала в себе нечто более серьезное, чем просто угрозу лишения его маскулинности. Ибо превращение, против которого боролся Шребер, с самого начала было не только превращением мужчины в женщину, а превращением честного, порядочного, «морально безупречного»⁹¹, достойного и в чем-то аскетичного мужчины в «распутницу»⁹². Это было превращение волевого человека, умеющего держать себя в руках, в существо, управляемое эротическим влечением и сексуальностью («похотью»). Его борьба против изменения пола в острой фазе психоза одновременно была борьбой против лишения его *мужской воли*, которое осуществлялось в основном внедрением в его тело «женских нервов».

«Я лежал в кровати, сняв одежду, уверенный в том, что таким образом буду *более податлив* (выделено автором) похотливым ощущениям, которые могли бы возбуждать во мне женские нервы и которые уже начали проникать в мое тело. На это влияли и медикаменты, которые я принимал. Поэтому я отказывался их принимать или выплевывал, если врачи насильно вливали их мне в рот. Можно было себе представить, насколько восстало против этого отвратительного намерения все мое мужское естество и чувство мужского достоинства, а по существу – вся моя моральная сущность при наступлении у меня полного и ясного осознания этого намерения»⁹³.

---

⁹¹ Ibid., p. 114.

⁹² Ibid., p. 77.

⁹³ Ibid., p. 76.

То, что физическое изнасилование или попытка лишения Шребера маскулинности означало совершение насилия над его волей с целью сделать его более «податливым», объясняет не только появление у него страха, но и побуждение «мужского достоинства» и «всей моральной сущности» сопротивляться этому насилию. Действительно, Шребер говорит, что «любая, даже самая страшная смерть для него будет лучше такого позорного и унижительного конца»⁹⁴.

При чтении «Мемуаров» Шребера ясно просматривается борьба его мужского достоинства и самоконтроля с женской чувственностью и «похотливостью». Он все время отождествляет *женственность и эротическую чувственность*. Так, он утверждает, что «нервы похотливости существуют во всем теле женщины, тогда как у мужчины они присутствуют только в гениталиях и в непосредственной близости от них...»⁹⁵ и что «чувство сексуального наслаждения, независимо от его психологической основы, гораздо больше присуще женщине, чем мужчине, и пронизывает все ее тело... особенно молочные железы...»⁹⁶.

Такое противопоставление полов, которое также включает в себя и противопоставление состояний, сохраняется даже у человеческих душ после физической смерти человека: «Состояние мужского Блаженства выше состояния женского блаженства; оказывается, что женское блаженство в основном состоит из непрекращающегося ощущения похоти»⁹⁷.

Борьба Шребера против подчинения похотливой чувственности на самом деле была непрерывной борьбой воли.

«Уже больше года женские нервы или нервы похотливости, которые практически везде пронизали мое тело, не могут оказать никакого влияния на мое поведение и на мой образ мышления. Я подавляю каждый женский импульс с помощью моего чувства мужского достоинства и святости моих религиозных мыслей... С другой стороны, моя сила воли не может предотвратить внезапные приступы ощущения похотливости, особенно когда я лежу в постели»⁹⁸.

---

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Ibid., p. 204.

⁹⁶ Ibid., p. 205.

⁹⁷ Ibid., p. 52.

⁹⁸ Ibid., p. 120.

Фактически, подавить волю и самоконтроль значило для Шребера почти то же самое, что «погубить душу», если вообще для него что-то значило. Таким образом, в своем довольно взвешенном и примирительном письме Флексигу, с которого начинаются его «Мемуары», Шребер предполагает:

«Возможно, все разговоры о том, что кто-то погубил свою душу, можно объяснить тем, что душа запрещает нервной системе одного человека влиять на нервную систему другого человека настолько, чтобы полностью подавлять его силу воли, как это происходит во время гипноза. Чтобы решительно указать на порочность этой практики, ее следует назвать “убийством души”»⁹⁹.

Как уже отмечалось, в его превращении в женщину существует и дополнительный смысл, который заключается в покорности и подчинении чужой воле. Можно вспомнить, что его психоз сопровождался фантазией или идеей о том, что, «наверное, приятно оказаться женщиной, подчиняющейся мужчине во время полового акта»¹⁰⁰. Фантазия Шребера отражает влечение, которое мы называем гомосексуальным исходя из его ориентации и объекта. Но в данной фантазии о половом акте сексуальные отношения можно рассматривать как один из видов отношений, где проявляется покорность. Покоряться, подчиняться, уступать, капитулировать – это для Шребера женский тип сексуального поведения, и такое представление о нем в то время было широко распространено, и в какой-то мере оно сохраняется и сейчас. Таким образом, в фантазии о превращении в женщину и в идее о женской сексуальности для Шребера содержатся оба вида покорности воли. С одной стороны, это покорность, о которой мы говорили в связи с сексуальным мазохизмом: отказ от самоконтроля, т.е. подчинение эротической чувственности. С другой стороны, это подчинение

---

⁹⁹ Ibid., p. 35.

¹⁰⁰ Ключевое слово *submitting* было переведено Стрейчи как «подчинение» в цитате Фрейда этого предложения («Psychological Notes upon Paranoia» [см. подробно в примеч. 85], Schreber, «Memoirs» [см. подробно в примеч. 87], translated by MacAlpine's and Hunter's); *succumbing* – имеет дополнительный смысл уступчивости себе, тогда в переводе Стрейчи следует понимать как только уступчивость другому. В данном случае различие в переводе не решающее, но во всяком случае имеет место явная недооценка двусмысленности высказанной точки зрения.

воле другого. Как мы уже отмечали, для ригидной личности эти два вида подчинения могут быть в определенной, но индивидуальной мере одинаковы: оба вида подчинения могут быть эротическими, и, несомненно, они оба являются ненавистными и отвергаемыми. Впоследствии я снова коротко обращаюсь к этому.

Со временем Шребер «смирился» со своим превращением и даже его принял. Он смог это сделать, не потеряв уважения к себе, и фактически переоценил смысл и обстоятельства изменения, которое должно было оказаться для него унижительной покорностью во исполнение воли Бога. Он пришел к тому, чтобы в потворстве похотливости видеть свой долг. Причиной этого «изменения воли» стала не «бесчувственность», а стремление служить Богу. То есть он осознал, что для него «в отношении к похотливости больше нет моральных ограничений, а в некотором смысле действует совершенно обратное»; его долг стал заключаться «в стремлении придать ощущение божественной эманации переживанию женщины, находящейся на вершине сексуального наслаждения»¹⁰¹.

Цель нашего анализа заключается не только в том, чтобы предложить альтернативный смысл гомосексуальному смыслу фантазии Шребера о его превращении в женщину, но и в том, чтобы найти другой и, наверное, более глубокий смысл в идее его изначального отвращения к такому превращению. Фантазия феминизации содержала не только сексуальную ориентацию; у Шребера она содержала в себе идею полного подчинения мужского достоинства, самоконтроля и моральных норм – унижительной женской эротической чувственности. Это обстоятельство (внутренний конфликт Шребера, связанный с его гомосексуальностью, одновременно является волевым сопротивлением ригидной личности, борьбой за сохранение своего авторитета и за волевое поведение в целом) позволяет понять и особое напряжение этой борьбы, и ее превращение в специфичную паранойяльную форму. Ибо именно такая волевая борьба может превратиться в проективную борьбу воли с внешними фигурами. Иначе говоря, ощущение таким человеком соблазна подчинить свою волю женской сексуальной чувственности – или, по сути, любое ощущение ослабления воли (которое ригидные мужчины абсолютно всегда считают «женской» слабостью и мягкостью) – повышает напряжение защитного и, в конечном счете, проективного ожидания унижения и подавления,

---

¹⁰¹ Schreber, «Memoirs» (см. подробно в примеч. 87), p. 208.

особенно у тех мужчин, которые являются объектами такого соблазна.

Что же представляют собой гомосексуальные импульсы? Является ли скрытое гомосексуальное влечение независимым фактором, отвержение которого может даже способствовать ослаблению ригидности и развитию личности так же, как его усиление вызывает резкое усиление ригидности? Или, наоборот, гомосексуальное влечение является результатом или одним из аспектов ригидного характера такого типа? Эти вопросы вызывают еще один, непосредственно связанный с нервным срывом Шребера. Если паранойя Шребера стала прямым последствием усиления гомосексуальных импульсов, имело ли данное усиление независимую природу или оказалось первым проявлением этого нервного срыва, нарушением стабильного состояния его ригидного характера?

Все ригидные личности находятся под воздействием образа высшего авторитета и в той или иной мере амбивалентны в своих чувствах к авторитетным фигурам: с одной стороны, они испытывают крайнее уважение, восхищаются ими и подражают им; с другой стороны, они сопротивляются их воздействию, обижаются на них и от них защищаются. У стабильной одержимо-навязчивой личности эта амбивалентность выражена гораздо меньше. Она ограничена уровнем, позволяющим достичь подлинного самоуважения и ощущения собственного авторитета. Но в той мере, в которой их не удается достичь (как это происходит с менее стабильной и более паранойяльной личностью), авторитетные и статусные фигуры начинают играть важную роль и привлекают их интерес. Для паранойяльной личности они превращаются в объекты почитания и восхищения (зачастую так население почитает своих правителей и восхищается ими), а следовательно – и в объекты, вызывающие высокомерную обиду и защитную враждебность. То, что параноик стремится отгородиться от некоторых авторитетных фигур, пренебрежительно о них отзываясь и стараясь их унижить, или, иначе говоря, что его почтение к ним полно злости, зависти и ощущения его собственного подчиненного положения, – не может скрыть (только если от него самого) условность его уважения и почтительного отношения. Эти авторитетные фигуры не выходят у него из головы. Он хочет заслужить их уважение, их признание, их благодарность, получить от них награду, оказаться им полезным, услужить им, стать их протеже. Стать орудием такой вла-

сти и воли для параноика – значит почувствовать свою силу и авторитет подобно тому, как в более мягком варианте одержимо-навязчивая личность усиливает ощущение своего авторитета и своей значимости, идентифицируясь с догмой. При этом ригидная высокомерная паранойяльная личность ненавидит в себе эти чувства. Она считает их (если осознает их вообще) признанием своей подчиненности, оскорбленного и униженного состояния. Обычно параноик лишь смутно осознает эти чувства; они вытесняются из его сознания порождаемыми ими защитными чувствами, прежде всего – защитным гневом. А потому паранойяльная личность лишь мимолетно осознает и чувство своей подчиненности таким авторитетным фигурам, и степень и природу своей заинтересованности в них; но такой человек крайне чувствителен и часто выражает свое раздражение при малейших проявлениях пренебрежения, снисхождения или отказа.

Фрейд открыл еще один, сексуальный, аспект этой амбивалентности, который вызывает собственную защитную реакцию и защитные идеи. По существу, мы уже встречались с таким проявлением сексуальности у ригидного характера. Речь идет о сексуальном мазохизме, который как раз зависит от отношения низшего к высшему и от специфического эротического отношения ригидной личности к сексуальному подчинению женщины. Иными словами, речь идет о том формате мышления, в котором считается эротичной идея покорности, унижения и подчинения превосходящей силе, зачастую – подчинения женщины превосходящей мужской силе. Я не буду повторять анализ данного сексуального влечения, а лишь отмечу, что для человека с ригидной волей и самоконтролем образ сексуального подчинения кажется особенно эротичным, так как он представляет собой образ подчинения воли, всех ограничений и сопротивлений, уступки другому человеку, которая одновременно является уступкой самому себе. И чем более ригидной и гипертрофированно «мужской» оказывается такая воля, тем более вероятно, что образ подчинения будет женским. Таким образом, вопросы «Почему фантазии о женском сексуальном подчинении должны быть особенно отвратительны для мужчин с такими проявлениями ригидности?» и «Почему такие фантазии кажутся им особенно эротичными?» имеют один и тот же ответ. Для таких мужчин идея о женском сексуальном подчинении – это идея неограниченной и безвольной эротичности, идея, которую Шребер назвал «похотливой», идея эротичности «жен-

щины-шлюхи». Таким образом, подспудное желание стать безвольным инструментом в руках сильной и властной фигуры достигает своей кульминации в фантазии о женском сексуальном подчинении такой фигуре.

Однако не всякую тревогу, вызванную слабостью, недостаточной маскулинностью или женоподобием, ригидного или паранойяльного мужчины можно считать отражением конфликта, связанным с бессознательными гомосексуальными влечениями. Как правило, таким мужчинам отвратительна не только идея о женском сексуальном подчинении. Для них все «женственное» связано со слабостью, мягкостью и уступчивостью. Такой стиль жизни им ненавистен и является угрозой их гордости и самоуважению не только потому, что это способ сексуального подчинения, и не только потому, что он (для них) является женским, но и потому, что он сам по себе противоречит ригидной и гипертрофированно маскулинной воле, «мужской» силе, самоконтролю, чувству собственного достоинства, а следовательно, усиливает воздействие призрака женоподобия и гомосексуальности. Призраки безволия или слабоволия в той или иной форме возникают во время внутреннего конфликта у каждой ригидной личности. Но эти призраки – как, например, в случае с ригидно-обязательной и деятельной личностью, считающей, что, подчинившись импульсу и временно отложив работу, она «уже никогда ничего не сделает», – не обязательно отражают этот конфликт точно, а могут отражать его искаженным и преувеличенным вследствие внутренней тревоги и предвзятости. Для многих мужчин (как страдающих, так и не страдающих паранойей), находящихся под влиянием ригидных и искусственных образов маскулинности, призрак лишения маскулинности, женоподобия или гомосексуальности вызывается целой совокупностью чувств, влечений и поведенческих паттернов, к которым они испытывают отвращение, считая их пассивными, слабыми, вялыми, а значит, женственными. Таким образом, они вообще отвергают эмоциональность и артистизм, предпочитая им рационализм и практицизм, а в сексуальных отношениях отвергают не только женственность и гомосексуальность, но и романтические или даже просто чувственные отношения, предпочитая им по-деловому целенаправленный секс, не допускающий посторонних отвлечений.

Например, мужчина, страдающий навязчивой одержимостью, но не паранойей, не мог решиться сказать своей жене, что он ее любит, так как это выглядело бы слишком «слащаво» и «сентиментально». Позволив себе сказать ей такое, он «не смог бы снова проявлять твердость характера». Иными словами, возможность ослабления «маскулинности», чувства собственного достоинства, сопротивления и самоконтроля породило не только фантазию слабости, но и в каком-то смысле фантазию «лишения маскулинности».

Вернемся к Шреберу. Фрейд немного сказал о том, почему Шребер должен был ощущать усиление гомосексуального влечения именно в тот период времени, за исключением сделанного вскользь замечания, что в возрасте сорока одного года у Шребера случился «мужской климакс». Такое объяснение не является убедительным, а кроме того, как отмечает Уильям Нидерланд¹⁰², оно имеет мало отношения к предыдущему психическому расстройству Шребера, случившемуся девять лет назад. Напротив, похоже, оба эпизода были связаны с некоторыми внешними событиями в социальной жизни Шребера: в первом случае – с неудачной попыткой сделать политическую карьеру, а во втором – с его назначением на должность председателя суда. Сам Шребер связывает свой второй нервный срыв с «крайней перегруженностью работой», которая заключалась в поступлении на новую должность и не давала ему возможности отдыхать, общаясь с друзьями и знакомыми, так как ради работы ему пришлось переехать в другой город. Но первые признаки наступающей беды действительно появились до того, как он реально приступил к выполнению своих служебных обязанностей, хотя уже после того, как получил назначение. Именно в этот период времени ему приснилось повторение его предыдущего нервного срыва, и именно тогда у него родилась «необычная» идея, что ему «действительно было бы очень приятно почувствовать себя женщиной, с которой совершают половой акт».

Нидерланд пишет: «Вместо того чтобы *стремиться* занять должность по конкурсу или принять предложение занять более высокую должность, он должен был *избегать* службы, побуждаемый фантазиями о кастрации, появившимися в тот момент, когда

---

¹⁰² William G. Niederland, «The Schreber Case Psychoanalytic Profile and of a Paranoid Personality» (New York: Quadrangle, 1974).

ужасная мужская роль угрожала стать реальностью»¹⁰³. Этот анализ преимущественно бессознательного конфликта ничего не говорит о существовавших установках сознания и осознанных ощущениях. Разумно предположить, что этот преисполненный долга мужчина с момента своего назначения считал самонадеянным для себя занять эту новую высокую должность. По сути, мы знаем, что, по крайней мере, время от времени он считал для себя допустимым занять эту должность, и вполне вероятно, что раньше он прекрасно осознавал, что и по своему возрасту, и по своему опыту не дотягивает до остальных членов суда, председателем которого он становился. О своих коллегах он пишет следующее: «Почти все они были намного старше меня (чуть ли не на двадцать лет) и во всяком случае гораздо больше знакомы с производством в суде, где я оказался новичком»¹⁰⁴.

Практически не приходится сомневаться в том, что ощущение некомпетентности в сложившейся ситуации сначала частично выразилось в его защитной обеспокоенности отношением к нему более старших коллег и других членов суда, вызванной тем, чтобы заслужить их одобрение и предвосхитить их критическое отношение. По существу, эта тревога стала существенной частью того, что он имел в виду под «крайней перегруженностью работой», которую он испытывал. Объясняя нервное напряжение во время подготовки к своей новой должности, он говорит: «Мне было необходимо... прежде всего своей безупречной работой заслужить уважение моих коллег и других лиц, имеющих отношение к суду (адвокатов и др.)»¹⁰⁵.

Воспринять свои действия и ситуацию в целом как проявление дерзости, самонадеянности¹⁰⁶ – а этот вопрос касался по-

---

¹⁰³ Ibid., p. 41.

¹⁰⁴ Schreber, «Memoirs» (см. подробно в примеч. 87), p. 63.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Еще одно поразительное свидетельство того, что Шребер ощущал свой новый статус и новую должность проявлением самонадеянности, содержится в одной из его последних бредовых идей, в которых «божественная эманация» насмешливо произнесла: «Итак, вот этот становится председателем суда, этот мужчина, который позволил, чтобы над ним совершили половой акт!» (цит. по: Freud, «Psychoanalytic Notes upon Paranoia» [см. подробно в примеч. 85], p. 199–400). Перевод Мак-Альпин и Хантера (MacAlpine and A. Hunter) этого фрагмента (Schreber, «Memoirs» [см. подробно в примеч. 87]) совсем иной; акцент в нем обращен на условия и не несет в смысла таких предположений, да еще на таком уровне: «Представляете, человек, который становится председателем суда, позволил, чтобы над ним совершили половой акт».

стоянной деятельности, а не однократного действия – означало бы сделать шаг назад и критически, с чувством тревоги, себя осознать; это означало бы, что ему будут напоминать или указывать на то, чтобы он вспомнил сам свои недостатки и свою настоящую, менее престижную должность. И такая реакция особенно характерна для обязательного и добросовестного человека. Иными словами, для подобного человека такая ситуация и такое ощущение могут пошатнуть привычное для него ощущение собственной компетентности, уверенности в достижении цели и авторитета. Можно также предположить, что тревожность, порожденная у Шребера новой ситуацией, в которой он оказался, будет еще больше возрастать вследствие особенной тревожности, связанной с ним самим (которая достигла уровня паники к моменту его повторного обращения за помощью к Флексигу) и отразившейся в его сновидениях о возобновлении его предыдущего «нервного заболевания».

Теперь позвольте заметить, что этот ригидный мужчина, который, похоже, вряд ли считал себя способным проявить слабости или нецелеустремленности, фактически пребывал в ослабленном состоянии, ощущая тревогу и стремление как-то от нее защититься, перед тем как вступить в должность. Хотя, если я правильно понял его характер, он вряд ли мог это допустить. Иначе говоря, чувство мужского достоинства, силы воли и самоконтроля, которые впоследствии, по его мнению, разрушили сверхъестественные силы, на тот момент в какой-то мере уже были подорваны, хотя ему было непонятно, почему так случилось. Но слабость воли и неопределенность цели наделяют ригидную личность не только своей тревогой, но и своими потребностями и искушениями. Не было бы ничего удивительного в том, если бы в это время Шребер испытывал сильное, тревожное желание, которому обычно препятствовало его чувство собственного достоинства, – неудовлетворенную потребность в какой-то внешней форме, внешней фигуре, власти, силе и порядке (во Флексиге?). Не было бы ничего особенного или противоречащего ригидному, аскетичному характеру Шребера, в особенности когда пошатнулась стабильность его мужской воли, если бы он испытал искушение «похотливыми» эротическими фантазиями, которые у него стали фантазиями о женском сексуальном подчинении. Мы точно знаем только его конкретную мысль о том, что «с ним совершили половой акт» (и мы знаем об этом точно, по-

тому что он не понимал ее смысла). По существу, он объясняет свою возможность вытерпеть эту фантазию, находясь в том состоянии (минутной) слабости, тем, что не полностью проснулся, и добавляет с характерным для него волевым самоутверждением: «Эта идея была настолько чужда всей моей природе, что могу утверждать: я бы с негодованием ее отверг, находясь в полностью бодрствующем состоянии»¹⁰⁷. Ни на одно мгновение он не мог согласиться с тем, что эта фантазия в чем-то соответствовала его природе. Следовательно, его осознанное ощущение своих желаний, содержащихся в этом сне или фантазии, и других его влечений или ощущений, присущих этому состоянию нервного расстройства, скорее всего, было серьезно ограничено возрастающим чувством тревоги, будто с ним случилось нечто «необычное», зловещее и, в конечном счете, омерзительное.

Конечно, Шребер вернулся к доктору Флексигу и снова покори́лся его лечению и его авторитету. Если даже и существовала какая-то связь между фантазией о женском сексуальном подчинении и желанием Шребера снова лечиться у Флексига, мы об этом ничего не знаем. Возможно, что желание вернуться к Флексигу породило фантазию о сексуальном подчинении, но возможно и то, что два желания «уступить» (если можно так выразиться) были сначала независимы друг от друга, но при этом существовали вместе. Во всяком случае, можно предположить, что решение вернуться к доктору Флексигу тоже было амбивалентным.

Из некоторых замечаний в «Мемуарах» можно заключить, что отношение Шребера к профессору Флексигу было амбивалентным, начиная с успешного лечения Флексига первого нервного срыва Шребера. Эти замечания, даже учитывая, что они отражают более поздний взгляд автора, позволяют ясно понять, что уважение Шребера к Флексигу исходило из чувства долга и было неискренним и что его почтение и восхищение смешивалось с заде́той гордостью, так как ему уже приходилось подчиняться некоторым медицинским процедурам, унижающим его достоинство. Вот что он рассказывает о своем первом лечении:

«В целом методы лечения доктора Флексига произвели на меня исключительно благоприятное впечатление. Может

---

¹⁰⁷ Schreber, «Memoirs» (см. подробно в примеч. 87), p. 63.

быть, были допущены какие-то ошибки... чистая ложь... вряд ли была бы уместна в моем случае, так как... он имел дело с человеком высокого интеллекта... Я уверен, что смог бы вылечиться гораздо скорее... если бы мне разрешили несколько раз самому изменить дозу... Вместе с тем это весьма незначительные моменты... наверное, это было бы неправомерным ожиданием...»¹⁰⁸

Но когда он повторно вернулся к Флексигу, находясь в состоянии крайне нарушенной психики, то практически сразу почувствовал весьма существенное облегчение. Флексиг убедил его в возможностях лечения, и Шребер описывает свое глубокое впечатление от «замечательного красноречия» Флексига. По существу, Шреберу не потребовалось много слов, чтобы сказать, что он сразу и с удовольствием (пусть даже кратковременным) покорился очарованию, исходящему от этого незаурядного человека. Но почти сразу же возникает поразительное предположение о сопротивлении Шребера каждому предписанию Флексига. Флексиг дал ему надежду на излечение только через «благотворный сон, который при возможности начинался в три часа дня». Сразу получив снотворное, Шребер говорит: «Естественно(!), я не ложился спать в три часа дня в доме моей матери – для меня это было слишком рано, но (возможно, в соответствии с каким-то секретным указанием, которое получила моя жена) это время было отложено до девяти вечера»¹⁰⁹. Во всяком случае, попытка лечения сном не увенчалась успехом; в ту ночь он попытался совершить самоубийство, а на следующее утро был помещен в психиатрическую клинику. В последующие дни у него наблюдался явно выраженный психоз с бредом и галлюцинациями. Сначала в его высказываниях преобладал ипохондрический бред (например, о размягчении мозга), вслед за которым последовали маниакальные идеи о преследовании.

Защитной и проективной борьбе Шребера против усилий Флексига его унижить и «лишить его мужественности» предшествовало его прежнее амбивалентное и защитное отношение к авторитету и власти Флексига. Борьбу Шребера можно даже рассматривать как усиление и расширение этой амбивалентности.

---

¹⁰⁸ Ibid., p. 62.

¹⁰⁹ Ibid., p. 65.

Можно себе представить, что Шребер всегда был чрезвычайно чувствительным в отношении собственного достоинства и всегда его защищал перед теми людьми, которых он считал выше себя по статусу, испытывая метания между почтительным отношением к их авторитету и высокомерной защитой своего собственного. Если это представление правильно, то дестабилизация его дисциплинированного и, возможно, несколько навязчивого желания подстроиться (его ощущение снижения собственного авторитета и своего слабоволия) усилила оба аспекта этой амбивалентности. С одной стороны, она усилила соблазн (хотя он этого не признавал) совершенно отказаться от мужской дисциплины и достоинства и безвольно, похотливо покориться обожаемому Флексигу. С другой стороны, отвратительное и необычное ощущение этих желаний, чего-то «чуждого его натуре» и подавляющего его волю, усиливало его защитную реакцию и обращало его подозрения на Флексига как на причину этого ощущения, и в этом смысле оно было совершенно правильным.

Клинический случай Шребера в последние годы привлек к себе на Западе дополнительный интерес благодаря исследованию Уильямом Нидерландом воспоминаний отца Шребера¹¹⁰. Эта новая информация дает прекрасную возможность понять некоторые аспекты развития личности Шребера.

Шребер-старший был признанным авторитетом в воспитании детей и хорошо известным врачом-ортопедом, подвергавшим своих детей жесткому воспитанию, которому были присущи физическое и психологическое принуждение и ограничения в соответствии с его собственной теорией здорового физического и психического развития: стройного тела и «несгибаемой» личности.

Так, например, чтобы добиться этих результатов, Шребер-старший разработал разные ортопедические устройства: всевозможные пояса, ремни, связки и растяжки, которые следовало использовать и во время сна, и во время бодрствования. Их назначение состояло в том, чтобы сохранить правильную осанку и воспрепятствовать ребенку принимать нежелательную позу. Применение таких устройств было только частью общей программы. Вот что пишет Нидерланд:

---

¹¹⁰ Niederland, «Schreber Case» (см. подробно в примеч. 102).

«Кроме подробных методических описаний ежедневных гимнастических и ритмических упражнений [в одной из книг отца Шребера] нам удалось найти... подробное описание каждого поступка ребенка чуть и в течение каждого часа его в обычной повседневной жизни. Это были черновые и готовые инструкции относительно общего правильного поведения ребенка, позволявшие сделать его послушным и воспитать в нем опрятность, и эти инструкции “должны были стать верховным законом”. Были разработаны особые правила поведения за завтраком и за обедом, а также правила ежедневных прогулок, “не допускавшие никаких отклонений от однажды установленной процедуры”»¹¹¹.

Более или менее определенная цель создания такого режима заключалась в том, чтобы сломить волю ребенка. Так, Шребер-старший пишет:

«Плач и нытье без причины не означают ничего, кроме каприза или плохого настроения или первого проявления упрямства; к ним следует относиться с пониманием, и тогда можно постоянно сохранять контроль над ребенком»¹¹².

Нидерланд пишет, что юный Шребер «оказался в полной власти отца, добившегося от него полной покорности и пассивного подчинения, садизм которого еле скрывался под личиной медицинских, новаторских, религиозных и филантропических идей»¹¹³. Действительно, можно спорить о степени принуждения, которая потребовалась, чтобы добиться от Шребера «полного подчинения и пассивной покорности». Суть заключается в том, что это принуждение не совершалось с целью создания пассивного, покорного, «слабого» человека; по крайней мере, Шребер-старший не хотел видеть таким своего сына. Наоборот, цель доктора Шребера, ломавшего волю своего сына, заключалась в ее «ре-формировании» с целью сформировать «сильную» личность, человека, обладающего самоконтролем и самодисциплиной.

---

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Ibid., p. 71.

¹¹³ Ibid., p. 70.

Эта цель четко просматривалась, например, в обучении умению «себе отказывать», которое доктор Шребер рекомендовал в первый год жизни ребенка: когда няня ела и пила, ребенок должен был сидеть у нее на коленях; при этом ему нельзя было взять в рот ни крошки.

Более того, такие цели и установки – цели и установки фанатичного приверженца строгой дисциплины и морали – служили не только прикрытием или маскировкой садизма; садизм был одной из составляющих. Такая фанатичная приверженность морали всегда содержит (и зачастую не столь бессознательно) презрение и ненависть к слабости и мягкости и садистское стремление их наказать. Иначе говоря, идея таких дисциплинарных наказаний с целью создания сильной личности – в значительной мере результат тех же установок и такого же образа мышления, которые порождают приводимое в действие (*driven*) стремление к садистскому наказанию и «дисциплине» ради дисциплины. Садизм и страсть к нравоучениям, так сказать, взаимно продолжают друг друга и постоянно существуют вместе; один из этих компонентов в какой-то мере маскирует другой.

Во всяком случае, цели доктора Шребера были более сложными, и для их реализации требовались более систематические методы по сравнению с теми, которые требовались, например, чтобы ослабить подчинение ребенка прихоти и деспотической власти взрослого. Создавая специальный режим систематического принуждения, доктор Шребер ставил целью заставить подчиняться ребенка *не только человеку*, но и внутренней программе: правилам, принципам и т.п. – и привить уважение и к *их* авторитету, и к их автору. Его цель заключалась в том, что ребенок должен усвоить эти правила и считать их своими собственными, что они заменят ребенку его «постыдные» склонности и влечения при управлении поведением. Иначе говоря, цель этого принудительного режима заключалась в том, чтобы разрушить один вид автономии и вместо него привить другой, заставив ребенка принимать не только указания взрослого, но и его нормы и систему его восприятия, чтобы воспринимать их как свои собственные и полностью идентифицироваться с ними и с порождаемой ими точкой зрения. В результате внедрения авторитарной строгости и принудительного самоконтроля должна сформироваться не покорность, а новый тип воли. Цели и методы Шребера-старшего не слишком отличаются от целей и методов дисциплинарной системы морской

пехоты США. В обоих случаях имеет место изначальное подчинение принудительной дисциплине через идентификацию с ней. Таким образом, то, что можно было бы назвать ощущением покорности, превращается в умение владеть собой и силу, прежде всего мужскую силу. В условиях такого принуждения, когда подавляется автономия и начинают стремительно возрастать чувства беспомощности и даже стыда, такая идентификация может оказаться единственным средством достичь самоуважения. В любом случае такая идентификация, которую никак нельзя называть только пассивной покорностью, по существу, является альтернативой пассивной покорности; и фактически одно из ее последствий – появление ненависти к слабости и покорности.

Несомненно, такая идентификация не может быть полной или совершенно стабильной; она обязательно будет ригидной. Наряду с ощущением силы и самоконтроля она содержит в себе, как и в случае ригидного чувства долга, субъективный аспект покорности и подчинения. И, как видно из случая Шребера, если такая ригидная идентификация поколеблется, может усилиться надежда на некую авторитетную фигуру наряду с искушением, может быть, включающим в себя сексуальный соблазн, отказаться от своей воли в пользу воли этой авторитетной фигуры. Но именно потому, что такое подчинение продолжает вызывать отвращение, оно порождает стремление не только к покорности, но и к защитной и проективной борьбе.

В заключение скажем следующее: ни наличие бессознательной гомосексуальности, ни отвращение к ней не могут объяснить природу паранойяльной патологии; верно прямо противоположное. Природа паранойяльной ригидности и проблемы автономии паранойяльной личности позволяют объяснить и особое стремление, и особое отвращение к «женской» сексуальной покорности; у мужчин это гомосексуальное влечение. Если мои рассуждения правильны, ни это стремление, ни отвращение к нему никогда не играют существенной роли, которую приписал им Фрейд, в развитии паранойи, даже у мужчин. Оказывается, что усиление гомосексуального влечения само по себе является особым проявлением нарушения стабильности при некоторых видах мужской ригидности, которое затем обостряется и часто становится ядром защитного проективного процесса. Именно так обычно развивается процесс мужской паранойи. Возможно и то, что на определенном уровне гомосексуальное влечение может стать одной из составля-

ющих дестабилизации ригидной личности, предшествующей развитию паранойи у мужчин. Но нет никакой явной причины в логике развития паранойи, которая убедила бы нас, что все происходит только так. Фактически мы знаем, что, кроме усиления гомосексуального влечения, очень многие разные внешние и внутренние причины и обстоятельства могут привести к усилению (хотя бы временному) ощущения уязвимости, защитных реакций и проективных искажений у ригидной личности, которая всегда проявляет защитные реакции.

Действительно, если я прав, гомосексуальность не играет такой же роли в женской паранойе, как в мужской, и у женщин эта связь между гомосексуальностью и паранойей фактически не находит такого же общего проявления. Возможно, в состоянии паранойи у женщин с явными гомосексуальными склонностями отвергается не столько гомосексуальная – то есть маскулинная – склонность, сколько, опять же, стремление к «женской» покорности воли, которая ненавистна ригидной, высокомерной, «маскулинной» точке зрения. По-видимому, у некоторых паранойяльных женщин существуют гомосексуальные влечения или фантазии, в которых сексуальная покорность может играть какую-то роль в усилении чувства стыда и защитной реакции, а также в развитии проективных идей, – и эти переживания или фантазии сравнимы с гомосексуальными влечениями, которые встречаются у мужчин. Во всяком случае, объективная категория сексуального влечения, гомосексуальности/гетеросексуальности, маскулинности/женственности не однозначно и не исчерпывающе определяет субъективное ощущение и субъективную важность этого влечения. Например, как в только что рассмотренном случае Шребера, женское сексуальное влечение может вызывать отторжение, если оно ощущается как покорность, но быть вполне приемлемым, если считается моральным долгом.

ПРОБЛЕМА ПАРАНОЙЯЛЬНОЙ ШИЗОФРЕНИИ

Крайнее состояние паранойи обычно имеет характерные черты шизофрении, и любая теория паранойи должна уметь объяснить эту связь. Если паранойя действительно является патологией автономии, крайне ригидным состоянием, тогда необходимо понять, почему при достижении определенной степени расстройства такое состояние принимает характер шизофрении.

Как отмечалось ранее, любая ригидность самоуправления обязательно включает в себя ограничение и постепенную утрату интереса человека к внешнему миру, искажение мировосприятия и, в конечном счете, утрату к нему объективного отношения. Чем сильнее выражена ригидность, тем больше потеря реальности. Я уже рассматривал примеры такой потери у людей одержимых и страдающих навязчивыми состояниями. То обстоятельство, что в той или иной мере цели и задачи таких людей определяются заранее установленными правилами, а не возможностями, которые предоставляют им объективные обстоятельства, означает, что они часто уходят в себя, когда другие люди проявляют интерес к миру. Одержимо-навязчивая личность сосредоточена на том, что ей *следует* заказать в ресторане, тогда как других людей интересует *меню*. Ее интерес к миру ограничен технической информацией, соответствующей существующим авторитетным правилам: «Выполнена ли работа в соответствии с инструкцией? Является ли женщина *подходящим* компаньоном?» – и соответствующей утратой интереса к самой проблеме – реальному делу, реальной женщине. Точно так же опора такого человека на авторитет догмы, на «линию партии» ограничивает его интерес, снижает уровень его осознания разных оттенков в жизни и заменяет нормальное ощущение истинности и убежденность ссылкой на авторитетное решение: так «должно» или так «не должно» быть. Даже беспокойство одержимой личности, вызванное добросовестным стремлением обращать особое внимание на возможность неудачи, означает, что такой человек теряет ощущение нормального хода событий, их относительной значимости и возможности.

Во всех приведенных примерах вмешательство авторитета в виде заранее заданных правил и требований в направлении проявления интереса сужало и делало предвзятым отношение человека к внешнему миру, причем не только в данном конкретном вопросе, но и вообще. И эта утрата полного ощущения объективной сущности внешнего мира ведет непосредственно к искажению процессов самоуправления у ригидного характера.

В паранойяльном состоянии ригидность является более серьезным расстройством; то же самое можно сказать о потере объективации. Защитная мобилизация воли против внешней угрозы вызывает самый ригидный и ограничивающий тип предвзятости в установке паранойяльной личности к внешнему миру. Проще говоря, открытость миру – это удовольствие, которое уязвимые

люди не могут себе позволить. Необходимо разоблачить обман, выявить угрозу, не пропустив недобрые знаки и приметы; в дальнейшем нужно не прекращать эти усилия и не ослаблять их, не давать себя обмануть и не позволять себе удивляться – эти требования делают строго ограниченным и предвзятым ощущение внешнего мира. Человек, который в этом смысле чувствует себя уязвимым, должен признавать все, что может угрожать его личности, независимо от степени удаленности этой угрозы, и не доверять ничему, что кажется безопасным. Он не может точно определиться с тем, что ему кажется безобидным, а значит, не может уверенно считать, что это действительно так, что здесь нет никакой скрытой угрозы и что это – не обман. Следовательно, ему нужно тщательно исследовать все, что кажется безобидным, безвредным или безразличным с точки зрения возможной угрозы, или же, решив, что это только видимость угрозы, он может просто отвести ее в сторону.

В конечном счете, такой человек может быть удовлетворен тем, что его не обманывают, только когда обнаружит угрозу. Больше ничего не может успокоить его тревожное чувство уязвимости, гарантировать, что он не будет удивлен или одурачен, не будет легковерным, благодушным и сентиментальным. Иначе говоря, человек с такой предвзятой установкой в конце концов обязательно выявит угрозу. По крайней мере, он обязательно найдет какой-то элемент неоднозначности, который сочтет вредным, или, по крайней мере, увидит какой-то элемент угрозы в том, что ему кажется неоднозначным.

Вследствие такого взгляда на мир появляются не только особые проективные идеи, но и общее искажение отношения к миру. Ригидность, натренированная предвзятость и ограничение интереса и, в конечном счете, поиск, выявление ключей и извлечение их из контекста – все это свидетельствует об общей потере объективности и чувства меры – причем гораздо более серьезной, чем, например, в случае одержимости тревогой. Английский литературный критик Макс Бирбом¹¹⁴ описывал интеллектуальную способность одного писателя как возможность проникать взглядом

---

¹¹⁴ S.N. Behrman, «Portrait of Max: An Intimate Memoir of Sir Max Beerbohm» (New York: Random House, 1960). (Макс Бирбом [Henry Maximilian Beerbohm, 1872–1956] – английский писатель, художник-карикатурист, книжный иллюстратор. – *Примеч. ред.*)

сквозь кирпичную стену и добавлял, что, конечно же, такой человек не может видеть саму стену. С точки зрения защитной ригидной предвзятости мир может состоять из знаков и символов, ключей, скрытых связей и тайных смыслов – мир, ориентированный на себя и внешнюю угрозу.

Иными словами, как правило, паранойяльная личность чрезвычайно наблюдательна и чувствительна в своих наблюдениях, имея на то особую причину, а также потому эти черты всегда присущи людям с крайне предвзятой установкой, однако эта высокая чувствительность очень избирательна. Эта ригидная и не признаваемая избирательность налагает на восприятие мира интерпретативную схему субъективных значений, которая позволяет использовать некоторые объективные данные, но не отражает объективное отношение к миру. Именно осознанное признание контекста, имеющее индивидуальное, субъективное значение, осознание масштаба фактов и событий и соотношения между фактами и событиями и, кроме того, их смысла и значения с другой точки зрения и в других отношениях, – именно такое отношение отличает объективную установку от установки субъективной и эгоцентричной в том смысле, в каком ее определил Пиаже. Такая объективная установка включает в себя ощущение отдельности (*separateness*) от внешнего мира и вместе с тем обособленности самости, наличия у человека своей собственной точки зрения и различие между индивидуально значимым и объективным. Короче говоря, такая установка надежно обеспечивает полярность между самостью и внешним миром. Если такая полярность отсутствует, можно найти основания для обоснования любой предвзятости; тогда объективное отношение к миру бессознательно заменяется субъективным и эгоцентричным. Таким образом, ригидная предвзятость защитной реакции приводит к повторяющемуся «обнаружению» не признаваемых последствий порожденной ею тревожности и озабоченности.

При усилении защитного напряжения, а следовательно, и ригидной предвзятости, обнаружение внешней угрозы становится все более непоколебимым и неотложным. Мысли и суждения паранойяльной личности становятся так узко ограничены требованиями предосторожности и необходимостью предвидеть угрозу, а также смертельным страхом перед удивлением и обманом, что человек постепенно отказывается принимать во внимание любую точку зрения, за исключением своей собственной, защитно-предвзятой. Исчезают его отстраненность от внешнего мира и его кри-

тические суждения. Больше не существует подлинной осмысливаемой, принимаемой во внимание объективной реальности. Его интерес порождается и ограничивается ключами, отвечающими его ожиданиям; больше ничего его не интересует. Остается лишь объяснение и раскрытие не признаваемых предубеждений.

Например, идея Шребера, что Флексиг имел против него «тайные замыслы», «находила подтверждение» в том, что во время своего посещения Флексиг «не мог больше... смотреть ему прямо в глаза»¹¹⁵.

Сама ригидность подозрительного мышления, его предубежденность и недоступность влиянию может наделить его, как и догматизм, сходством с критическим отчуждением, которым оно в действительности не обладает. Таким образом, то, что можно назвать ригидной предубежденностью, которая «видит насквозь» все, что ей не соответствует, и бурно реагирует на то, что ей соответствует, внешне напоминает критическое и пронизательное суждение. По существу (и опять не так явно, как при догматизме), в ригидно-подозрительной установке может содержаться некая субъективная иллюзия превосходства – преувеличенное, иногда даже грандиозное ощущение всеобъемлющего, пронизательного понимания. На самом деле это псевдопревосходство; присущее ему «понимание» содержится в непризнаваемой тенденции самого процесса мышления и нуждается лишь в своем ускорении через воздействие частей и фрагментов реальности.

Чем серьезнее ригидность, тем более прямой и неотложной становится реакция подозрительной предвзятости и ожидания. В крайнем случае исчезает даже видимость – или примитивная форма – критического суждения. Исчезает даже необходимость «видеть насквозь», не соответствующая такой предвзятости; любой подходящий элемент становится неким сигналом – немедленным, непреодолимым и вездесущим. Исчезает полярность между самостью и внешним миром.

Например, человек, находящийся в обостренном паранойальном состоянии, сообщает, что теперь важные для него сообщения «выскакивают» на него из афиш и радиопередач.

---

¹¹⁵ Schreber, «Memoirs» (см. подробно в примеч. 87), p. 68.

Такое ослабление обособленности от внешнего мира и его объективации – это характерная черта шизофрении. Столь серьезное ослабление объективации должно всегда сопровождаться ослаблением способности к мышлению. Гибкое, сознательно-намеренное направление мысли и внимания требует наличия отчужденной от объекта точки зрения, позволяющей мыслящему человеку о нем рассуждать. Если такая точка зрения разрушается под воздействием ригидно-подозрительной предвзятости, мышление становится исключительно реактивным и в этом смысле совсем беспомощным; включаются стереотипные идеи – они просто «выскакивают» и становятся доминирующими благодаря тому, что во внешней реальности или в самих мыслях прямо и ассоциативно имеет значение для этой предвзятости. Такое ослабление объективации и способности к гибкому и отстраненному управлению мышлением и вниманием – самое главное из всех формальных проявлений, характерных для шизофрении. Это состояние Гольдштейн¹¹⁶ называет шизофренической потерей абстрактной установки; Блатт и Уилд¹¹⁷ – утратой границ; Вернер¹¹⁸ – «синкретичным» (недифференцированным) мышлением, характерным для шизофрении. Это характерное состояние мышления объясняет классические, по-разному описанные симптомы шизофрении, в частности такие: спутанность мыслей, ослабление концентрации, «перескоки мыслей» (*looseness*) и «тангенциальность» (*tangentiality*)¹¹⁹ мышления. Иными словами, эти симптомы отражают неподконтрольное вторжение в более отвле-

---

¹¹⁶ Kurt Goldstein, «Methodological Approach to Schizophrenic Thought Disorder» в кн.: J. S. Kasanin, «Language and Thought in Schizophrenia» (New York, W. W. Norton, 1964), p. 17–39.

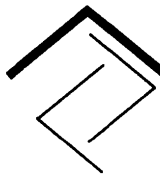
¹¹⁷ Sidney J. Blatt, Sintia M. Wild («Schizophrenia, A Developmental Analysis» [New York: Academic Press, 1976]) в основном считают, что утрата границ является основным признаком шизофрении, но при этом отмечают существенное различие между паранойяльной шизофренией и другими формами шизофрении. Они полагают, что «чрезмерное» выделение объекта при паранойяльной шизофрении может быть компенсаторной попыткой предотвращения диссоциации границ. Однако чрезмерное выделение объекта действительно является ригидным, подозрительным, стереотипным узнаванием объект-сигналов, а не отвлеченным, объективным выделением, которое, как и отчасти псевдопознание, маскирует реальную потерю границ.

¹¹⁸ Heinz Werner, «Comparative Psychology of Mental Development» (Chicago: Follett, 1948), p. 332–336.

¹¹⁹ Тангенциальность мышления – расстройство мышления, связанное с окольными, косвенными или неуместными ответами на вопрос. – *Примеч. пер.*

ченые, преднамеренные и упорядоченные мысли и в речь неотложных (*immediate*) индивидуальных и субъективных ассоциаций или их «засоренность» такими ассоциациями. Хотя в случае паранойяльной шизофрении, за исключением ее крайних случаев, даже при наличии ригидности мышления и поглощенности мыслями, видимо, все же сохраняется некая примитивная управляемость и упорядоченность мышления, спасающая его от более серьезных расстройств, вызванных вторжением хаоса.

Хорошо известно, что состояние шизофрении возвращает нас к ранее исчезнувшей полярности между субъектом и объектом. Я предположил, что развитие автономии, или самоуправления, связано с процессом объективации, то есть что фактически развитие автономии и развитие объективации могут быть двумя аспектами одного процесса. То, что серьезное ослабление автономии при паранойе прямо приводит к соответствующему ослаблению объективации, видимо, подтверждает эту точку зрения.

Содержание

7	.....	Введение.
11	.....	Глава 1. Проблема индивидуальной автономии
34	.....	Глава 2. Развитие автономии
65	.....	Глава 3. Ригидная личность
73	.....	Глава 4. Одержимо-навязчивая ригидность
93	.....	Глава 5. Садизм и мазохизм: общие тенденции
113	.....	Глава 6. Сексуальный садизм и мазохизм
123	.....	Глава 7. Паранойяльная ригидность

Шапиро Дэвид

АВТОНОМИЯ И РИГИДНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Перевод
В. Мершавки, А. Телицыной

Редактор *Г.В. Альперина*

Компьютерная верстка *А.С. Масаев*

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*

Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

Изд. лиц. № 061747

Гигиенический сертификат

№ 77.99.6.953.П.169.1.99. от 19.01.1999 г.

Подписано в печать 10.11.2008 г.

Формат 60x88/16. Гарнитура Петербург. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 2000 экз.

Заказ № 1957.

М.: Независимая фирма «Класс», 2009. – 160 с.

103062, ул. Покровка, д. 31, под. 6.

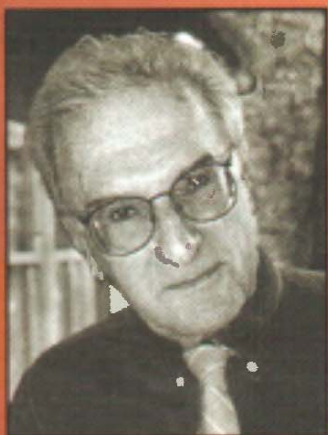
E-mail: igisp@igisp.ru

Internet: <http://www.igisp.ru>

ISBN 978-5-86375-158-0

Отпечатано в ППП «Типография НАУКА»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

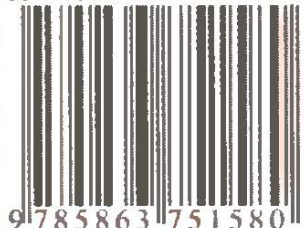

Дэвид Шапиро – профессор психологии, автор многочисленных статей и четырех книг, среди которых его очень известная в России книга «Невротические стили». Д. Шапиро преподает психологию в одном из университетов Нью-Йорка и занимается частной практикой.

«Психология индивидуальной автономии, или самоуправления, с точки зрения психиатрии имеет двойное значение. Первое и главное – она дает общий взгляд на человеческое действие и симптоматическое поведение, а также позволяет сделать общие выводы относительно психопатологии. Поскольку любая психопатология включает в себя внутренний конфликт и некоторое отчуждение от мотивации и намерения, она будет включать в себя и некоторую потерю автономии... Кроме того, что автономия имеет основное значение для психопатологии, ей присуще собственное развитие, в процессе которого она сама может стать источником и причиной конфликта и подвергнуться определенным искажениям в своем развитии. Иными словами, главным и независимым источником любой психопатологии является не только ослабление автономии, которое может проявляться в симптоме, но и абсолютно все конфликты, связанные с развитием, а также вызванные этими конфликтами нарушения и искажения автономии. Это справедливо в отношении разных типов ригидного характера, изучением которых мы займемся в этой книге».

Дэвид Шапиро

ISBN 978-5-86375-158-0

9 785863 751580

КЛАСС

независимая фирма

103062, Москва, ул. Покровка, д. 31, под № 6

Тел. (495) 917-8291, 917-8020, 917-8028

<http://www.igisp.ru>

<http://www.psybooks.ru>